

1770340

Дмитрий Кузовлев

СОЛЕННАЯ НАУКА

димитрий кузовлев

СОЛЕННАЯ НАУКА

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1974

333.4

P2

—
К 89

Автор книги — журналист по образованию. После окончания Московского Государственного университета он в течение ряда лет работал председателем колхоза в Шекснинском районе Вологодской области. Приняв на себя крупное, но разбросанное и слабое хозяйство, он вывел колхоз в передовые. «Не один пуд соли съел» новый председатель с тружениками села, прежде чем постиг их душу и земельную науку. Обо всем этом он с большой достоверностью рассказывает в своей книге, скромно названной записками председателя колхоза.

ЗДРАВСТВУЙ, ВОЛОГОДЧИНА!

ОЕЗД, прогромыхав по железнодорожному мосту, выкатился на просторную гладь равнины. Вот и красавица Шексна! Заснеженная, по-зимнему уставшая, скованная корявым льдом.

За окном вагона потянулись поля, перелески. Там и сям виднеются скирды соломы, стога сена. Проплыли дома какой-то деревеньки. Кажется, Четвериково. Правее, поодаль, в белесой дымке вырисовываются рощица и церковь с уцелевшим куполом, но полуразрушенной колокольней. Это село Едома. Большое село, стоит оно на берегу залива.

Красивые там места. Шесть лет назад мы, семеро тридцатитицатьчников из Подмосковья, жили в Едоме, проходили там незатейливую практику руководства сельскохозяйственной артелью. А потом разъехались кто куда. Мне довелось обосноваться в бывшем Петриневском районе, в колхозе «Красное знамя».

Три с половиной года нелегкого труда, волнений и поисков... Колхоз наш стали замечать в районе, люди воспрянули духом, почувствовали себя уверенней, тверже.

А затем пришел в мою жизнь Московский университет, факультет журналистики. Несколько лет студенческих будней, горячих газетных баталий...

И снова я в этих местах. Здравствуй, Вологодчина! Приворожила, что ли, околдовала?

Поезд пересекает поля колхоза, где меня две недели назад избрали председателем.

Избрали... С трудом избрали, и это обескуражило. Собрание было бурным. Просторный, но неприглядный колхозный клуб, переделанный из деревянной церкви, не вмещал всех желающих присутствовать на выборах нового председателя. Старый часто подходил к трибуне и, надрываясь, говорил:

— Да поймите вы меня, не могу я больше оставаться председателем. Сами знаете, что вышло... Дважды обсуждали на бюро. Теперь вот исключен. Ну, словом, не могу.

— А мы не отпустим, и все тут! — гремел зал.

Слово брали председатель Полежаев, секретарь парткома Чистяков, инструктор райкома Веселов. Тщетно.

— Ну и что? Нового мы не хаем и своего в обиду не дадим, — кричали женщины.

— Да будет вам галдеть, — рассердился кто-то в зале. — Давайте послушаем нового, чего он нам скажет.

Выступать вовсе не хотелось. В самом деле, зачем меня нахваливают? Сунули еще в президиум, отрекомендовав «представителем обкома». Неужели колхозники ничего не понимают?

Неожиданно вырываются слова:

— Вижу, что вы крепко поругали своего председателя, но держитесь за него. Вот и держитесь.

Радуюсь за коллегу: приятно видеть, когда председателя хотя и ругают, но ценят. Хуже, когда гонят в шею.

...Поезд подходит к станции Шеломово медленно, словно оттягивая минуты встречи. Перрон, железнодо-

рожные насыпи пересечены снежными грядами. Накануне прошел буран. От вокзала метнулась знакомая фигура.

— Андрей, здорово! Сам приехал встречать...

Спохватываюсь: «сам» — это теперь я, а Андрей — мой одногодок, но выше меня на голову и шире в плечах, с виду суровый, третий деревенский малый, который еще недавно был «сам», теперь — мой заместитель.

— Ой, парень, что тут было без тебя!.. Век такой бури не видывал. Посмотри, снегу-то накатило.

Он сочувственно косится на мои узконосые ботинки, быстро что-то соображает и безапелляционно командует:

— Беги в домик напротив, там валенки и тулуп.

Проваливаясь с каждым шагом, зачерпнув в ботинки колючего снега, выбираюсь на крылечко избушки. Из-за угла с охапкой дров появляется хозяин. Он добродушно замечает:

— В этих далеко не упрыгаешь.

В тесной халупе сумрачно, но тепло. Спешу отогреть замерзшие пальцы у жаркой печи.

— А я ведь вас припоминаю, — раздается женский голос из дальнего угла.

Пристально вглядываюсь в лицо хозяйки дома. Что-то знакомое, но никак не могу вспомнить, где я мог видеть эту женщину.

— Да вы еще провожали своих товарищей в Борисово-Суду. Заходили к нам, выпивали, а я вам закуску подавала...

М-да, не самое лучшее воспоминание.

Через пять минут серый мерин по кличке Затор уже мчал нас по полю. Показалась Пача — центр колхоза «Заря». Улицей не проехать. Снежный буран, разыгравшийся в начале февраля, засыпал деревню, местами наворотил сугробы вровень с крышами. Ло-

шадь медленно тронулась в обход, по огородам, по брюхо увязая в глубоком снегу еще не укапанной дороги.

— Как со скотом? — спрашивала Андрея.

— Корма грубые подвозились без перебоя, а силоса не бывало дня по три.

В это время санки так накренились, что мы оба чуть не свалились в сугроб. Я оплошал, не успел соскочить и теперь висел на облучке, а Андрей круто развернулся и, тяжело переступая, поддерживал санки, не давая им опрокинуться.

Остановились около конторы. Только теперь, отвернув воротник тулупа, я заметил, что лицо Андрея покрыто крупными каплями пота.

— Ты его будто на себе привез, — насмешливо заметил вышедший встречать нас секретарь парткома.

АНДРЕЙ КУДРЯВЦЕВ

В райкоме Андрея охарактеризовали так: «Кудрявцев на работе себя не жалеет, ворочает как вол, с раннего утра и до позднего вечера. Но водится за ним один грех: напьется — обязательно дров наломает».

— Хорошо, говорю: если райком решил снять его с председателей, давайте оставим заместителем.

Шляпкин, первый секретарь, как будто ждал этого:

— Я тоже так думаю. Но не скрою, у некоторых райкомовцев есть опасения...

— Какие?

— Говорят, что с ним трудно будет сработать. Думают, что тебе не справиться с ним. Уж больно крут характером.

— Попробую.

Секретарь райкома доволен и вроде бы недоволен моим выбором.

— Подсиживать не в его духе. Тут будь спокоен,— добавляет он.

— А я и не боюсь. Подсаживают дураков да ротозеев.

На прощание мне советуют получше осмотреться, приглядеться к людям, найти ключи к ним, зажечь, поднять...

— Учи, чужих в Паче не любят, — по секрету сообщил знакомый инструктор, встретившийся в коридоре.

— Ладно, учту.

И вот второй день мы объезжаем деревни: я принимаю колхоз, Кудрявцев сдает.

— Народ у нас хороший. Зря погонять не надо.

Андрей охотно рассказывает о людях, о фермах, знакомит с хозяйством.

Мы только что проехали Старое Село. Побывали там на скотных дворах, осмотрели кладовые, заглянули на сушилку и в гумна. Теперь впереди — Покровское.

Перед въездом в село красуется двухэтажная школа — когда-то добротно срубленное деревянное здание, но покривившее от времени и покосившееся.

«Надо потом зайти, — намечаю для себя, — поинтересоваться жизнью школы. Как-никак будущие хозяева колхоза подрастают здесь».

И тут же ловлю себя: вот так я примерно рассуждал и раньше, когда принимал колхоз «Красное знамя» в Дмитриевском сельсовете. В первый же день, проходя мимо школы, подумал, что надо зайти, познакомиться. А потом запарился, влез в колхозные дела, и долго было «некогда».

— О чём задумался? — перебил мои мысли Андрей.

— Да вот, школа... Сколько их у вас?

— Две восьмилетки да вроде восемь начальных.

— А учеников много?

— Точно не знаю, что-то около пятисот во всех.

Чувствую по ноткам в голосе, что школами Андрей мало интересуется.

— Тут вот церквушка была, — показывает он влево, — но ее теперь на дрова разобрали. Без крыши стояла, спнила.

Мы проскочили мимо небольшой рощицы. Это было кладбище. Кого-то недавно похоронили: чернел свежий холм, прикрытый цветами. Три женщины хлопотали подле холма. Они не обратили на нас никакого внимания, продолжали заниматься своим делом.

— Кто-то умер?

— Наверно...

Помолчали. Покровское осталось позади. В поле опять подул ветер, обжигая лицо. Глубже втягиваю голову в плечи, кутаюсь в воротник. Андрей шевелит вожжами, и Затор мчится лихой рысью. Комья снега летят из-под копыт, я отворачиваюсь.

— Козырек у санок надо бы сделать повыше, а то снегом забрасывает, — замечает мой собеседник.

Кивком головы соглашаюсь с ним.

Свернули в перелесок. Стало тише. Можно теперь оглядеться. Стараюсь запомнить дорогу, приметить каждый кустик.

— Скоро будет Соколье — самая дальняя деревня в этом краю, — сообщает Андрей.

— А Демидово?

— Далеко отсюда. Вернемся назад и возьмем пра-вее, через Шапкино и Берендину. Сегодня не успеем.

В Соколье прибыли в сумерках. Бригадир, низкого роста кряжистый мужик, повел нас на скотные дворы. Он не отличается разговорчивостью, и потому обход большей частью проходит молча. Лишь изредка перекидываемся короткими фразами:

— Сколько коров?

— Семьдесят пять.

— Корма есть на ферме?

— Подвозим аккуратно.

В кормушках нахожу толстый слой преющего
корма.

— Не чистите?!

Бригадир с укором смотрит на доярок.

Самая шустрая из них объясняет:

— Только два дня не чистили.

— И такой слой накопился... Хвойная мука есть?

— Сегодня навозили хвои, — отвечает за доярку
бригадир.

А в конюшне совсем другое: кони вычищены, в
кормушках доброе клеверное сено, в проходе подметено.

— Кого больше любишь, Василий Антонович, ло-
шадку или корову?

— Да ведь и тех, и других приходится.

— Это приходится. А кто все же ближе сердцу?

Бригадир не дает ясного ответа, но и без того все
понятно.

Поздно вечером вернулись в Старое Село. Оказы-
вается, здесь у Андрея дом, это его родина. А днем,
проезжая мимо, он ничего не сказал.

— Переночуем у меня.

Соглашаюсь. На дворе ночь, до Пачи еще далеко,
и дороги я толком не знаю.

На пороге приветливо встречает хозяйка.

— Зоя, — коротко представляет ее Андрей.

Вижу, что нас ждали. Минут через пять на столе
появилась миска горячих щей. Обжигаясь, мы приня-
лись опораживать посуду.

— Что же это ты нас одними щами пробавляешь...
Налила бы, что ли, — недовольно обратился Андрей
к жене.

Та смутилась:

- А может, новый председатель не пьет?
- Ну, это мы сейчас проверим.

Не успел я что-либо сказать в ответ, как Андрей разлил водку по рюмкам, заткнул бутылку и подал ее обратно жене.

- Все, хватит. Будем пить по-новому.
- Я невольно улыбнулся и взял рюмку.
- И работать по-новому!
- Это уж само собой!

УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНЬЕ

Февральские ночи длинные. И хотя спать улеглись после полуночи, до рассвета было далеко.

Спать не хотелось: думал обо всем, что увидел за день. Чуточку кололо самолюбие. Колхозники всюду обращались к Андрею, и хотя знали, что рядом новый председатель, мало считались с этим. Иной бросит в знак приветствия:

— Это что, новый хозяин?

Весь день пытался уловить настроение людей, но кроме поверхностного любопытства ничего не открыл. Порой становилось тяжело, но надо было гнать это чувство подавленности. Ведь кто я им? Посторонний человек, поставленный, пожалуй, против их воли председателем. Мне они дали аванс, его надо отрабатывать. Не хныкать, а показать, на что способен. Двинуть хозяйство вперед! Сумею ли?

Должен!..

Слово чуть не срывается с губ. Спохватившись, останавливаю себя, от досады резко переворачиваюсь на другой бок. Затем снова ложусь на спину и открываю глаза. Смотреть в темноту быстро надоедает. Хочется закрыться с головой и ни о чем не думать. Но

это не удается. Возбужденный мозг усиленно работает, мысли нанизываются одна на другую.

...Проснулся в половине восьмого.

Андрей давно уже был на ногах, осторожно ходил по комнатам.

Быстро вскакиваю, одеваюсь. Затекла правая рука. Видно, последний «перевал» пришелся на правый бок.

Делаю легкую разминку.

В комнату заглядывает Андрей.

— Бриться будешь?

Провожу ладонью по щекам. Терпимо вроде... Но лучше побриться.

Через десять минут садимся завтракать. Зоя собрала на стол и быстро удалилась, чтоб не мешать мужчинам обсуждать свои дела. Но за завтраком разговора не вышло. Что-то мешало. Оставалась надежда на дорожную беседу. Так и получилось на самом деле: два-три вопроса, и Андрей становится снова словоохотливым.

— Вон видишь кустарниковые гряды? Остались после раскорчевки. Тут кругом старосельские земли, а там, правее, — Пашнец. У них низкие места, весной и осенью на тракторе не пробраться. Восточнее — видишь ровную гладь — озеро. Добраться до него летом тоже нелегко: берега болотистые. По соседству с озером распахано поле. Но черт его знает, что за земля? Посеяли овес, так и коровы его не едят. Траву раньше косили — тоже несъедобная. Что там за соли — никто не знает.

— А влево, — продолжает свой рассказ Андрей, — пойдут уже демидовские поля. Покосы у них богатые и земли подходящие. Демидово всегда жило крепко, раньше по трудодням мясо выдавали.

...Незаметно докатили до Беренджи. Небольшое, но, видать, крепкое поселение. Дома аккуратные, ров-

но выстроенные. К речке за огородами — у каждого башняка: стало быть, чисто живут, в печах не моются.

Первым делом отправляемся на скотные дворы. Я чуть задержался у сеновала, а Андрей — быстро в коровник. Через минуту оттуда раздалось громовое:

— Гурьян! Ты что, в своем уме? Или сдуруел чаем?

Спешу узнать, в чем дело. Во дворе стоят дровни, нагруженные навозом; замечаю — наполовину с силосом. Андрей дает нагоняй бригадиру.

— Да ведь не едят его коровы, — говорит Гурьян, заметно смутившись.

Но Андрея это оправдание только подогревает.

— Ты первый день на свете живешь? Не знаешь, как скармливать корма? Ребенок... Настанут еще черные дни — и такому силосу будешь рад.

Я готов был согласиться, что силос надо скармливать умнее, но хотелось протестовать против грубого обращения с бригадиром. Однако протест мог показаться неуместным, и я решил поговорить о случившемся дорогой.

— Андрей... А что, Гурьян из-под палки привык работать? — начинаю издалека.

— Рвань ему почаще надо устраивать.

— За силос или еще за что?

— Не любит на скотные дворы заглядывать. Зима ему — отдых.

— А на правлении его обсуждали?

— Обсуждали, да хоть кол на голове теши...

— Может, еще потолковать с ним надо.

Андрей ответил не сразу, о чем-то задумался.

— Бригадка его маленькая, Пашнец да Берендюха. Сам-то он из Пашнеца. Но со льном управляет лучше всех. Нынче по 1200 рублей с гектара выхватили. Одни только и премию получили.

— А другие как?

— У других меньше тысячи вышло, до премий не дотянули.

На этом обсуждение инцидента и закончилось. Подъехали к следующей небольшой деревеньке.

— Это и есть Пашнец?

— Он самый.

Я невольно поглядел направо, налево, стараясь заметить хоть какую-нибудь особенность этой деревни. Но ничего примечательного не нашел: низенькие дома, обложенные мхом или соломой, две кривые улочки сошлись под тупым углом, на отшибе расположились скотные дворы, приплюснутые к земле, до крыш занесенные снегом. Две женщины копались в сугробе, расчищая проход к воротам.

Из маленькой убогой водогрейки валил густой черный дым. В двери нельзя войти: сквозь чад ничего не видно. На наши голоса кто-то отозвался изнутри, а потом в дверях показалась женщина.

— Что, по-черному топите?

— Затопишь. Сделали печь, а в ней котлы сразу опустились.

Андрей сердито махнул рукой и пошел в коровник.

— Это демидовский пекарня наваракосил.

— Надо заставить переделать и денег не платить.

— Обязательно надо, — соглашается Андрей.

После перебранки с бригадиром он немного поостыл, уже не командовал, а соглашался.

ЛЕСНАЯ СТОРОНКА — ДЕМИДОВО

Пашнец оставил неприятное впечатление: на скотном дворе грязно, навоз не прибран, коровы тощие, не чищены, корма разбросаны на улице, а сеновалы почти пустые. В комнате доярок не прибрано, по углам паутина. Всюду грязь, запустение.

— Слабая, видно, эта ферма?

Андрей ничего не ответил. Всю дорогу до Демидова он молчал, изредка потряхивал вожжами:

— Но, балуй!

Зимняя дорога тянулась по лесным уроцищам. Уроцища рвались, начинались луга, прогалины. Затем снова наплывали перелески.

Перед самой деревней Андрей вновь оживился. Дернул озорно вожжой, прикрикнул на Затора, лихо откинулся в санках и даже успел сдвинуть шапку на затылок. Стояли крепкие морозы. Но Андрей три дня, что провели мы в дороге, не развязывал шапки. Правда, одет был в теплый тулуп, но воротника тоже не поднимал.

На мне было зимнее пальто, которым я тяготился в Москве, там оно казалось слишком тяжелым и теплым. А здесь слабо защищало от резкого ветра. Но сдаваться не хотелось, и в этом я чувствовал какое-то превосходство: «Вот, мол, ты в тулупе, а я, городской человек, — в пальто, и ничего, ис ежусь».

Андрей это только теперь заметил:

— Тебе тулуп надо.

— Потом, — отмахиваюсь я.

Заехали на скотный двор. Слово «двор», пожалуй, мало подходило. Это был целый животноводческий городок. Три коровника (два стояли параллельно, третий к ним перпендикулярно), два телятника, конюшня, водокачка, силосные башни, сеновалы.

Заметил, что все сеновалы на замке. «Сразу чувствуется — староверы».

Городок обнесен забором, по территории разгуливали коровы.

Недоумеваю: «Это зачем же в такой морозице их выпустили?».

Но Андрей с нарочитой угрюмостью отправился в ближайший коровник. Я теперь понял, почему он ожи-

вился перед въездом в деревню: Андрей гордился демидовской бригадой, собирался чем-то удивить меня.

В комнате доярок собрались животноводы. Учетчица, молодая говорливая женщина, заканчивала приемку молока. Последняя доярка опоражнивала молокомер, другие в ожидании предстоящей беседы расположились на скамейке возле печи.

— Ну-к, что ж, нынче вроде бы побольше надоили, — подвела учетчица итог обеденного удоя.

— Постарались для начальства, — отзвались дружно доярки.

Не понять, то ли в шутку, то ли всерьез это было сказано, но ясно одно — нас здесь ожидали.

«Ах вот почему коровы по морозу гуляют». Я приготовился к беседе.

Как и следовало ожидать, доярки засыпали нас вопросами:

— Халаты когда дадите?

— Вода в колодце кончается, надо подвозить из родника!

— Будут ли еще «сильные» корма?

Я не знал, что толком ответить, и всякий раз смотрел на Андрея.

— Будут, обязательно будут, — успокоил он насчет «сильных» кормов. И тут же перевел разговор на другое: — Силос плохо скармливаете, под ногами валяется. Коровы у вас грязные. Чистить когда будете?

Доярки шутливо оправдывались, находили массу уверток, и сами, в свою очередь, не давали Андрею спуску. Он, вероятно, хорошо все это знал, и вскоре их словесная перепалка вылилась во взаимные шуточки.

— Ай да Андрей, не проймешь его, чертяку, — сдались первыми доярки. — Мы его, а он нас припирает. Ну чего шумишь, все сделаем как надо.

— Ну и мы сделаем. Будут вам халаты, уже закупили...

На обратной дороге я заметил Андрею, что халатов мы еще не «закупили» и вряд ли скоро купим, потому что их нет.

— Ничего, купим, — ответил беззаботно он.
Трудно ему отрешиться от привычной роли.

ХОЧЕТСЯ ЗНАТЬ

Свежего человека в незнакомой местности всегда интересует история деревень. Хочется докопаться, откуда взялись такие названия — Едома, Добрец, Дурасово, Пача, Четвериково, Дресвянка, Курово, Покровское, Старое Село...

Впрочем, Старое Село — это ясно, видимо, оно возникло раньше соседних. Другие названия просто объяснимы: Горка — на горе, Демидово — вероятно, первого поселянина звали Демидом, а может быть, деревня принадлежала когда-то помещику Демидову. По всей вероятности, и Курово, и Лапино, и Калинкино так же названы. Но Безносово, Матюково?.. Теперь это — Соколово и Красный Холм. Но неужели раньше там жили одни безносые или ярые сквернословы?

Или, например, Соболино, Соколье... Сейчас во всей округе и в помине нет ни соболей, ни соколов. Потом Кичино, Гмызово... Откуда взялись такие названия?

Пожалуй, надо специально порасспросить старых людей. Они, наверно, многое знают из истории своих деревень.

Все деревни на первый взгляд мало чем отличаются друг от друга. Но это только на первый взгляд. Присмотрись внимательнее, и ты найдешь немало характерного, неповторимого, свойственного только одной этой деревне.

Правда, для этого надо быть по-деревенски наблюдательным, знать кое-что об укладе деревенской жиз-

ни и побывать не только на севере, но и на юге, и в центральных областях, чтобы разница бросалась в глаза, давала повод к анализу, сравнению.

Человеку, никогда ранее не бывавшему в сельской местности, трудно схватить все эти нюансы деревенского быта.

Говорят, деревня строится применительно к условиям местности. Главное, чтобы вода была близко. Хорошо, когда ключи рядом. Люди издавна научились подмечать, откуда чаще дуют ветры, и стараются так расположить улицы своих селений, чтобы их меньше заносило снегом и был удобнее сток талых вод. Северные деревни всегда на взгорках — грязи меньше. И это важно. Но в первую очередь нужен ориентир в лесистой местности, чтоб деревни возвышались над лесом, подальше виднелись окрест...

Все это верно, все это так. Однако на архитектуру села влияли также и характеры самих поселян, их психология.

Были и раньше всякие «инструкции» (не в наш же век их выдумали!), скажем, о пожарном деле. Но там, где мужики уживчивее, дружнее, их дома стоят теснее, даже деревья под окнами гуще посажены. И по сию пору такие деревни наиболее сохранились: нелегко расставаться с дружной семьей, не враз на то решишься.

И наоборот, разбросанные посады редеют куда быстрее, словно это куски магнита — чем дальше они друг от друга, тем слабее между ними связь.

Мужики степенной деревни строят дома свои строго в ряд, придерживаются определенной линии посада. «Шумовики», драчливые — разбрасывают избы и вкось, и вкривь. Кто побоеевее, строится на первом плане, высакивает красным углом чуть ли не на дорогу. Тихони, как правило, пятятся в огороды, ютятся где-то на задворках.

Известный отпечаток наложило на архитектуру деревни и бывшее социальное неравенство. Но оно ушло теперь в прошлое. А оставшиеся следы — что ж, они лишний раз напоминают, как необходимы были вихри Октября...

С ЧЕГО НАЧАТЬ?

Вечный и почти банальный вопрос. Но его не обойти ни одному председателю. Никак не миновать! Чем глубже влезаешь в хозяйство, чем больше узнаешь его болячки, тем тревожнее, назойливее этот вопрос.

С чего начать, за что уцепиться?

Ломаешь голову ночи напролет и никакого резона...

Встаешь поутру с головной болью. С тревогой на душе выходишь на улицу, бредешь до своей конторки: «Авось что-нибудь придумаю»... По улице снуют люди: кто на работу, кто в магазин торопится. У каждого свое дело, своя забота. А тебя грызет все то же. С чего начинать?

Пробуешь сунуться к тому, к другому со своей докукой.

— С земли надо начинать. Она — матушка-кормилица! Начнешь ее любить-кормить, непременно тебя отблагодарит, — говорят одни.

Другие больше уповают на животноводство:

— В нем вся опора.

Что против этого возразишь?

Есть и третья прописная истина: надо начинать с заботы о людях.

Ох как точно и верно! И современно... Только от голой заботы никому лучше не бывает. Пустобрехом назовут. Нет, обещалкиным быть не хочется.

...С такими вот «крючками» в голове я и отправился к секретарю райкома А. И. Шляпкину. Он пре-

дупреждал меня заранее: «Приглядись пока к хозяйству, а потом подумаем вместе, что делать».

— Ну, и как решил, с чего начинать надумал?

— С земли, наверно.

— Верно, с земли надо начинать. Только это понятие слишком объемно. У вас там торфя вокруг... Надо заготовлять, компостировать...

— А чего же до меня председатели, специалисты не додумались разве?

— Думали, да силенок не хватало.

— Ну так и со мною немного их прибавилось в колхозе.

Шляпкин понимает это по-своему:

— Рассчитываешь на помощь?

— Нет, особицы не требую. Всё нуждаются в помощи.

— Верно.

Молча закуриваем.

— М-да. Значит, на первом плане не земля?

— Кто ее знает...

— Тогда нажимай на животноводство. У вас в «Заре» племенная работа угасла. А раньше, например, в Едоме рекорды ставили. Лебедев там возился. А теперь стих. Ты на это обрати внимание.

— Хорошо. Только без подъема в земледелии и животноводство не поднять.

Веселый блеск в глазах Александра Ивановича.

Ага, значит, доходит...

— Но в наших условиях без развитого животноводства от земли хороших урожаев тоже нечего ждать.

Секретарь райкома долго, испытующе смотрит на меня.

— Постой, постой... Что же, по-твоему, выходит?

— Круг выходит. Заколдованный.

Шляпкин с укором поглядывает в мою сторону. Откинувшись в кресле, он постукивает пальцами единст-

венной руки по кромке стола. Вторая — осталась на фронте.

— И эти мысли ты привез из Москвы?

— Нет, частично здесь приобрел.

На этом и закончилась наша программная беседа. На прощание Александр Иванович посоветовал еще поглядеть и еще подумать.

Так с чего же мне начинать?..

РАЗОРВАТЬ КРУГ

Когда ликвидировали МТС, некоторые председатели упирались:

— Зачем? МТС — не плохое дело, плохи наши взаимоотношения с нею.

Ведь как было: МТС пашет, сеет, убирает в колхозе. Плохо ли, хорошо ли, а колхоз подавай ей за «мягкие гектары» натурой по твердой ставке. Если тебе при том ничего не оставалось, сам виноват: плохо, видно, старался.

Мужик начинал понимать: несправедливо это. «Оба мы равные хозяева на земле, в равной степени и отвечать, и получать должны».

Уже тогда кое-кто предлагал сделать все иначе. Например, вместо твердой натуроплаты за «мягкие гектары» установить дифференцированные процентные взаимоотношения колхоза с МТС. Вложил такую-то долю труда — получи соответствующий процент от валового сбора. Просто и ясно. Чем выше урожай, тем жирнее проценты каждой стороны. Заинтересованность обоядная.

А главное — вселилась бы уверенность, что никто никого не обманет.

Тогда это нужно было.

А сейчас?

Сейчас техника в руках колхоза, между нею и колхозниками теперь как будто нет противоречий. Технику колхозники обожают, на нее вся надежда.

Но колхозы теперь стали огромными, не то что раньше — одна-две деревни. Кто его знает, как там стараются трудятся мужики других, особенно дальних деревень? С ними порой встречаешься лишь один раз в год, разве что на отчетном собрании. Мужикам одной деревни всегда кажется, что их подводят мужики соседних деревень: «Как же, знаем мы их таких-разэтаких, век с ленцой работали».

На проверку так и выходило: урожай собирали разный, об этом на собраниях докладывали, а получали все одинаково.

С переходом на денежную оплату экономика колхоза укрепилась, но мало что изменилось в принципе распределения по труду.

Отстающие бригады, как правило, умудрялись перерасходовать фонд зарплаты. И если в конце года никакой добавки не причиталось, то ничем их не урезать. Что с возу упало...

Что же делать?

Вводить внутрихозяйственный расчет.

Но ведь и раньше его вводили, еще при МТС. А что выходило?..

Э, нет. Тогда техника была не в руках колхоза, и введенный хозрасчет был призрачным, рассматривался многими как инструмент агитации. Не больше.

А теперь иное дело. Теперь можно говорить не о каких-то там «элементах» хозрасчета, а о полном хозрасчете, выработав к тому же свои, местные принципы решения хозяйственных и экономических проблем. Скажем, ежегодно происходит передача сена из одной бригады в другую. Как эту передачу регулировать? По плановой или по фактической себестоимости? Порой ни то, ни другое не годится, разные годы бывают...

Или, к примеру, капитальные затраты. По установленной методике расчета получается, что чем меньше произведено капитальных затрат, тем больше остается для распределения по труду. Разве это разумно?

А понятие «доход»? Иногда это слово произносят чуть ли не с благоговением. Доход — это наше достижение! Так ли это?

Пусти под нож лишний десяток скота — вот тебе и повышенный доход. А в следующий год что будешь делать?

Здесь тоже нужен свой закон-ограничитель.

Хозрасчет должен взять во внимание и сложившуюся психологию крестьянина. Колхозник долгие годы получал за труд натурой, он под эту «базу», или точнее на этом фундаменте построил свое личное хозяйство. А теперь вдруг все перевели на деньги. Хорошо это или плохо? И да, и нет.

К деньгам колхозник быстро привык. Но зато он быстро начинает отвыкать и от того, из чего «делаются» деньги для крестьянина.

Плох урожай зерновых — мужик теперь не расстраивается: «Были бы деньги, а хлеб и в магазине купить можно».

То есть без выдачи «натуры» мы приучаем крестьянина рассуждать о хлебе насущном по-городскому. А это опасно. Значит, надо обязательно предусмотреть это в хозрасчете.

К примеру, если урожайность низкая, 7—8 центнеров с гектара в среднем за несколько лет, то надо выдвинуть такой лозунг: «Восемь центнеров в общественный амбар — остальное колхозникам». Пусть стремятся получить урожай выше.

Не сразу поверят в хозрасчет мужики. Но делать больше нечего, надо вводить его.

И ДУМАТЬ, И ДЕЙСТВОВАТЬ!

Хорошо иной раз лишний часок подумать, поразмыслять... Но мне никогда не хватает времени на это. Вот и записи свои пришлось надолго прервать. Жизнь бежит куда быстрее, нежели мы успеваем думать о ней.

Пролетела зима. На смену трескучим морозам выкатилось яркое ласковое весеннее солнышко.

С пригорков побежали ручьи. У нас, правда, мало их, все больше равнины да низины. Но и на равнине снег не устоял: теплые лучи подточили толстый снежный наст, двинули всды.

Забурлило, зашумело все вокруг, загомонило!

Нужно скорее готовиться к севу. Постепенно вхожу в роль: от меня все настойчивее требуют запасных частей, кормов на распутьцу, кондиционных семян, планы на посевную, списки звеньев...

В конце марта собрали совместное заседание парткома и правления колхоза. Слушался мой доклад:

— Товарищи! Хотя и поздновато немного беремся, но надо переводить бригады на хозрасчет. Поездил я по колхозу, приглядился... Вижу, без хозрасчета нам не двинуться вперед. Посмотрите, как мы используем хотя бы технику...

Бригадиры, агрономы, зоотехники, члены правления враз притихли, угомонились. Они уставились на меня: «Что-то им скажет новый председатель?».

Я продолжал:

— У нас три тракторные бригады, а полеводческих — четырнадцать. Каждая бригада старается по-дольше задержать у себя трактор, лишь бы для себя побольше сделать. А на соседа — плевать. Постоянные ссоры из-за тракторов.

— Что верно, то верно. Есть такой грех, — откликнулись бригадиры.

— Надо всю технику передать в полеводческие бригады, чтобы бригадир командовал ею.

Правленцы и члены парткома сидели тихо, не возражали. Но кое-кто уже покачивал головою.

— Машин у нас еще немного. Дать по одному-два трактора — ничего не выйдет. «ДТ» — всего девять, по одному не достанется. И выходит, что надо не только переходить на хозрасчет, но и укрупнять бригады. Одноцепляется за другое: чтобы правильно, разумно вести хозяйство, нужен хозрасчет, но хозрасчет тогда будет эффективным, когда бригада имеет целый комплекс необходимых машин, — выпалил я, боясь, что меня перебьют. И продолжил: — А машин еще мало для четырнадцати бригад. Поэтому надо сделать из четырнадцати, скажем, шесть-семь бригад, придерживаясь сложившихся границ старых колхозов. В каждой бригаде будет по три-четыре трактора — и гусеничные, и колесные. У нас семь комбайнов, девять автомашин. Это будет уже комплекс. Не богатый, правда, но все-таки...

— Вот-вот, не богатый, — заметил механик Зародов.

— Надо пока исходить из реальных возможностей. А там видно станет, чего еще сможем купить.

— Правильно, хозрасчет нужен, — поддерживает с места бригадир покровской бригады Дрогалов Василий Иванович. — Но вот объединения-разъединения — они колхозникам надоели. Как кость в горле! Смеются теперь над этим.

— Василий Иванович, — доказываю я, — объединения-разъединения колхозов — одно дело, а объединение бригад — другое. Оно не связано с дележкой угодий, имущества, скота и прочего. Это наше внутреннее дело. Надо только правильно понять цели и задачи.

— Да я не против, — сдается Дрогалов.

— А по мне, все это пустое, — категорически за-

являет бригадир центральной тракторной бригады Денисов Михаил Ефремович. — Это тебя, председатель, полеводы настrekали.

— А вы что, Михаил Ефремович, против того, чтобы полеводческим бригадам дать технику в руки?

— Против. Потому что распорядиться ею они не смогут.

— А мы вот возьмем и вас поставим во главе укрупненной бригады и назовем ее комплексной.

— Не пойду я ни за что.

— Что же так?

— А так, каждому свое. Я, например, больше по технике... А коровы, лошади, прочие там телята — они мне не по душе. Мне и дома эта скотина не нравится.

Меня так и подмывает отчитать этого сугубо «техничного» руководителя.

— Вот вам еще одно доказательство, что необходим хозрасчет. Нужно отдать технику в руки тех, кому приходится думать и о пашне, и о сенокосе, и о животноводческих фермах. А то у нас пока еще два хозяина на земле: полеводческая бригада и тракторная, руководителям которой подчас не любы коровы и «прочие там телята».

Денисов больше не спорит.

— Ну, а как с лесами поступим?

Этот вопрос больше всего демидовских товарищей интересует. У них — лесная сторона.

Я поглядываю на пачевских. Эти — безлесные.

— Нет, леса не станем закреплять за бригадами, они будут общими. Но надо назначить хороших лесников, чтобы следили за порядком.

«Все равно плохо!» — кричат лесовики.

Но большинство присутствующих соглашается с предложением не делить леса. Весь центр колхоза безлесный, а окраинные деревни имеют леса. Центр — это большинство, и оно побеждает.

ЗАВАРИЛ КАШУ — ДОВАРИВАЙ

До поздней ночи спорили по поводу хозрасчета: что и как? Наконец все устали. Вспомнили, что с две-надцати часов дня никто не ел, на удивление — и курили мало.

Когда заседание было закрыто, члены парткома и правления, бригадиры, специалисты быстро разъехались по домам.

Наутро Чистяков, секретарь парткома, говорит:

— Пашнецкая учительница удивляется, почему ее Гурьян со второго правления приезжает таким «умным»?

— Ну и что ты ей ответил?

— Вероятно, нового председателя побаиваются, говорю. На дело навострились.

— К новому председателю, Михаил Иванович, привыкнут — бояться перестанут. А вот дела большие надвигаются — это верно. Хозрасчет не шуточки, все понимают. Мне и самому боязно становится: справимся ли?

— Заварили кашу, надо доваривать, — подбадривает секретарь парткома.

— Это тоже верно.

Договорились о проведении бригадных собраний. Бухгалтерии дали задание подготовить сведения об урожайности за несколько лет, о реализации продуктов каждой фермой, о надоях, физической нагрузке на трудоспособного — сколько приходится земли, скота, лугов, какова приблизительно себестоимость продукции в той или иной бригаде, участие техники в производственных процессах, доля лошадей, какой имеется инвентарь.

«Запищала» наша контора от такой нагрузки, но к делу приступила не мешкая.

Через несколько дней начала поступать информа-

ция. Но потребовались длинные ночи, чтобы обмозговать пестрые, обрывочные сведения, произвести подобие анализа.

С ЧЕМ «ЕДЯТ» ХОЗРАСЧЕТ

Первое собрание по объединению бригад провели в Добреце. Многих колхозников я еще не знал, но Кирилл Шатулин, черный, с болезненным лицом, резкий мужик, мне запомнился. Запомнилась и его низкого роста, подвижная жена Екатерина. Она, напротив, отличалась здоровым румянцем, улыбка не сходила с ее лукавого лица. В молодости Екатерина отбила Кирилла от первой жены, увела его к себе в дом от четверых ребят. Теперь у них своих с Кириллом трое.

На собрании Екатерина то и дело вставляла реплику за репликой, особенно когда говорил ее муж.

— А что это за хозрасчет? С чем его едят?

— Не врасчет, а расчет, помолчала бы лучше, — делал попутные замечания Кирилл, поворачиваясь к задним рядам, где сидела жена.

Сам он находился вблизи президиума и говорил, глядя поверх голов сидевших за столом, как бы показывая этим, что идея хозрасчета не от них исходит, а наперво от него самого.

— Я двадцать лет мечтал вот о таком собрании. Работая еще в малом колхозе председателем, все ждал, когда же до этого додумаются...

Оратор упорно доказывал, что добрецких и четвериковских мужиков объединять долго не надо: они душой давно объединены. И земли у них рядом.

— И это опять же надо учесть. Четвериковская и краснохолмская земли — что тебе вторая Украина, а народишку в этих деревнях маловато осталось. В Добрецке людей побольше. Вот сложимся силами, и дела пойдут ладней, — заключил Шатулин.

За ним поднялся светловолосый, немолодой Василий Михайлович Монахов. Мне о нем говорили так: «Если уломаешь на бригадира — будет греметь Добрец».

Но обещанный рачитель что-то не показался с виду. Вскочил, по-мальчишески замахал руками, не к месту улыбаясь, заговорил о своих «сомнениях»:

— А как будем делить покосы? И землю как будем обрабатывать?

Пришлось объяснить, что покосы, видимо, так и останутся, как они расположены вокруг деревень, а земли будем обрабатывать — как сочтут удобнее бригадиры. Если добрецкие поля быстрее «поспеют», туда раньше и пошлет бригадир тракторы или конные плуги.

Монахов ни с чем не стал спорить, покачал головой и сел, сразу же начав вертеть самокрутку. Собрание между тем быстро решило: объединить две бригады — добрецкую и четвериковскую.

После голосования произошла следующая сценка. В задних рядах мужики четвериковские и добрецкие сидели с самого начала собрания вперемежку, а женщины демонстративно разделились. Теперь же многие из них шумно поднимались со своих мест и шли к своим подругам. Первыми двинулись четвериковские доярки; горластые, они больше всех кричали на собрании.

— Ну вот и породнились, — подшучивали над ними мужики.

— Зря кричали-то на нас.

ПО КОЙ ЛЕШИЙ...

Перед собранием в Старом Селе я заглянул на шапкинскую ферму. Шапкино — когда-то большое село, состоявшее наполовину из хозяйств староверов, а теперь сильно поредевшее, умирающее селение. Недоста-

ток людей сказывался всюду, и прежде всего на ферме. Доярками здесь ходят три молодые женщины и две старушки. За телятами ухаживает старый дед.

Дворы старые, давно требуют ремонта, особенно ковровник, который вот-вот завалится. Никакой механизации в нем нет, да и быть не может. Люди, кажется, отступились от всего.

Я давно задумывался над судьбой таких деревень: что делать с ними? Отстраивать? Но для кого и зачем?

Вот и захотелось мне перед бригадным собранием еще раз навестить опустевшую деревню, заглянуть на ее ферму.

Во дворе доярок не оказалось. В тесной и подслеповатой комнате молокоприемной встретил двух стариков. Черноволосый с нездоровым лицом Федор Степанович — учетчик фермы. Другой старик — безволосый, он смешно шамкал беззубым ртом, морщил нос и постоянно тер слезящиеся глаза. Звали деда Митрием или иногда ласково Митеем. Дед Митя задал мне сразу «прямой вопрос без окличностей»:

— Ну что, москвич, кукурузой будешь займоваться, аль как?

Я не знал, что ответить. Дед, верно, просышал, что район «спустил» нам большущий план по кукурузе, бобам и сахарной свекле, а потому решил встать на защиту клеверов.

— Вильнямса, сказывают, дюже ругают, — попытался он пронять меня своими «научными» знаниями, когда увидел, что на первый его вопрос не последовало ясного ответа.

— Да нет, не дюже, — успокаиваю я его. — Вы, дедушка, как — больше про науку любите гутарить или политику предпочитаете? — стараюсь задать вопрос в тон старику.

— А про науку, пожалуй, больше люблю.

— Это почему же?

— Про нее, мил человек, что хочешь, то и говори, никто не обидится.

Дед лукаво посмотрел мне в лицо и, довольный, расхохотался. Весь вид его как бы говорил: «Что, спробовал деда?».

— Про науку так про науку. Валяй дедушка.

Федор Степанович крепко затянулся цигаркой и предупредительно закашлялся, дескать, пустое затеваешь, Митрий: охота тебе задевать приезжего человека, незнакомого.

Но Митрий не хотел упустить случая, чтобы не позондировать москвича.

— Вот ты, говоришь, Вильнямса не дюже ругают. А я чую, что дюже, даже очень дюже.

Я пробовал отшутиться, что ученых вообще когда-нибудь да ругают, это для них не обидно, они сами мастера ругаться.

— Нет, нет,— не унимался Митрий.— Это я сообщаю. Я тебе вот что расскажу. Бывал я в тридцать втором или тридцать третьем году, точно не упомню, в Воронежской области. Брат мой там проживал, сейчас помер. Так вот, мужики там против клеверов целую восстанию устроили. А им напихивали — сей. И клевер-то не то чтобы вовсе не рос, а полезности мало приносил. У нас — другое дело. Клевера, как я помню, всегда хороши были. А н нет, теперь кому-то помешали. Сажай, сказывают, кукурузу.

— А ты что, дедушка, против кукурузы?

— Ой, против. Скажу напрямки — против!

Дед натужно покашлял, взглянул в сторону молчаливого соседа и продолжал, уже ни к кому не адресуясь, словно рассуждая сам с собой:

— Совсем незнакомая культура.

Я сослался на исторический пример: когда в Россию был завезен картофель, мужики тоже против восставали.

Митрий нисколько не смутился.

— Тоже от темноты происходило. Сейчас другое дело...

«А дед-то не дурак», — подумал я, возвращаясь с фермы.

Мне предстояло в клубе выдержать бой за кукурузу. Это было уже третье собрание, и я твердо знал, что колхозники первым делом спросят про кукурузу. На двух прошедших пришлось с жаром доказывать, что если постараться, позаботиться, то кукуруза вырастет и у нас.

Теперь, идя на третье собрание, после «научной» беседы с дедом Митрием, я почувствовал себя не совсем уверенным.

Невольно подумалось и другое: в Старом Селе надо быть осмотрительней. Здесь что ни дом, то родственники Андрея, они поддержат зама, если тот поведет другую линию.

Но Андрей не повел здесь никакой линии. После моего доклада слово взял старый коммунист Михаил Емельянович Веселов.

— Про хозрасчет ты нам, председатель, очень хорошо растолковал. Давно бы надо так. Да вот боюсь, трудновато будет проводить эту политику в жизнь. Народу у нас маловато... Не знаешь, — вдруг обратился он с вопросом ко мне, — как там Москва соображает, не подбросит ли народом?

Я ответил, что ничего насчет этого не слышал и что народ привлечь в колхоз — это наша задача. Будем жить крепче — сами придут.

— Сказочка про белого бычка! — бросил кто-то из задних рядов.

Я пристально вгляделся. Белесый, невысокого роста мужик что-то говорил сидящим рядом с ним женщинам. Те только отмахивались.

Андрей успел шепнуть:

— Пошли ты его к черту... Это мой братан двоюродный, заводила первый сорт.

Но братан уже держал речь. Как я ни вслушивался, понять толком ничего не мог. Василий Иванович Кудрявцев — так звали братана Андрея — что называется, молотил с плеча. Понятно было только одно — все начальство вредное, и слушать его речи не резон.

— А ты и не слушай их, Василий Иванович — по кой леший... — сказал кто-то в тон ему.

Он неожиданно обрадовался и сел довольный, раза три повторив понравившуюся фразу: «По кой леший...»

Но собрание уже сбилось с курса. Все вдруг зашумели, громко начали спорить, упрекать кого-то. Я плохо стал разбираться в обстановке.

Вдруг раздался громовой голос Андрея. Он заговорил о том, что теперь техники много, работать и жить стало легче; приводил примеры из прошлой жизни, когда зарабатывали «тощие» трудодни, хлеба хватало до половины зимы, коров по весне вытаскивали на дровнях, не было сбруи, чтобы запрячь коня, не на чем было ездить.

Речь его не отличалась стройностью, но колхозники слушали оратора внимательно, качали головами в такт словам, поддакивали.

Андрей кончил, как обычно, тем, что колхознику важно знать все, чтобы его не обманывал бригадир в наряде, регулярно вел учет и раздавал в конце месяца трудовые книжки.

Колхозники зааплодировали. «Как все-таки мало нужно сельскому труженику», — с грустью подумалось мне.

Я, кажется, начал вникать в смысл происходящего. Андрей, видимо, хорошо чувствовал наболевшие вопросы. И хотя речь его по содержанию была «мелоч-

ная», она оказалась не менее нужной, чем моя, проблемная.

Настроение у людей поднялось. Можно было продолжать собрание.

ПЕРВАЯ ВЕСНА

Давно отсеялись. Первый председательский экзамен сдан. Не на отлично, конечно, но тройку с большим плюсом за усердие я себе могу поставить.

Май выдался дождливый, холодный. Весь месяц не слезали с коней. Андрей родился в седле, а я за три года перерыва в председательской работе отвык от лошади. Пришлось снова привыкать к седлу.

Кукуруза задала нам заботки. Сначала пробовали сеять ее квадратно-гнездовым способом. Механики, бригадиры, а пуще всего Алеша-агроном бегали с «мерной проволокой». Но проволока эта часто рвалась. Привозили новые катушки, чинили, связывали. И, наконец, бросали всю эту кутерьму.

Пустили в ход обыкновенные зерновые сеялки. Получались уже не квадраты, а разреженные рядовые посевы.

Представители района ходили по пятам, долго не соглашались на отмену квадратов. Но видели, что проволока рвалась, знали, что сроки уходят, предчувствовали встряску и в сердцах соглашались: «А. была не была, сейте!».

К концу сева в колхозе стало тихо — ни представителей, ни шумных совещаний в конторе, ни одиночных стычек в поле из-за клеверов. Кое-кто из района начал догадываться о хитростях Алеши-агронома. Он сперва в точности исполнял указание о распашке клеверов, но с половины сева, когда захолодало, круго поставил вопрос передо мной:

— Лучшие земли я кукурузе отдал. Пусть страдают лен, пшеница. Но клевера распахивать больше не дам!

Пришлось уступить ему.

...Езжу, осматриваю посевы и в первую очередь кукурузные плантации. Всходы дружные, но — холод... Растеньица быстро начинают желтеть. Беда! Вспомнился дед Митрий.

Стало стыдно за свои жаркие, «убедительные» речи. Да, север — это тебе не юг и не центрально-черноземные области...

Потом всех нас созвали в район. Настал сенокосный период. Начальник производственного управления Стрешнев посоветовал кукурузу «всю засиловать».

— А если она не выросла?

— Всё равно засиловать. — И тут же добавил: — Площади-то надо куда-то определить, не висеть же им в воздухе.

— Но это же очковтирательство?!

Посоветовал «не умничать»...

ВПЕРЕД, ЧИНАРА!

Вернулся из района не в своей тарелке. Жена не разговаривает, надулась на все и вся: и дожди ей мешают, и дома меня совсем не видно, бросил ее, как дуру, в деревне прозябать, и деревня эта Пача — не деревня, а дыра какая-то, да еще непомерно грязная.

Сгоряча обругал Люсю, наговорил всяких дерзостей насчет «городской барыньки», «неженки» и прочее. В завершение всего вскочил на лошадь и укатил мотаться по деревням.

В полях на ночь глядя делать нечего. Поехал прогерять сторожевую охрану на фермах.

Начал с Пачи. Сторожа на месте не оказалось. А

где он живет, я не знал. «Эхма, дай-ка доеду до Соколово».

Проверил — и там на ферме никого нет. В темноте ничего не видно, только коровы натуженно вздыхают, да воздух во дворе тяжелый, спертый.

Натыкаюсь на пустые бидоны. Больно ударился ногой. «Фу-ты, черт, угодил местом старого перелома!». Взобрался на Чинару и направился в следующее село. Но и там никого.

Еду в Горку. Здесь сторожа я знаю в лицо, знаю где он живет. Но почему-то заранее предчувствую, что его на месте не окажется. Так оно и есть. На ферме свет, ворота открыты, а Ивана Хамушки нигде не видно.

«Спит, наверно, чертов шутник». Иду будить. Дверь долго не открывают. Затем кто-то затопал по сеням, вот опять шаги стихли. Наконец брякает щеколда — на пороге простоволосая бабка.

— Где твой Иван шляется?

— Шляется?! На печи лежит. Шлялся он с вечера...

Растолкал Хамушку, а тот спросонья ничего не понимает, бормочет что-то невнятное.

— Ты спишь?

— Немножко есть. А что?

— Сторожить должен, вот что.

Следующее село Покровское. И здесь свет заливает весь скотный двор.

Ай да Марья! Помню, говорливая такая Марья-сторожиха. Заговорит — патока потечет. Но сейчас с ней не побалакаешь — нет ее.

Иду к дому бригадира. Дрогалов живет в центре села, напротив магазина. Дом высокий, нескладный, покосившийся. Стучу. Слышу торопливые шаги. Дверь открывает жена.

— А Василий Иванович дома?

— Дома. Черти где-то его таскали, пришел в стельку пьяный.

— В стельку, это еще не в дугу,— неудачно шучу и захожу в комнату.

Дрогалов валяется на грязном диване.

Пожалел, что разбудил. Выкатил зенки, спяну ничего не понимает и только болезненно щурится на свет.

— Сторожа... Почему сторожа на месте нет?!

Василий Иванович наконец сообразил, что никакого пожара не произошло, еще раз вприщурку глянул на свет и тут же повалился на диван.

Когда лошадь мчала меня дальше, почему-то вспомнилось только одно: голова бригадира не попала на подушку, а гулко ударилась о потертый валик дивана.

«А черт с ним, может быть, хмель поскорее вылетит!»

Вспомнил о разговоре в производственном управлении. На душе стало еще муторней.

«Кукурузу засилосовать!..» А спросил, кто будет возмещать убытки, которые колхоз понес на каждом гектаре — по 24 рубля 45 копеек только от посадки кукурузы, еще лучший ответ получил: «По району много таких убытков, всех не оплатишь». Мыслению продолжало спорить: «Ну хорошо, в следующий раз на кукурузе меня не проведете».

ГОЛОВОМОЙКА

В следующий раз меня «слушали» на расширенном заседании бюро райкома, но не о кукурузе, а о плохой сдаче зерна государству.

Откровенно говоря, я немножко торжествовал в душе. Вот, думаю, настал момент уколоть районщиков: пересердствовали с кукурузой — теперь чего же зерно-то спрашиваете?

Однако спесь с меня сбили при первых словах. Представитель из области, работник прокуратуры, грозно стукнул кулаком о стол:

— Поди ж ты, как распоясался! Свиней он будет кормить зерном!

— А что, товарищ прокурор, другое что-нибудь изобрел? Песком кормить прикажете? — неожиданно взъярился и я.

— Вы не острите!

— А вы занимайтесь своей юриспруденцией и не суйтесь туда, где вы ничего, видимо, не понимаете. Чем же кормить свиней? Уж не имеете ли вы в виду кукурузу, которую мы давно запахали?

— Я доложу о вас на бюро обкома.

— А я о вас напишу в ЦК, чтобы больше не разрешали посыпать толкачом на село. Колхоз «Заря» выполнил три плана по зерну и оставил только семена и около 600 центнеров зернофуражта. Еще раз объясняю — не для коров, которые проживут как-нибудь на одном сене, а для свиней, которых у нас более тысячи голов.

После бюро я решительно двинулся на пристань. По дороге меня нагнал Николай Микшин, председатель «Родины».

— Тебя разыскивают Шляпкин, велел вернуться.

Нехотя поворачиваю назад. Начальство есть начальство, надо идти. Да и возвратившись домой в таком настроении, несомненно снова поссорюсь с женой.

Перед глазами встала моя маленькая вологжанка Светлана. Ей шестой годик.

— Папочка... Ну, мамочка, помиритесь вы, не сердитесь.

Это когда я наутро вернулся с ночного вояжа по фермам, продолжал бычиться, и жена поняла, что разговаривать со мной в такие минуты нет смысла.

«Ах, Светлячок ты мой ласковый! Маленькая, а все понимаешь».

РАЗЛАД

Наступила осень. Кудрявцев сорвался и закутил. Сорвался после того, как с него сняли взыскание. Все лето он был «на коне», и ему поверили, что ничего подобного с ним больше не произойдет. А он взял да и запил. У меня с ним произошел крупный разговор.

— Андрей, почему себя так позоришь? Тебя люди простили, в тебя поверили. А ты??!

— Кто в меня поверил? Не ты ли??..

Он не договорил, запнулся. Потом виновато замигал, стал просить:

— Отпусти лучше, я учиться буду.

Во мне закипела злость:

— Знаешь что, Андрей, ты валял дурака неделами, а мы прилаживались к тебе: как бы не разбередить твое уязвленное самолюбие. Теперь довольно! Копаться в себе времени нет, надо работать.

— Понимаю, я виноват. Думал, ты тоже сорвешься. Уж больно круто...

— Все ясно. Давай до конца договоримся. Мне тоже надоела эта неопределенность. С одной стороны, ты за хозяйство вроде болеешь, с другой — на крутых поворотах как будто стремишься выскочить из телеги первым. Что за тактика, скажи, Андрей, честно?

— Просто мне здесь делать нечего.

— Ах вот как! Или первым, или никаким — так, что ли?

Андрей изменился в лице.

— Пробовал я всяко. Извини, но мне лучше уехать. Я уже и в райкоме говорил об этом.

Через две недели провожали Андрея на учебу, на одногодичные курсы председателей. Стало в колхозе еще тише и неуютнее для меня. Большой бедолага этот Андрей, но в делах колхозных он знал толк...

Михаил Иванович Чистяков, секретарь парткома,

был человеком другого склада — спокойный, размечтанный, никогда не вступал в споры с председателем. Он уверовал в одно: раз человек с высшим образованием, то наверняка знает больше, и ни в чем не перечил.

Андрей же о всяком деле имел свое суждение и не скоро отказывался от своего мнения, если убеждали в обратном. Зато уж во что верил — умел проводить в жизнь. Много неприятностей натерпелся я от Андрея, порой негодовал, но всерьез обидеться на него было нельзя. Чем-то подкупал он, располагал к себе людей. Наверное, тем, что к делу относился всегда с душой.

ИВАН АНТОНОВИЧ НЕРОБОВ

Незлобивый, тихий, уравновешенный наш «мэр» Иван Антонович. Невысокого роста, крепкий, словно дубок. И характером — душа человек. Не скоро его выведешь из терпения, если даже специально задашься такой целью. У Ивана Антоновича крепкие нервы.

Подсчитать, уже более десятка лет работает он председателем сельского Совета. Люди ругают его больше, чем кого-либо, но каждый раз выбирают депутатом. А когда у самих депутатов спрашивают: «Кого председателем?» — дружный хор голосов неизменно выплескивает: «Неробова!»

Андрей Кудрявцев обычно любил подшучивать над Иваном Антоновичем. Когда-то Неробов председательствовал в «Красном Севере», а Кудрявцев в то время — в малой «Заре». Год тогда выдался дождливый, осень — короткой. И разостланный лен во многих колхозах ушел под снег. Кудрявцев оказался одним из немногих, кого эта участь миновала. Зато он потом уж к месту и не к месту трунил над соседом:

— Ну, как ленок прошел, высоким номером?

Такие беды со всякими председателями случаются. Но кто проработал много лет, у того за плечами и взлеты, и падения. А у Неробова — первый блин и комом.

Мой первый блин в «Заре» тоже вышел комом. С начала весны подрезала кукуруза. Но были хорошие виды на лен, и это как-то поднимало дух у колхозников. Еще больше приободрились люди на сенокосясе, когда удалось заготовить невиданное количество сена и силюса. Но подошла уборочная страда. Навалились дожди, непрерывные, словно в наказание за погубленные клевера. Техника стала. Лен теребили вручную или приделывали к льнотеребилкам «лыжи», из чего выходила одна маята.

Зерновые комбайны успели еще кое-как использовать на уборке озимых, а перед яровыми они окончательно стали на прикол.

Мы организовали «штаб» по спасению урожая, куда вошли я, Кудрявцев, Чистяков, Неробов, Никитин. Каждому определили бригады, обязали жить там безвыездно, точнее — все дни находиться в поле вместе с людьми. И только раз в пятидневку решено было собираться в правлении колхоза, докладывать о ходе уборки.

Неробову досталась Пача — бывший колхоз «Красный Север». Андрей и здесь нашел место для шуток:

— У Ивана есть опыт, как со льном расправляться.

Но на него зло зашикали:

— Посмотрим, как ты нынче в Демидове и Берендине размахнешься.

Мне достались покровская и старосельская бригады, агроному Никитину — соболинская, Чистякову — Едома и Добрец. Главной задачей нашей было не подменять бригадиров, а «зачищать» после их нарядов возможные людские резервы: уговаривать выйти в

поле техничек из школ и клубов, работников учреждений, а также агитировать в помощники приезжих гостей и деревенских старушек и стариков, которые уже годами не работали в колхозе.

Иногда это выглядело подвижнически.

В Берючеве живет столетний дед Стогов. Деда не надо агитировать, он день-деньской копошится на ферме: стойла для телят починит, вертушку где приколотит. А однажды самосвальные сани для вывозки навоза изготовил — получил премию от колхоза. И сейчас дед готов был на все услуги. Но Дрогалов в поле его не пускал.

— Куда ты, дед? По дороге развалишься...

Мне пришла в голову мысль превратить деда в агитатора. Посоветовал ему нацепить на грудь свои медали (у Стогова и Георгии еще имелись) и пойти поагитировать младших старичков на уборку картофеля. Дед успешно выполнил это задание.

Иван Антонович Неробов изобрел другую хитрость. Она, правда, до сих пор покрыта тайной, потому что Иван Антонович отрицает свое авторство. Но как бы там ни было, а однажды в Паче разнесся слух: «Оставшиеся хлеба в поле разрешили скосить себе».

Это было в субботу. Из Череповца, как всегда в конце недели, понехало много гостей в каждый колхозный дом. И рано утром, еще с фонарями, люди бросились захватывать участки.

В воскресенье под вечер я возвращался из покровской бригады. Спешу себе на Чинаре, тряусь в седле. Вдруг глазам открывается удивительное: народу в полях тьма-тьмущая. Откуда бы это?

Навстречу на лихом коне подскакивает Неробов.

— Ты ничего людям не говори, это у меня штурм городских.

— Какой такой штурм?

Наутро выяснилось, что в субботу и воскресенье в шести деревнях пачевской бригады выкосили сто сорок гектаров яровых.

Вот так штурм! Раньше и двадцати не выкашивали за такой срок.

Штаб предъявил обвинение Ивану Антоновичу:

— На обмане далеко не уедешь. За это придется отвечать.

Неробов взмолился:

— Да не обманывал я. Слух кто-то распустил, а я, признаться, весь день не был в поле. Когда прибежал бригадир, было уже поздно. Думаю, в воскресенье народ не пойдет. Ах нет — опять пошли. Вот так все и получилось...

— Ну и как теперь будешь рассчитываться с ними?

— А как рассчитываться?.. Вчера бригадир в поле объяснил, что это обман Неробова. Люди разошлись. Кто обозлился, а кто смеется: «Здорово придумали!».

Чистяков предложил обсудить Неробова на парткоме. Но и там ничего не выяснили. Бригадир заявил: «Слух я не распускал». И Неробов вроде тоже не виноват.

— Но кто-то должен отвечать за такую провокацию?!

— А чего отвечать, — снаивничал Иван Антонович. — В поле, почитай, половина городских — наши с бригадиром родственники. Помогли — и ладно. Свои люди — сочтемся.

На том и порешили. Но оставшиеся 15 гектаров овса решили отдать колхозникам пачевской бригады. За трудовую доблесть.

...Когда провожали Андрея на учебу, яровые были скочены, картофель выкопан, лен убран со стелищ.

Но в полях на тысяче гектаров стояли скирды необмолоченного хлеба.

— Не завидую тебе, Дмитрий, — сказал Андрей на прощание. — Как вы тут выкрутитесь — не знаю.

— Езжай, езжай. Выкрутимся как-нибудь.

Но крутиться пришлось всю зиму. В декабре снегу еще было мало. Комбайнеры свободно подходили к скирдам, и обмолот шел своим чередом. А в январе заьюжило. До каждой скирды комбайн тащили волоком, буксировали гусеничным трактором. Колхозники вручную расчищали площадки от снега, а за ночь их снова заваливало. Бульдозеров в колхозе не было.

В декабре без особого труда обмолотили урожай с 800 гектаров, с остальных 200 с небольшим «долбили» всю зиму. А семь скирд вовсе пропало: пока до них добрались, мыши их так «обмолотили», что осталась лишь мелкая, словно исстриженная, солома. Я посоветовался с Неробовым.

— Ну, что будем делать: молотить вроде нечего?

— А что тут молотить? Труд не оправдаешь.

Решили свезти остатки на ферму и скормить коровам. Но бригадир вовремя не свез. В районе дознались об этих семи кучках, начали вести следствие.

Иван Антонович неожиданно проявил не присущую ему твердость характера:

— Судить? И меня судите! Это я посоветовал.

Местную власть судить не решились.

Иван Антонович — чуткий человек. Правда, внешне он может показаться зачастую черствым, равнодушным. Свои лучшие качества наш «мэр» до поры до времени носит как «вещь в себе». Виною тому — чрезмерная медлительность, природная неторопливость. Женушка его Тамара Петровна не зря оделяет Неробова таким ласковым прозвищем:

— Дорогой ты мой, тюлень разлюбезный.

Но это — в «мирное» время. Воинственная Тамара, когда разбушуется, оглушает супруга и менее лестными фразами. Но Неробова ничем не проймешь.

Я часто задумывался: а может быть, на селе и нужен именно такой председатель местной власти? Люди есть люди, куда же их подеваешь! А на деревне каких только ухарей нет... Подойти к иному с официальной меркой — в тюрьму только и годится. Разберешься — такой же грешный, как и все, только чудачеством наделен побольше. В деревне в свободное от работы время нечем человеку заняться, если этот человек не читает, не слушает радио, не ходит в кино.

Живут такой жизнью в Паче три богатыря — Михаил Галичев, Владимир Беляев, Василий Сокол. Пока в полях горячая пора, этих ребят ни пьяными, ни праздношатающимися не увидишь: ломят на тракторах сутками. А работы мало — идут жаловаться: почему не загружают.

Но выдадутся свободные деньки — беда мужикам. В клубе появятся подвыпивши — от них все шарахаются. Уж больно велики дяди! А напьются основательно — в семье им нет укорота, да и соседи побаиваются. Когда они в загуле, единственное спасение — выключить свет и сделать вид, что дома все спят или никого нет.

Веселая картинка! Идет, например, Владимир Беляев пьяный по улице, рыкает, словно медведь, загремая огромными валенками грязищу на дороге, а в ближайших домах срабатывает странная автоматика: метров на пятьдесят вперед гаснут огни в окнах. Пршел, слава те господи, — огни снова загораются, но уже позади Беляева. Пьяному и в ум не взбредет обернуться.

А наутро в сельсовете учиняется разнос Беляеву:

- Чего ходил, чего рыкал?
- Я же никого не обидел.

И верно, никого не обидел. Но для профилактики ему дается соответствующая взбучка, после которой Беляев снова неделями не слазит с трактора.

- Беляев, не твоя смена, иди отдохай.
- А чего дома-то делать я буду? Напьюсь ведь, поди...

Самое примечательное, что эти «богатыри» — очень скромные ребята, когда они трезвые, даже чересчур скромные. Галичев от всякого замечания краснеет, словно девушка на выданье. А вот, напившись, забрел однажды в дом к самому Неробову, старуху загнал на печь, а всю кухонную утварь выдворил в окно: самовар, ведра, кастрюли. Не поленился даже слазить в печь, и оттуда выкатил чугуны со щами.

Наутро сам же все это старательно определил на свое место, вставил рамы, а помятый самовар заменил своим.

Пришел милиционер акт составлять. Но Иван Антонович сидит за столом, щи хлебает да ухмыляется:

— Ну пошто составлять акт-то? Парень все сделал, как было. Я приехал — ничего даже не заметил вот, кабы не рассказали...

А бывают дела похлеще. Побьет мужик бабу свою, по делу или без дела — кто разберется. Но видит, побил слишком. Так не ждет, чтобы она пошла жаловаться, а сам собирается к Неробову.

— Антоныч..

— А...

— Так я, того, видать, обидел Марью-то. Уж ты как-нибудь рассуди нас.

Разозлится тогда Неробов, раскипятится, кричать слегка начнет, судом пригрозит.

Но к вечеру идет сам на дом, поглядеть, как там Марья: не охолонула ли, или еще фыркает.

Если фыркает, бумагу начнет составлять. Но Марья увидит бумагу, и сама поспешит выставить Неробова из дому.

— Иди уж с богом. Видишь, с утра дрова колет, пользу мужик приносит. А ты его садить...

Иная и по делу, и без дела любит ходить с жалобами в сельсовет. Но Неробова не проведешь: он всех знает.

— Ох, Анна, и тих же у тебя мужик. Ну чего ты бегаешь жалуешься? Смотри, какая ты оладья, а мужишишко, знаю, на сарае валяется, ободранный.

И впредь, смотришь потом, ржут где-нибудь мужики, в поле или на базе:

— Василь, ну кто это тебя так разукрасил? Уж не на кошачьей ли свадьбе побывал?

Первое время Иван Антонович был для меня, нового человека, незаменимым советником, особенно после отъезда Андрея на учебу.

Поедешь в дальние бригады, ну как там без него станешь разговаривать с мужиками, когда ты многих еще толком не знаешь? Деревенского мужика надо знать, как говорится, до печенок. Тогда легче понимать друг друга.

Позже мне часто приходилось наблюдать, как приезжий человек из района или области неестественно подлаживается к крестьянину. Или хвалит ни с того ни с сего, или понапрасну обидит дельного работника. И все от того, что не знает людей, пробует «раскусить» мужика с ходу. Но с ходу его нельзя раскусить. Крестьянин ведь тоже не знает, что за фрукт перед ним: добрый ты человек или хитрить приехал. Вот и происходит взаимное прощупывание, ведется как бы «разведка боем». И «маскировочный» арсенал крестьянина, как правило, всегда оказывается богаче.

И ДРУГИМ ПОЛОЖЕНО...

А весной 1963-го уезжал на учебу и Михаил Иванович, наш партийный секретарь. Это было в разгар второго сева,

Ехали мы с Чистяковым по полям, пробирались к концу дня поближе к дому. Погода стояла неважная: то светит ласковое весеннее солнышко, то вдруг найдут облака, небо нахмурится и заморосит частый, на-доедливый дождик.

В такое время отчетливо представляешь себе выражения на лицах у наших механизаторов в поле: «Вот тебе и на. Побывало начальство, наплановало вспахать до вечера столько-то, а в ночь столько. Попробуй выполнни. А где теперь оно, руководство наше? Может, дома, под крышей обретается».

Но мы не торопились под крыши. Возле Антипинского кладбища, за поворотом, рявкнул «газик» — нас догнала райкомовская машина.

— Здорово живете, хозяева!

— Приветствуем районное начальство.

Из машины вышел Шляпкин. Среднего роста, начинаящий полнеть, секретарь райкома был довольно подвижным человеком. Иногда просто удивительно было, как онправлялся одной рукой: ловко доставал папиросы, зажигал спичку, садился на коня.

Слабость секретаря — кони, особенно беговые, чистопородные. В нашем колхозе немного сохранилось таких от племенной конефермы, которую ликвидировали еще в 1958 году.

— Ну-ка, дай на Чинаре прокачусь.

Я спрыгиваю с лошади и подаю повод. В мгновение ока Шляпкин оказывается в седле.

Чинара у меня с придурию. Всякого нового седока она в первую очередь пытается сбросить, для чего непременно делает затяжную «овечку»; затем бросается в сторону, вздыбливая задом, и уж потом вихрем мчится по полю, не разбирая дороги.

Я переживаю за Шляпкина, видя, как Чинараносит его по хлипким местам, крутит на топком лугу,

бросает в мелкую заросль ивового кустарника. Но Чистяков, одобрительно улыбаясь, успокаивает:

— Этот «цыган» видывал лошадей. У него в Едоме любимой была Чонгарка, мать твоей Чинары, так что породу он эту знает.

Отдуваясь и нарочито крякая от полученного удовольствия, секретарь вскоре подъезжает к нам. Грудина у Чинары, шея вся в мыльной пене. Шляпкин быстро спешивается.

— Добрая у тебя лошадь, Кузовлев.

Чинара еще топчется на месте, бьет копытом, вздрагивая всем своим телом, готовая снова к стремительному бегу...

— Ну, а теперь сядем, побеседуем.

Александр Иванович передает повод и присаживается у канавы, на мокрой траве.

— Ты не будешь возражать, если мы заберем Чистякова из колхоза?

— Это куда же?

— Закудыкал, — нахмурился Шляпкин. — Ты вот высшее получил, а другим, думаешь, и среднего не положено? В совпартшколу отправляем.

— Да нет, я не против.

Увидел растерянный взгляд Чистякова. Михаил Иванович почему-то отвернулся и закурил. А в моей душе шевельнулось недобroe: «Что ж, уходите, разбегайтесь, один ворочать буду».

Спускались сумерки. На кладбище где-то в кустах пропиликал чибис. Мы докуривали по четвертой папироске из секретарской пачки «Беломора».

— «Пшеничных» хоть накуриться, у нас в магазине давно таких нет.

— Сев как идет? — спросил между прочим Александр Иванович, вероятно, для того, чтобы переменить тему разговора.

Докладываю сводку, свои расчеты закончить через пятидневку зерновые и лен.

— А кукурузу так и не сеешь?

— Сами ведь знаете.

Александр Иванович хорошо о том знал, потому что план утверждался на бюро, и мы еще зимой на отрез отказались включить кукурузу.

— Ну-ну... — неопределенно хмыкает Шляпкин. — Смотри, парень, не сносить тебе головы.

— Не дорого моя голова и стоит.

Меня вдруг неожиданно стал разбирать смех. Задулбался и Чистяков.

— Вы над чем это смеетесь? — оглядывая нас по очереди, спросил секретарь райкома.

— Да так, вспомнилось, как на отчетном собрании Стрешнев «не давал» нам чистых паров, а вместо них совал кукурузу.

Шляпкин попросил рассказать.

— А чего тут расоказывать, — вмешался Чистяков, — Стрешнев грозится: «Не дам», а Кузовлев говорит: «Не в вашем кабинете они, чистые-то пары, и без разрешения возьмем у себя в поле». Нашли где спорить, на собрании. Колхозники, ясно, поддержали председателя, все ладони отхлопали. Стрешнев ни с чем тогда и уехал.

— Весельчаки! — подвел итог рассказу Александр Иванович. — Взгресть бы вас надо, да уж ладно. Считай, пронесло.

АЛЕША НИКИТИН

Чистяков уехал в совпаршколу, а кого вместо него оставить на работе, никто не подумал. Временно возложили обязанности парторга на Алешу Никитина — единственного агронома в колхозе. Алешка у нас — работяга. Все это знают. Тянет он свой «воз» исправно. И посевы в аккурат разместит, и расчеты на

удобрения составит, и семена вовремя проверит, и аппарации всякие сделает. Подгонять Алешу не надо...

А вот двойной нагрузки не выдержал. Может, и выдержал бы, да писанина заела. То протокол перепиши, да еще в двух экземплярах (один — себе, другой — райкому), то с жалобами разберись, строчи на них ответы по всей форме, то доклад составь, то проект постановления сочини. Надо сидеть в кабинете да с бумагами возиться, а эта работа не по нему.

В горячую пору Алешу в конторе никак не удержать. Он с утра до позднего вечера не слезает с Серка, ездит да ездит по полям. В дождь ли, в слякоть... И, кажется, легко переносил все тяготы агрономской жизни.

Иногда сутками не уходил с поля: отлаживал сялки, уговаривал трактористов, чтобы они и там и сям попробовали пахать, когда плуг увязал, а поле не пускало пахаря. Сам садился вместо прицепщика или брался за рычаги трактора, когда на нем работал молодой, неопытный механизатор. Неумело сердился на какого-нибудь раззяву, разорвавшего сцепку борон из-за того, что поленился вовремя подтянуть гайки. Сухопарый собою, он особенно спадал по весне или во время уборочной лихорадки: чернел лицом, скулы выдавались еще острее.

Колхозники в такие дни смеялись над агрономом.

— У нашего Алешки один нос остался.

А жалостливая теща его, медлительная в разговоре старуха, постоянно досадовала:

— Мурной какой-то у нас Олешка... Кормлю его, кормлю, да не в коня корм-от.

Тихий с виду, Алеша делался твердым, непреклонным, если сталкивался с какой-либо несправедливостью. Так было, например, в кукурузную кампанию. Правление колхоза повоевало с представителями из

района, побилось и махнуло рукой: «А, валяйте, как знаете»... Но агроном остался несговорчивым до конца. Он горой стоял за клевера. Потом, когда уже прошла кукурузная напасть, друзья-агрономы полезли с расспросами к нему: «Расскажи, мол, как ты сохранил клевера». Алеша в ответ только улыбался, хвастаться не спешил.

Что и говорить, толковый у нас агроном!

Но вот сразу агронома и парторга из него не получилось. Характера, наверно, не хватило... Особенно терялся Алеша при разборе запутанных персональных дел. Поругать по свежему следу, с пылу, с жару — это еще он мог. Но после, когда время стирало оструту событий, наказывать человека было не в его натуре. Тут Алеша проявлял мягкость характера и удивительную жалость к людям.

Хорошо помнится такой случай. Ветеринар Едомского участка Лебедев разругался с женой и от горькой обиды ушел в «глубокое подполье», то бишь забрался на чердак и не слезает ни в какую. Было это в жаркую сенокосную пору, когда самый никудышный мужичонка на деревне и тот понимал, какой это непоправимый урон — отлынивать от работы.

Ветеринара Лебедева я хорошо знал. Это был опытный специалист. Когда-то он служил зоотехником,ставил опыты в племенной работе, имел успехи. Потом перешел на ветеринарный участок, правлению не стал подчиняться. И отбился, что называется, от рук.

В лучшие дни на него нападало просветление: он рьяно набрасывался на работу, выдвигал одну идею за другой, становился точным, исполнительным. Животноводство Лебедев любил и знал в нем толк. Но хватало его недолго. Кипучая деятельность вскоре сменялась охлаждением.

Ругали Лебедева на собраниях... Да толку-то что? Уж на что возьмется жена «пилить» своего сужено-

го — кажется, живого места не оставит. Но к обеду, глядишь, мать-старушка, пожалеет.

— Володенька! Родной! — причитает сердобольная. — Не лазай больше на чердак!

А сама тайком сует трешницу, будто конфету подает малому дитяти. И к вечеру Лебедев опять, глядишь, ползет «на кривых». Не до работы ему. Посудили мы, порядили и надумали обсудить Лебедева. Зная, что на правление он, пожалуй, не придет, решили сбрать партком. Партком собрали, но Лебедев и на него не явился. Через день снова партком. А Лебедев и на этот раз не пришел.

Приехало ветеринарное начальство из района. А Лебедев сидит на чердаке и слезать категорически отказывается.

«Вот так фрукт!» — возмутились люди.

Члены парткома постановили: «Живым или мерговым доставить Лебедева в контору».

Алеша, испытывая неловкость, сел на коня и отправился в Едому. Но через час вернулся ни с чем. Снарядили новую делегацию, теперь уж из четырех человек, и отправили на машине.

Когда Лебедев появился на свет божий, все пожалили об этом. Обросший, немытый, небритый, он выглядел жалко. «Стойт ли обсуждать?» — заколебались члены парткома. Но посоветовавшись, решили: «Стой! Пусть другим наукой послужит».

А Алеша Никитин говорит:

— Ребята, давайте отступимся от него. И без того мужику тошно.

Все, кто присутствовал в конторе, дружно рассмеялись. Лебедев тут же воспользовался этим обстоятельством.

— Смотрите, товарищи, — запел он подобострастно, — обсудить, оно, конечно, можно. Только у меня такая баба! Во всем районе не сыщешь такой!

Бригадир Василий Аксенов схватился за живот и повалился от хохота на диван, Алексей Иванович Зародов, старый механик, человек степенный и самый молчаливый из присутствующих, хмыкнул в усы и скроил веселую улыбку на лице. Михаил Бобков, мужик мудрый и скупой на слова, вдруг разразился тирадой:

— Ну и гарус! Подумать только.

Я посмотрел на Алешу: он вовсе растерялся. И не успели мы отдошаться, собраться с мыслями, объявил, что на этом повестка исчерпана. Члены парткома остались в недоумении... А в завершение всего Лебедев потребовал, чтобы его доставили туда, откуда взяли.

Раздался новый взрыв хохота.

Не дождавшись никакого ответа, Лебедев махнул рукой и тихо поплелся восвояси. Его подбросил до Едомы попутный молоковоз.

И СКУЧНО, И ГРУСТНО...

Тихие, скучные вечера деревенские...

Выпадет денек, что вернешься домой пораньше,— и не знаешь, куда себя деть. Правда, председателю редко приходится коротать вечера дома. Все на людях, на собраниях да в длинных разъездах по раскисшим дорогам. Тогда совершенно забываешь, что у тебя есть своя крыша и дома сидит жена с ребятишками, сидит за рукоделием и час, и два, и более. Ждет своего мужа, а его все нет и нет — и вернется, быть может, лишь под утро...

В Паче—центре колхоза—та деревенская церквушка, которая долгие годы сходила за клуб, пришла в негодность: пол весь сгнил, а потолок грозил обвалиться с часу на час. Приехал из района пожарник и распорядился клуб закрыть.

Пришлось срочно собирать правление колхоза.

— Товарищи! Клуб нам нужен, а у сельского Совета на строительство его нет денег. Давайте построим клуб на колхозные средства. И уж если браться за дело, то надо строить хороший Дом культуры.

Многозначительное молчание.

— Ну что молчите, мужики? Разве вашим ребятишкам не надо смотреть кино, устраивать спектакли, заниматься в кружках?

— Да оно надо, — подает голос председатель ревизионной комиссии Никита Данилович Цветков, человек расчетливый, бережливый, придирчивый к работе колхозной бухгалтерии.

— Так что же?

— А ничего не выйдет, Дмитрий Михайлович. Деньги зря только бросать будем.

— Почему?

— Оно, конечно, клуб иметь неплохо, — как бы вторя Цветкову, начинает рассуждать вслух старая, работающая колхозница Антонина Алексеевна. — Клуб — дело хорошее, только в клуб ходить стало некому. Молодежь — она вон вся к городу тянется.

— Вот поэтому и надо создавать молодым условия на селе.

— Ха, едко отозвался Никита Данилович, — клубом их не удержишь.

— Начнем с клуба, а там еще что-нибудь придумаем. Не надо сидеть сложа руки.

Мужики неохотно голосуют за клуб. Одни соглашаются потому, что дело это далекое, может, и несбыточное, другие, видимо, потому, что хотят поскорее прекратить невеселый разговор об уходе молодежи в город. Редкой семьи этот вопрос не касается. Немало домов вовсе опустело. И еще многие старики на зиму забывают окна досками да укатят в город, к сыновьям своим.

Что случилось с молодежью? Не нужна ей стала земля.

Раньше, когда я работал в Дмитриевском, люди рассуждали о хлебе, о приличном хотя бы заработка. Дескать, накормить бы людей — никто не побежит от земли. А теперь вот накормили, заработки стали хорошие, в дома электрический свет провели, во многих избах телевизоры появились, холодильники, стиральные машины, мебель городскую стали заводить колхозники... А молодежь все равно рвется в город.

ЗАКИПЕЛА РАБОТА

Строить Дом культуры вышли все пачевские. Им помогали жители окрестных деревень. Правление колхоза заключило договор с межколхозной строительной организацией. Проект взяли в исполнкоме райсовета. Было предложено много вариантов, но Пача выбрала самый лучший.

— Дороговато, — ворчал Никита Данилович, рассматривая не сам проект, а рисунок на обложке альбома. — Все равно молодежь этим не удержать.

...Но когда устраивались воскресники, чтобы сбрать и подвезти бутовый камень или расчистить строительную площадку, председатель ревизионной комиссии всегда присоединялся к молодым.

— Эк, шельмецы. Балует вас председатель.

На воскресники Цветкова обычно не приглашали: Никита Данилович — хромой, одна нога его вовсе не гнетется, да и возраст не тот, чтобы тяжелую работу делать.

Цветков сперва обидится для порядка, с полчаса повыглядывает из окна конторы, пока все не примутся за работу, а потом, глядишь, заковыляет...

— Чего уж так-то... Аль негодным считаете?

— Да нет, Данилыш, в суматохе позабыли.

Закладка фундамента вылилась в праздник. Школьники пришли на площадку строем, со своим пионерским знаменем. Они принесли какую-то бутылку с «записью» и положили в правый угол траншеи. Бетонщики тут же замуровали ее.

Молодежь, мужики и бабы подтаскивали камень, песок, подвозили воду. Старики, старухи стояли поодаль, картино подбоченясь, судачили:

— Их, жизнь пошла! Будто церковь закладываем.

Бутового камня навозили с реки столько, что тут же было решено излишки употребить на мостовую.

А что, идея!

Дорога в Паче была когда-то сухая, с хорошим травяным покровом. Теперь же машины и тракторы разбивали ее так, что весной и осенью она превращалась в сплошное глинистое месиво. Вот мы и решили оканавить дорогу, навозить песку и выстелить ее камнем. Понимали, что работа эта немалая, но энтузиазм в людях не хотели гасить: не одолеем за год — сделаем за два.

Отыскались три старичка-инвалида, мастера дорожного дела. Когда-то они строили такие «каменухи».

— Сможете, деды?

— Не боги горшки обжигают. Сможем.

И тут закипела работа.

Незадолго до этого колхоз купил экскаватор «Беларусь». Сперва не знали, где его применить. Механик Виктор Васильевич Вихарев предложил:

— Дайте мне его, будем стройке помогать.

Пришло создать маленькое звено: экскаватор, два автосамосвала и трактор с самосвальной тележкой. Теперь звено Вихарева полностью обеспечивало песком и дорожников, и строителей Дома культуры. Кроме того, подвозило строительные материалы, убирало

лишний грунт, выполняло другие транспортные работы.

Ожила Пача, зашевелилась! Строители «Межколхозстроя» начали уже класть стены, довели до второго этажа, но затем их перебросили на строительство районной выставки. На нашем объекте временно во дворилась тишина...

ПОМОГАЙ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ!

Строить — значит жить. Жить не только сегодняшим днем, а и завтрашним. Ничто так не удручет, как строительное затишье на селе. Если в какой-то деревне за год не построено ни одного сарайчика, ни одной баньки, не перекрыта дранкой или чем-либо ни одна крыша на жилом доме, значит, худы ее дела: умирает деревня...

И наоборот, какое радостное оживление начинается, когда в деревне строятся два-три новых дома, а за окопицей возводится большой скотный двор или сушилка, когда под окнами старых, приземистых домов уже сложены штабеля свежих бревен, а рядом, в переулке, белеют рассыпанные смолистые щепки или краснеет груда кирпича для будущей печки. Душа радуется!

Но чтобы создать эту радость на селе, правление колхоза и сельский Совет должны проявить заботу. Ничто само собой не приходит!

Установите своим местным законом, в какое время года плотницкие бригады должны строить жилые дома колхозникам, на что отпускать лес за деньги, а на какие цели бесплатно, какую ссуду может взять колхозник в кассе и как ее потом погашать, какой трудовой минимум определить мужику на тот год, когда он надумает строиться, — и вы почувствуете, как строительные дела на селе заметно оживут.

И председатель не должен ждать, когда дом у хозяина совсем повалится. Зайди, подскажи:

— Чего же ты, Иван, оплошал? Неужто хуже других? Или деньжат не хватает?

Он тебе, может быть, и ответит:

— Да где им, деньжатам, быть. Вишь, орава на печи.

А ты не отступайся:

— Орава — это твой резерв. Надо строиться, колхоз поможет.

Глядишь, Иван и отважился.

Начал он возить камни под углы — опять подоспей. Остановись, побеседуй:

— Не то делаешь, Иван. На камни теперь никто дома не ставит. Приходи в контору, цемент выпишу.

Колхозник имеет законное право требовать, чтобы председатель не был посторонним и в этих делах: «Ты от меня люто работу требуешь, значит, и мне в нужде помогай!»

И верно. Помогай, председатель!

Случится пожар... Спеши к убитому горем колхознику: «Не тужи, брат, посмотри, какая сила вокруг. Не оставим в беде».

Срочно созывай правление, приглашай погорельца и на миру рецай, как ему помочь.

Мир — сила! И мужик-погорелец при такой помощи особенно хорошо усваивает, что колхоз — это действительно сила!

Вопросы колхозного строительства имеют и свои теневые стороны, свои противоречия. Вот переведены бригады на хозрасчет. Живут при нем уже не первый год, поняли, «почем фунт изюма». Бригадир теперь хорошо представляет: стройка — это, конечно, перспектива на будущее. Но сегодня она отвлекает силы от полевых работ, животноводства. Ведь плотники льна не вырастят, сена не накосят. И, конечно, когда стро-

ишился, доход в бригаде может стать ниже. Вот он и думает: «А не повременить ли со стройкой?».

И другая сторона проблемы. Тут уж экономисты должны соображать. Строилась, к примеру, бригада, значит, и затрат больше произвела. В конечном расчете все затраты сводятся в одну строку — производственные и капитальные. Чем больше этих затрат, тем меньше средств остается для распределения на оплату труда. Гарантированная оплата труда, конечно, хорошо, а доплата к гаранции еще лучше.

Все это колхозный бригадир хорошо знает. Он теперь тоже ученый. Поэтому председатель должен все эти «противоречия» вовремя рассудить, ввести в такие рамки, чтобы они не мешали строиться.

В методику хозрасчета мы ввели такое правило: все бригады отчисляют в неделимый фонд 20 процентов от дохода. Не израсходовал свою долю — остатки не тронь, пусть их другая бригада осваивает.

Но вот бригада начала строить или занялась механизацией фермы, и средств потребовалось в два раза больше, чем она отчислила. В этом случае правление колхоза «додаст» ей средства из особого фонда. Так что «перерасход» по капитальным вложениям не отражается на фонде зарплаты колхозников. Зато они знают, что в будущем это повлечет за собой рост производства, а следовательно, и увеличение доходов.

Экономика должна быть очень чуткой ко всяkim жизненным ветрам: полезным помогать, вреднымставить заслон.

За последние годы стала модной и такая крикливая тенденция: «Не важен план поголовья, важна производительность». Спору нет. Лучше от 100 коров получить 300 тонн молока, чем держать для этого 150.

Но иногда под этим предлогом недальновидные бригадиры (да и председатели) просто ищут лазейку: сперва перевыполнить план продажи мяса (искусст-

иенно поднять доход), а потом найти оправдание, почему 100 коров не заменили 150.

Наша «метода» закрывает эту лазейку: деньги, вырученные от продажи «планового» скота, мы в доход не засчитываем. Увеличишь продуктивность — тогда, пожалуйста. А нет — покупай снова коров, благо деньги еще не израсходованы.

Председателю колхоза надо быть и агрономом, и зоотехником, и прорабом. А экономистом и организатором он должен быть в первую голову!

Да, нелегок труд председателя. И случается, наш брат быстро «изнашивается».

Расскажу о двух бывших председателях.

СТЕПАН БАСОВ

Басов живет в Демидове, староверской лесной сторонке. Деревня не малая, более ста домов.

Старики здесь бородатые, характером тяжелые, крутые, богу молятся усердно, но и чертыхаются изрядно.

Степан Григорьевич был первым коммунистом на селе. Затем ушел на фронт, отвоевал положение, вернулся офицером, возглавил колхоз.

Шестнадцать лет кряду председательствовал он, всякого нагляделся. Но колхоз «Волна», хотя и состоял сплошь из упрямых бородачей, гремел в районе: «Волна» первая отсеялась, «Волна» больше всех заготовила кормов, «Волна» закупила племенных коров, «Волна» мясо по трудодням выдает — вот какая молва ходила в сводках и не в сводках о «Волне».

Где-то по соседству мужики бедствовали, разорялись, получали тощие граммы жита по трудодням, а демидовские бородачи осенью засыпали добрый хлеб в амбары, зимой тайком гнали самогон.

Но Степан Басов не поощрял самогон. Нет, он был совсем непьющим председателем.

И с мужиками своими не то чтоб ладил, а так, исправно управлялся. На зазывы в дома не соблазнялся, поэтому вечерами домой пробирался обычно огородами.

С виду Басов угрюм, молчалив, лицо изъедено мелкой оспой, по местному выражению — шадровит. Но когда его осеняет счастливая мысль, кожа на лице разглаживается, розовеет. Говорят, Степан в юности был очень застенчивым парнем, девчат побаивался, на гульбищах забияк сторонился.

Итак, Степан Григорьевич долгие годы был преуспевающим хозяином. Потом все рухнуло. Начались объединения, разъединения. Сперва «Волна» нехотя объединилась с соседними двумя деревнями — Пашнепом и Берендумой, затем с двумя укрупненными колхозами — «Зарей» и «Победой».

«Заря» — куда еще ни ишlo, а в «Победе» — хоть кол выжимай.

Загоревали бородачи. А Степан побился-побился с укрупненным колхозом да с горя махнул рукой, отступил от всего. Но ненадолго.

Мужики тем временем написали в Москву — в район пришла бумага: разделили большую «Волну» опять на три колхоза. Воспрянул духом Басов, снова в район со своим куском хлеба стал ездить, в столовку не заглядывал.

Шли годы. В «Волне» по-прежнему Степан Басов управляетъся, в соседней «Победе» сидит Дрогалов Василий Иванович, а в «Заре» появился Андрей Кудрявцев. Это-то и сыграло роковую роль для Степана, как мыслит он. Кудрявцев по натуре был «агрессивным» соседом. Быстро пошел в гору, стал строиться, часто со своими мужиками езжива! в лесные делянки через Демидово. И всякий раз трунил над староверами:

— Побьем, обгоним! Вот увидите...

А однажды нагрянул со всей ватагой на собрание в «Волну».

В тот год в Демидове случился недород, мужики шумели при отчете председателя. А тут еще Кудрявцев подлил в огонь масла:

— Что я вам говорил, бородачи? Побили мы вас!

Степан Басов, не найдя поддержки у своих односельчан, вынул печать из кармана, хлопнул ею о стол:

— Ша, кончен мой доклад! А теперь до свидания.

И началось в «Волне» безвластие. Степан из дома не выходит. Мужики митингуют, но председателя никак выбрать не могут. Пробовали к Степану стукнуться — не впускает.

Из района стали наезжать представители — ничего не помогает. Наконец сам секретарь прибыл. К Басову не пошел, хотя и ходили в дружках, а сперва мужиков собрал:

— Ну как, деды, не надоела вам жизнь запорожская?

— Надоела, милой, надоела.

— Так кого вам в председатели-то хочется?

Бородачи все уже решили между собой, но сказывать не спешат.

— Да-к, если Степан Григорьевич выйдет на народ, быть ему за старшего.

Секретарь повел народ к Степановой избе.

— Чего, Басов, задурил? Получай печать, да гляди в оба. Сосед твой молод, задирист, но с головой. Смотри, как дело поворачивает. Догонять надо.

Не удержался Степан Басов, принял печать. С новой силой навалился на гужи колхозные. А тут опять объединение...

На этот раз указание район получил твердое, строгое и неукоснительное. Снова три колхоза «уложили» в один. Теперь «Волна» и имя свое потеряла, объединен-

ный колхоз стал называться «Зарей», а Андрей Кудрявцев в ней председателем.

Закатилось солнце Басова! Стал он нехотя бригадирить в бывшей «Волне», работал неровно, срывался... А затем и вовсе скис. Таким я и застал его во второе свое появление на Вологодчине.

— Эх, Степан, Степан! Как тебя жизнь покоробила...

ВАСИЛИЙ ДРОГАЛОВ

Детство Василия Дрогалова прошло в бедности. Юношой был пытлив, резв, но судьба сперва обделила здоровьем, потом помытарила на трудных дорогах войны, затем надолго отказалась в семейном счастье.

...После войны Василий Иванович стал председателем. Колхоз «Победа», где он хозяйствовал, только имя носил боевое, модное. А побед никаких не было.

Дрогалов заступил на пост в самые голодные послевоенные годы. И не криком он начал свою деятельность в колхозе, а добрым расположением к землепашцу, с заботы о его малых детях, о нем самом. Бывало, выведет он пестрый бабий отряд на работу, разошлет всех мужиков по нарядам, а сам — в район, к предрику или секретарю райкома.

— Выпишите зернишка какого-нибудь, дайте пердохнуть маленько, не то бабы до урожая не протянут. Да и ребятишек кормить надо. И обязательно привозил что-нибудь из района. Жалость имел к людям: за нее и поплатился в свое время.

Но народ, помня добрые дела Дрогалова, позднее вновь избрал его председателем.

И опять Дрогалов на коне, опять весь день-деньской в заботах, на полях, среди людской суэты.

Одна страсть у Василия Ивановича — любил он доходить до каждой мелочи сам, никому не передове-

рял своего сердечного беспокойства. И период объединений-разъединений сравнительно легко пережил, не то что Басов.

Однако подвела Дрогалова злополучная чарочка. Не знаю, как это случилось, с чего началось, но к моему появлению в «Заре» Дрогалов был уже «потухшим» человеком. Был конь — да весь изъездился.

И все же Дрогалова не переставали уважать люди. Бывало, запьет — вся бригада простирает. Колхозники не знают, что им делать. А зайдет разговор об этом на правлении — одно слышишь:

— Жалко мужика. И что это с ним сделалось?

Но жалость в конце концов сменялась возмущением. Правление колхоза снимало тогда Дрогалова с работы. Но ненадолго. Кого бы ни ставили бригадиром — порядка у покровцев не было.

Колхозники снова требовали Дрогалова. Правленцы не соглашались, а потом уступали. Василий Иванович, обычно поломавшись для порядку день-другой, люто набрасывался на работу. К людям он не поддавался, но и себя виновным тоже не чувствовал. И успевал так подогнать все дела, что покровцы быстро наверстывали упущенное, снова выбивались в передовые. А Дрогалов опять запивал...

Наконец наше терпение лопнуло. Отправились мы с новым секретарем парткома Сергеем Егоровичем Алексеевым собирать бригадное собрание и «окончательно» снимать Дрогалова с бригадиров. Но он на собрание не пришел. На другой день снова нет бригадира. На третий — та же картина. Кинулись в розыски. Полдня мотался «газик» по полям, по деревням! Канул, сгинул бригадир. Уж совсем было отчаялись. И злость такая берет! Вдруг натыкаемся: сидит в кра-пиве за старой кузницей. Поглядели — батюшки! — на Дрогалове лица нет, позеленел.

Молча достаю трешку и отсылаю парторга.

— Съезди, пожалуйста, в магазин.

Тот ничего не понимает, вернее, начинает понимать, что не дело председатель задумал. Объясняемся кое-как.

Наливаю полстакана водки и подаю Дрогалову.

— На, держи. Не то душа изойдет, сдохнешь.

Дрогалов молча забирает стакан в руки, долго подносит к губам — трясет всего.

Нас самих начинает знобить: жутко глядеть на опустившегося человека.

— Все, ребята, это моя последняя выпивка.

На глазах у него блеснули слезы.

— Не верю я тебе, — говорит парторг, — сколько ты клялся....

Я размахнулся бутылкой, ударил ею об угол кузницы и, ничего не сказав, пошел к машине. Долго с парторгом ехали молча, боялись поругаться. Потом молча как-то помирились.

— А вот скажи, правильно ли мы сделали? — начал дипломатично парторг. Он сидел справа, барабанку крутить была моя очередь.

— Трудно сказать, но чувствую — Дрогалов больше не будет пить.

— Почему так решил?

— Не знаю.

На следующий день собрание состоялось. Дрогалов пришел первым. Помятый весь, но чувствовалась уже в нем какая-то жизнь. Информации не требовалось, люди все знали. Прения начались стихийно. Выговаривались все. Наконец встал Дрогалов.

— Не знаю, нынче собрание колхозников или открытое партийное. Вроде коммунисты все присутствуют. Я исключен — знаете. Но все равно... Даю слово: пить больше не буду. Все... Только поддержите.

Когда возвращались домой, разговорились с парторгом.

— Ну что, ты и теперь не доверяешь ему?

— Честно говоря, не очень.

— Не торопись, Сергей. Ты мало еще пожил у нас.

Забегая вперед, хочется рассказать, чем все это кончилось. Дрогалов сдержал слово. Прошел год, ми- нул другой, а у него с зельем полный разлад. Одно- сельчане пытались разыгрывать бригадира. Встретят у магазина, зазывают:

— Василий Иванович, сообразим...

Дрогалов не увильтнет, не обозлится, наоборот, по- шутит:

— А что, ребята, третьего не хватает?

И тут же внесет свой пай. Сам бутылку распеча- тает, чарки наполнит, из своей выплеснет через пле- чо и, улыбнувшись, отойдет в сторону.

— Сказано вам, завязал!

Пробовали его искушать и на сельских праздни- ках. Но Дрогалов сидит за столом, чаек или лимонад попивает, да трунит над друзьями.

— Записывайся в мою команду.

Вскоре Василий Иванович сколотил в колхозе что- то вроде общества трезвенников. В свою компанию он подбирал не рядовых выпивох, а тех, кто, как гово- рится, доходил до ручки. Работает у нас шофером Александр Яруничев. Уж на что был мастак по части вышивок, а, подружившись с Дрогаловым, тоже завязал. На радостях ему жена даже личный «Запоро- жец» купила. Катается Яруничев на своем «Запорож- це» да хвастается перед шоферами.

— Добро! Не шумит в «моторе».

Дрогалову мы с Сергеем Егоровичем потом обще- ственную нагрузку придумали: выдвинули его пред- седателем товарищеского суда. К тому времени Васи- лий Иванович подал заявление в партию.

ЧТО ЖЕ МОЛОДЫМ НАДО?

Заседание правления колхоза на этот раз было необычным. Обсуждались четыре неуспевающих ученика Шайминской восьмилетней школы. Ученики эти, что называется, «отлеты». Беда с ними на уроках, и дома они ничем полезным не занимаются.

Вместе с родителями их вызвали на заседание правления.

Молодую учительницу, классного руководителя, мы попросили рассказать о своих «героях».

Пожилые колхозники, члены правления, недоумевали: «Стоило нас тащить издалека для таких пустяшных дел». Учительница уловила это настроение.

— Уважаемые товарищи колхозники, — начала она свой доклад, — мы ценим ваше дорогое время. Но воспитание детей — это общее наше дело. Без вашего участия нам не справиться.

Старики подобрали.

— Валяй, говори, дочка, слушаем.

— Вот Мельников. Он не хочет учиться, а мог бы. Дома его никто не контролирует, мать то и дело винит нас, учителей, в неумении повлиять на сына, а сама и слова ему не скажет...

— Да разве он послушает нас с отцом? — не сдерживается мать Мельникова.

Муж ее, Иван Федорович, солидно добавляет:

— Мы что, разве мешаем учиться...

На них зашикали: «Помолчите, не мешайте».

Учительница рассказала о проступках Васи Гарася и Анатолия Кирьянова.

Семья Кирьяновых — пачевское бедствие. Детей много, ребята все здоровые, а работать ленивые. Одна мать ломит в колхозе за всех. Муж ее, щуплый, тщедушный человек, вечно плачется, что с ребятами сладу нет.

— Так что ж, Анатолий, учиться-то не хочешь?

— Хи... учиться. Учили все какие-то маленькие. Разве их можно слушаться?

— А тебе, детине, кого же нужно?

Решаем определить его молотобойцем в кузницу. Парень переросток, нечего попусту в школе околачиваться.

— А как же всеобуч, план? — растерялась учительница. — Директор не разрешит.

— Заставим учиться в вечерней. Будет успевать — начнем и по работе продвигать, жалованья прибавим. А пока 50 рублей в месяц. Хватит ему, мужики?

— Хватит.

— Ну вот, пусть потрудится. Сил-то сколько!

— К Марку Ивановичу пойдешь.

Анатолий радешенек.

Остальным «отлетам» члены правления дали строгий наказ за ум взяться, учиться как следует, прикрепили к ним шефов.

Предстояло еще обсудить несколько производственных вопросов. Но «ребячье дело» разбередило души мужиков, и разговор о школе продолжился.

— Что же это такое получается? — не успокаивался Никита Данилович. — Ребятам и то, и другое дали... Им теперь и справу покупают — раньше женихов так не одевали. А нет, не идет им на ум учение. Да и в колхозе не хотят работать после учебы.

— А почему так, мужики? Давайте вместе подумаем.

— Кто же его знает, почему? — озадаченно говорит Андрей Антонович Антонов, трудолюбивый мужик из соболинской бригады. — Живем теперь хорошо. У меня со старухой домишко — на взвод целый хватит. Все в доме есть: одежда у ребят, питание — чего хочешь! Нет, подавай им город. Как медом приминаят.

Его дочь Римма, лучшая доярка в колхозе, чей портрет не снимали все эти годы с доски Почета, недавно неожиданно для всех бросила ферму и уехала в город.

— Культуры у нас не хватает, — говорит заучено секретарь комсомола Соня Вихарева.

Сама она тоже была, как говорится, «на мази»: вернулся ее парень из армии, скоро свадьба. А там — город, это уж так повелось...

— Нет, товарищи, молодежный вопрос — более глубокий! Конечно, права Соня, культуру надо поднимать. Но и с ростом культуры на селе молодежь будет уходить в город. На первых порах еще хлеще побежит...

Павел Антонович Беляев — бригадир из Берендини — испуганно вытаращил глаза.

— Это как же понимать, Михалыч? Выходит, на вред себе всякие там клубы строим да телевизоры в красные уголки покупаем?

Все дружно рассмеялись над Беляевым, вспомнив, как он на прошлом правлении усердно выпрашивал телевизор для своей бригады.

— Отдавай обратно, Беляев, свой телевизор. У тебя ребят мало, последние разбегутся.

Но шутки шутками, а дело-то серьезное. Мы должны сделать все для того, чтобы жизнь в деревне стала для молодых более привлекательной. А для этого надо строить не только клубы, детские сады и ясли, но и коммунальные дома со всеми удобствами. Необходимо приводить в порядок дороги, разбивать сады и парки в селах. А то ведь крапивой, лопухами заросли некоторые деревни. Обо всем этом я и сказал членам правления.

— Это верно, — согласно поддакивали мужики.

— И все же и это, скажу я вам, не остановит молодежь.

— Да-к что ж тогда выходит? Зря заботимся?!
Как же так...

— Нет, не зря. Деревня отстала от города в своем развитии, и теперь нам надо догонять жизнь семимильными шагами. В первую очередь следует механизировать все основные процессы в сельскохозяйственном производстве, особенно на фермах, чтобы труд для молодежи стал интересным, под стать труду городских рабочих. Иначе молодежь никаким клубом не заманишь на село. Более того, надо уже сейчас упорядочить рабочее время. Разве согласится девушка работать на ферме, если ей приходится торчать там целый день? Присмотритесь, с ней и парни не дружат, потому что ей некогда бывать в клубе, некогда поцеловаться...

Все рассмеялись.

— Что верно, то верно.

— А школы какие у нас? Старые, деревянные. Спортзалов нигде нет, мастерские никчемные. Разве все это — не наша с вами забота?..

— Нет, тут уж извини, — не выдержал пенсионер Александр Иванович Тихомиров. — В городе и театры, и листораны — все государство строит. А мы — школу своим ребятам подавай. На свои деньги.

— Эк куда загнул, дядя Саша. Если уж заговорил о деньгах, то возьми в толк и такое. Нам сейчас государство платит, скажем, за мясо рубль пятьдесят. Это за килограмм живого веса. В переводе на «чистое мясо» по три рубля выходит. Верно?

— Верно.

— Ну, а продает по рублю двадцать копеек. Так от кого отрываются недостающие рубль восемьдесят, а то и более, чтобы нам их доплачивать?

— От кого?.. Какой-нибудь фонд, а то резерв имеется у государства.

— Таких фондов нет и быть не может. Кто эко-

номист, тот понимает, что это от рабочего класса идет дотация нам, крестьянам, чтобы мы на ноги скорее поднялись. А ты, Александр Иванович, «листораны»...

Тихомиров доволен, что ему столько времени удалили. Вид его говорит: «Все, мол, мне теперь ясно».

Из-за печи подал голос Степан Григорьевич Басов. До того он сидел там молча.

— И я хочу сказать... — Лицо у Степана порозовело. — О молодежи тут наскажано. Все это мы в толк взяли. Не скоро удержишь, значит, ее. А я предлагаю совсем не удерживать. Пусть уходит!

На него зацыкали.

— В уме ли ты, Степан? Одумайся...

— А я давно одумался. Подневольник — не богохульник, это я так понимаю. Не отпускаем добром ребят, родители их заранее вытихивают. Вот и моя Поля давно уж детей в интернат спровадила. Думаете для чего? Чтобы после школы пошли в техническое училище или на завод, но в колхоз не вернулись. Был у нас с ней уже об этом спор, все я выяснил.

Степан всегда удивлял своей откровенностью. И нынче его слушали внимательно.

— Ну и что ты предлагаешь?

— Записать в решении или уставе для точности: пусть каждый отработает в колхозе год или два, тогда ему паспорт в руки — хочешь оставайся, хочешь иди...

— А пожалуй, верно говорит, — зашумели сразу многие члены правления и бригадиры. — Как ты мыслишь, председатель?

Признаться, задал Степан задачу. Быстро не сообразишь.

— Есть резон в предложении Басова. Пусть на первых порах будет так: отработает молодежь год — и вся, подчистую, уйдет из колхоза. Допустим. Все равно другая смена на год останется. Получится что-то вроде переходящего резерва. Идея!

Басов окрылен всеобщей поддержкой.

— Главное, — продолжает он развивать свою мысль, — колхоза перестанут бояться... А в колхозе тем временем надо бы курсы какие-то организовать. Все больше молодежь задержится.

Никита Данилович Цветков все это время, пока говорил Басов, не спускал с него глаз. Под конец заметил:

— Ума в тебе, Степан, — палата. Вот если бы еще так работал.

— А что я не работаю, не стараюсь?.. — Степан разгорячился... — Жизнь какая-то чудная пошла. Нам жить дают, а мы от земли шарахаемся. Это я о молодежи. Да не только молодежь... Ты вспомни сам-то, Никита, как раньше трудились, как колхозы после войны поднимали?

— Помню, все помню, Степан да Григорьевич, — Никита Данилович зачем-то встал, полез в свой карман и вытащил блокнот. — Хорошо поешь, Степанушка... Но пока ты за печкой сидел, и я молчал. А вылез — вспомнил. Недавно я проверял твои покосы. Не меряешь ты их. Как же пишешь людям, сколько они вырабатывают?

Степан хотел что-то сказать, растерянно поглядывая на Цветкова.

— Я подсчитал: выходит у тебя на каждого косца по 63 сотки в день. Допустимо ли это? А дни уборки?!

Припертый к стене Басов не знал, как оправдаться.

— Вот так будешь «руководить» и впрямь все молодые убегут, — закончил Никита Данилович.

Люди развеселились. От «философского» настроения не осталось и следа. Кончилась «поэзия», перешли к прозе. Но правлению предстояло еще вернуться к решению молодежных проблем.

СЕРГЕЙ ЕГОРОВИЧ

Способных парторгов на селе не часто встретишь. Попадется кто поталантливей — в райком быстро заберут или еще куда выдвинут. Бездельника тоже быстро заметят, коммунисты сами от него избавятся.

У нас с уходом Чистякова много парторгов перебывало. Не приживались. Предпоследним был Сиротин Николай Павлович. Душа человек — в самый бы раз на такой работе! Да вот беда: жена с ним в наш колхоз не поехала, осталась в Шексне. Помыкался Сиротин, да и подался обратно. Не разводиться же с какой-то женой на старости лет. Да и прихварывать стал — некому доглядеть.

Не знаю, как кому, а мне всегда тяжело расставание. Только сработаешься, душа к душе приладится — и на тебе, привыкай к другому. Всякое подумашь при этом: может, чем не угодил, может, командовал в колхозе слишком круто, ущемил чем парторга в его власти или заботу какую не проявил...

Между тем колхоз наш в районе стал заметным. Поднялась урожайность зерновых, увеличилось производство мяса, молока и других продуктов. По молоку, правда, мы еще не очень блистали, но ленком неплохо все эти годы занимались, доход за миллион перевалил. Колхоз отстраивался...

В 1965 году стали разукрупнять большие районы.

Села наши испокон веку к Череповецкому району относились и до революции в этом же уезде чисились. А тут вдруг, в связи с разукрупнением некоторых районов постановили «Зарю» отнести к вновь создаваемому Шекснинскому району.

Возмутились мы, письмо в обком партии написали. Секретарь Череповецкого райкома Шляпкин тоже не хотел отдавать соседям свою родину, обрадовался, когда мы письмо написали. Приехал совет держать.

Из области сразу звонок. Говорит секретарь обкома.

— Чего, Шляпкин, народ там баламутишь, к письмам подбиваешь?

— Да нет, Анатолий Семенович, Кузовлев сам написал. И парторг с председателем сельсовета их мнение разделяют.

— Пусть там журналист молоко доить учится, а не письма сочинять.

Эхма!..

Началось объединение.

Делегатов наших на Череповецкую конференцию не берут, а в Шексну сами не едем. Обиделись всерьез.

В последний день установилась телефонная связь с новым районом.

— Почему никого нет на конференции?

— А приглашение ждем. Мандаты у нас в Череповце выписаны, в Шексну никто не приглашал.

Срочно пригласили.

Приготовил я самую убедительную речь в защиту наших прочных связей с Череповцом: «Не отрывайте, мол, «Зарю» от Череповца-батюшки, нашего светоча и маяка!».

Председатель оргкомитета Портнов ответил:

— Если для вас Череповец был батюшкой, мы сделаем все, чтобы Шексна стала матушкой.

«Как бы она не оказалась мачехой», — подумалось невольно.

Делегаты конференции дружно похлопали в ладоши и проголосовали за присоединение. Наши четырнадцать голосов веса не имели, с ними не посчитались.

А вскоре после того и Сиротин ушел в «Шексну», в свой родной колхоз. Старый там председатель Тимофей Александрович Иванов глуховат на одно ухо, да крепок на руку. Гремит «Шексна» на всю область, ходит в передовых. Тимофей Александрович еще на учредительной конференции подтрунивал над нами:

— Аль «Заря» кого боится, что в район к нам не идет? Может, соревноваться тут не с кем?..

«Ну погоди же, старый! Соревноваться мы будем. Вот наберемся сил — схватимся, не побоимся».

Тимофея Александровича поддержал и Андрей Кудрявцев. Он закончил учебу и работал теперь председателем в колхозе имени Кирова.

— Вызываем и мы «Зарю» на соревнование!

Испробовать силы Кудрявцева я уже не боялся, знал его слабые и сильные стороны. На «ура» может народ поднимать, на это он мастер, но для глубокой, вдумчивой работы ему не хватало «усидчивости», склад характера был не тот...

Нас подзадоривали:

— Ну-ка, три кита, склеснитесь!..

Сергея Егоровича Алексеева прислали к нам после первой посевной в новом районе, в разгар сенокоса. Парень молодой, только что окончил совпартшколу. И родом не из дальних — из колхоза «Угол», что по соседству с «Шексной».

Красивы места угольские! Все склоны да перевалы, и лесочек на каждом взгорке. Родники живые бьют. Угольские мужики пропускают их по деревянным лоточкам прямо с горки да во дворы. Не надо никакого водопровода, вода и зимой не замерзает.

Боялись, загорюет у нас на низинных землях Сергей Егорович. А он нет, ничего, привык: живет да наши места похваливает. Мы ему и дом поскорее соорудили, чтобы семью сюда перевез. Приехала его молодка Нина, детей начала рожать нашему парторгру. Значит, корни пускают Алексеевы.

Сергей Егорович с виду тихий, застенчивый, но не робкий, как может показаться на первый взгляд. Мне почему-то он таким сначала и показался.

Помню, ездим по колхозу; и день, и два... Новый

парторг задаст несущественный вопрос, и опять долго едем молча.

«Эка, — берет досада, — какого тихоню прислали!».

А он — приглядывается, не торопясь, к колхозу, что-то в уме прикидывает.

Кончили объезд — Алексеев говорит:

— Что-то с силосным звеном ничего не получается у нас. Не будешь против, если я за него возьмусь?

Про себя я подумал: «Ну и влетит мне за такое использование комиссара», а вслух произношу:

— Валяй.

Сергей Егорович, в прошлом механизатор, забрал на базе свободный самосвал и укатил в звено.

Легко отпустить сразу, не подумавши. А потом начнут одолевать разные тревожные мысли — беда!

«А вдруг завалится? Сумеет ли подойти к ребятам?» Ведь про наших людей недаром говорят на стороне: «Пачевские — мужики хваческие». И поехать, поглядеть — тоже как-то неловко: «Вот, — подумает, — не доверяет, приехал опекать».

Решил дня три не ездить в звено. И правильно сделал. Сергей Егорович сумел сам войти в дела, незаметно, но надежно расположить к себе ребят.

— Стоящий мужик, — сообщил мне «по секрету» тракторист Сергей Милославов. — Принимаем во свои.

Правда, словам Милославова я тогда не очень-то придавал значение. Этот молодой механизатор, хотя парень он был и в годах, всего второе лето работал на тракторе. В прошлом году поставили на льномолотилку — подвел всю бригаду. То у него трактор барахлил, то с колотушкой не клеилось... Одним словом, здорово ругались колхозники. И у меня о Милославове создалось определенное мнение: никчемный механизатор.

Заново открыл Милославова Сергей Егорович.

— Слушай, — заявил парторг вполне категорич-

но, — ты напрасно такого мнения о нем. Милославов — замечательный парень. Ему можно любое звено доверить. Посмотри, какой он остряк... Одним словом, парень с головой.

И парторг оказался прав. Не прошло и года, как талант в Сергею Милославове действительно объявился. Милославов брался теперь за любое дело и добивался неизменного успеха. К его словам стали прислушиваться даже старые механизаторы, а вчерашние выпускники считали за счастье попасть на практику к Сергею Милославову.

На следующий год мы решили создать не одно, а три силосных звена. Правда, техники не хватало, бригадиры, механики на нашу затею поглядывали косо.

— Вот заберете всю технику в звенья, а нам что останется?

Приходилось теперь силосным звеньям, кроме основной, давать дополнительную нагрузку — очищивать картофель, проводить химическую прополку льна. Все это, конечно, мешало звеньям по-настоящему развернуться на силосе, вносило нервозность в работу. Некоторые механизаторы теряли веру в успех дела, опасались, что полетят заработка.

Естественно, появилось много противников звеньевой системы. Большого труда стоило сдерживать атаки бригадиров. Механики начали склоняться на их сторону. Но парторг был неумолим:

— Нет, только звенья!

Я хорошо понимал, что отстоять идею — это расчистить дорогу для будущего. Но в то же время видел, как нехватка техники затягивает порой полевые работы. Кроме того, в какой-то мере снималась ответственность с бригадиров за важный период работы — уход за урожаем.

— Вы же забрали все колесники, а без них что мы поделаем? — отвечали обычно бригадиры.

Посоветовался с Сергеем Егоровичем.

— Не хочу, парторг, ломать твою идею насчет звеньев, но ведь на самом деле положение в бригадах тревожное. Как бы бригадиры не запороли нам нынче лен и пропашные культуры.

Увидел, что удручен Алексеев.

— Ну ладно. Не будем трогать. Давай временно снимем дорожный отряд Вихарева, все самосвалы бросим на силос, а из звеньев возьмем часть колесных тракторов.

— Идет, — обрадовался парторг. — Но только... дороги тоже у нас плохие.

— Ничего, ничего. Много маялись, еще год потерпим. А силос, лен нужны каждый год, без них и дороги нам будут ни к чему.

Но и после этого звенья оставались орешком, который предстояло раскусить. Я чаще стал наведываться к Алексею Ивановичу Зародову, механику центрального участка. Этот человек — барометр. С выводами не торопится, долго взвешивает обстоятельства. Смотришь иногда на него и негодуешь: «Вот ведь туго дум! И чего трет-мнет, когда дело ясное?» Но Зародов никогда не спешит. Он тысячу раз отмерит, проверит, пока не убедится, что «дело верное».

Как-то раз рано утром проезжаю мимо базы. Никого из трактористов еще нет, а Зародов — тут, копается с роторной косилкой.

— Труд на пользу.

Алексей Иванович поднял голову и скромно улыбнулся. Видно, не слишком доволен, что его застали за этим делом.

— Для звена стараешься, Алексей Иванович?

— Приходится.

Он раздумывает еще несколько минут, не прекра-

щая своего занятия, а потом решается заговорить:

— Дела у них нешибко хорошие. Бригадир отвел самое неподходящее поле, машины часто ломаются.

— Так, так... Ну а ты-то как думаешь?

— Это о звеньях, что ли?

— Да.

— Сергея бы Егоровича к ним. А то ребята чего-то хандрят.

— Нет, Зародов, Сергея Егоровича сам проси, я ему не начальник.

— Не поняли вы меня. Я хотел, чтобы только съездил к ребятам, вдохновил. Ему они поверят...

— А! К родоначальнику обратиться?

— Вот, вот.

Я понял, что звенья теперь пойдут, приживутся у нас. Уж если Зародов забеспокоился — дело верное. Поднимать дух у ребят мы отправились в тот день втроем.

Как потом оказалось, звенья в нашем колхозе оправдали себя. В конце года подсчитали: себестоимость тонны «ручного» силоса была 17 рублей 40 копеек, а в звеньях он обошелся в 3 рубля 30 копеек.

Молодец парторг, знал, за что ратовал!

АППЕТИТ ПРИХОДИТ ВО ВРЕМЯ ЕДЫ

Дом культуры строился долго, работы на объекте то развертывались, то затихали.

Наконец маляры завершили покраску стен, полов, а прораб предъявил объект к сдаче. Но при приемке мы обнаружили немало недоделок. Запротестовали.

Прораб вызвал начальника «Межколхозстроя». Тот походил, потрогал стены, пощупал крашеные полы и заявил:

— Так это все мелочи. В городе, бывает, хуже сдают.

— Нет, позволь, Георгий Иванович. А вентиляция, санузлы, потолок плохо утеплен — разве это мелочи?

Строители махнули рукой и ушли с объекта. Деньги они перерасходовали, брать им больше неоткуда. Акт остался неподписанным. Пришлось самим доделывать.

Устранять недоделки хуже, чем заново строить. Нас все эти выкрутасы строителей здорово «просветили», в следующий раз будем умнее.

В завершение всего пригласили художников из Вологды.

— Оформить бы надо наш очаг.

Те набросали эскизы.

— Тысячи три или четыре надо.

— Ладно, идет. Режь последний огурец!

Завертелся, засверкал огнями наш Дом культуры. Он обошелся колхозу в 120 тысяч рублей. Дорогово-то, конечно! Но на селе всякаястройка влетает в копейку. Не припасено еще для нас строительных контор, а самодеятельное строительство — оно всегда дорого...

А тут другая забота подкараулила.

На территории сельсовета две школы восьмилетки. Одна из них, Покровская, совсем пришла в негодность. Двухэтажное деревянное здание так покосилось, что опасно стало в нем учить ребят. Два раза колхоз латал школу. На третий — приехали специалисты и определили:

— Здание больше не подлежит ремонту.

Две школы объединили в одну. Но Шайминская восьмилетняя тоже на ладан дышит. Надо строить новую.

В районе долго думали, как поступить. Требовались деньги, и немалые, а в роно их нет.

Колхоз предложил: «Давайте на паях строить».

Выбрали проект на 320 мест. Школа кирпичная, в

одноэтажном исполнении — 140 тысяч будет стоить. Приступили к строительству.

Правленцы теперь не сильно возражали. Они поверили в чудо: деньги откуда-то начальство берет, без зарплаты не сидим.

А «чудо» это брало свои истоки в тех партийных решениях, которые направляли сельское хозяйство по пути укрепления экономики.

Когда заложили фундамент школы и вывели стены, старики зацокали языками.

— Да что же это руководители наши смотрят? Школа-то хуже клуба будет.

Новую школу расположили рядом с Домом культуры, обозначив тем самым новую улицу.

Задумались мы с парторгом.

— А не надстроить ли второй этаж, пока не поздно.

Поехали за советом к секретарю райкома Портнову. Тот с ходу одобрил.

— Валяйте, ребята, поддерживаю!

Но легко сказать «валяйте»... Началась перепланировка, потребовался другой проект. Съездили в Чеповец, нашли проектировщиков. Пока проект изготавливали, представитель «Госархстроконтроля» закрыл наш объект, предписав издержки отнести на виновников.

— Эх, брат, Серега, влипли мы с тобой в историю.

Случилось это перед моим отпуском. Поехал я, а Алексееву наказал:

— Ты, парторг, все брось, а с документацией пробивай, доводи до конца.

Сергей Егорович без меня, что называется, развернулся. Он добился нескольких «консилиумов», толковые проектировщики исследовали фундамент, заложили шурфы, «Госархстроконтроль» под их напором отступил.

Но в районе уже кое-кто был не рад этой затее.

— Завели волынку в Паче...

Проект утверждать в области не стали. Говорят, дайте заключение «Госстроя». Послали гонцов в Москву. «Госстрой» отсылает их в Министерство просвещения РСФСР. Наконец, проект утвердили.

Но тем временем подрядчик «сбежал». Произошла заминка и с финансами. Школа-то теперь будет стоить не 140, а 430 тысяч. Рено своей доли дать не может. Пришлось нам собирать колхозное собрание.

— Мужики! Денег на школу требуется 430 тысяч. Как мыслите, одолеем или скажем, что не под силу?

— А как само руководство колхоза думает?

— Думается, осилим. Заработки у колхозников не пострадают.

— Ну, тогда согласны. Строить надо.

— Эх, ядрена-матрена! — прорывает председателя ревизионной комиссии... — Ну и добр народ у нас стал, ничего-то ему не жалко. Да ведь это более четырех миллионов на старые...

Но мужики понимают по-своему.

— Да! Времена... А что еще дальше будет?

СЛОВО К ДРУЗЬЯМ-ЖУРНАЛИСТАМ

За инициативу, за строительство школы-интерната на собственные средства наш колхоз похвалили в областной газете «Красный Север». Представили и нас, руководителей, в духе современных героев. А какое тут геройство? Нужда подперла, и только.

Захотелось мне попенять коллегам-журналистам, друзьям по прежней работе: «Мелко пашете. Зрите в корень, ребята!».

Часто спрашиваю себя: почему наши журналисты порой не удосуживаются заглянуть в глубь экономических, социальных процессов на селе?

Вот хвалят председателя, если он поднимает колхоз. А где была печать, когда этот колхоз по своей, местной, «инициативе» разваливался?

Хвалят какой-то колхоз за перестройку своего хозяйства, если он начал возводить новые дворы, механизировать сушилки и т. д. А может, его надо скорее упрекнуть, что запоздал строиться, упустил дорогое время? Вот и за школы будут теперь кого-то хвалить. А то, что они в нашем kraе почти всюду гниют, разваливаются, нет за ними досмотра со стороны местных советских органов,— этот вопрос пока мало кого тревожит.

А почему бы прямо не сказать Министерству финансов РСФСР, что если оно будет и впредь отпускать незначительные средства для ремонта и содержания сельских школ, клубов, больниц, то у нас еще долго будут стоять подгнившие, запущенные здания, одним своим видом наводящие тоску.

Газетчики, как правило, едут на село в поисках нового и с удивительным равнодушием проходят мимо разрушенного или разрушающегося старого.

У печатного слова большая сила. Но журналистам, моим давним коллегам, надо помнить, что у всякой силы есть свои плюсы и минусы. Минусы прессы — это бесцельная стрельба и стрельба вхолостую.

Не всяким героизмом следует восхищаться. Надо в хозяйственных делах проявлять больше умеренности, спокойствия, чаще спрашивать себя: «А нельзя ли без героизма?». То есть поменьше шумного героизма, побольше будничной деловитости.

Смотришь иной раз такой киножурнал: где-то внедрили доильную установку — «карусель» или «елочку». Умные, «ученые» коровы идут сами к этим аппаратам, чинно этак, да еще, черти рогатые, чуть ли не подмигают в зал крупным планом: «Чего, дескать, председатели, смотрите, разинув рты, не внедряете?..»

А начнешь внедрять «карусель» или новый молокопровод — это ведь не только построить, механизировать, а в первую очередь провести ряд зоотехнических, организационных мер, порой более трудных, чем сама механизация. Вот об этих-то трудностях в кино не говорится. Не ложится в кадр, эффекта не получается! А разве в научном фильме важен внешний эффект? Если уж гнаться за эффектами, отправляйся на курортный пляж, там эффекта сколько угодно...

Сейчас в колхозах много новшеств внедряется. Дело это хорошее. Люди думают, ищут, находят. Но не надо бежать вперед прогресса. Во всяком случае, надо быть терпеливым, дожидаться апробированных результатов.

Вот, скажем, комплексная механизация внедрена на скотном дворе. Корма приготавляются и раздаются, вода по трубам бежит, навоз убирается транспортером и даже «пушка» стреляет — метров за 70 навоз летит от двора. А как дальше быть с навозом? Пусть растекается в жидким виде, затапливает все вокруг, вымывается дождями, вымерзает? Нет, технологический процесс еще не закончен!

Почему журналисты в таких случаях останавливаются на полпути? Видимо, потому, что путаются в самом главном — в отправных моментах.

Для потребителя, скажем, животноводство — это молоко, мясо, шерсть. Цель достигнута.

Для сельского хозяйства цель несколько шире: молоко, мясо, шерсть плюс навоз.

— Мелочь! — скажет иной журналист.

А ведь раньше в деревнях, не продавая молоко на рынке, крестьянин держал коров, заботясь о навозе. И справедливо считал, что это выгодно, необходимо. О земле думал...

Печать в наши дни сообщает каждому, кто интересуется, сколько стоит тонна молока или мяса. А вот сколько стоит тонна навоза — знают, пожалуй, только

дачники-садоводы. Они платят бешеные деньги за на-
воз и везут его на машинах за тридевять земель.

Как писать — очень важное профессиональное при-
обретение. Но не менее важно и другое — о чем писать!

Приезжайте и подольше поживите на селе. Это каж-
дому полезно, тем более журналистам...

ПОЛНО ФИЛОСОФСТВОВАТЬ!

Жизнь на селе — сложнейшая штука. И обидно бы-
вает, когда о наших хлопотах рассуждают упрощенно!
«А, чего там... деревня! Не атомные реакторы осваива-
ют... Землю, скот».

Земля!.. Профессия земледельца уходит в глубь ве-
ков. Иногда приходит на ум такой вопрос: а почему
нет истории земледелия? Нет, история земледельцев,
конечно, есть, а вот исторической агрономии нет.

Современная биологическая наука и агрохимия да-
ют сейчас сельскому специалисту возможность все глу-
бже проникать в тайны земли и растений. Он хорошо
знает, где, в какой дозе надо внести азот, фосфор, ка-
лий, когда подать в почву микроэлементы, чем можно
поддержать, а чем убить то или иное растение. Но на-
учная вооруженность как бы отодвигает на второй
план хозяйственную интуицию, наблюдательность хле-
бопашца.

Побеседуешь иной раз с дедами: как они любовно,
с глубоким знанием особенностей местных почв гово-
рят о земле, как тонко чувствуют душу земли! А ведь
теоретической учености у них никакой не было. Почек-
му же крестьянин хорошо знает свою землю? Потому
что наблюдения, опыт хлебопашца бережно передава-
лись из поколения в поколение.

А сейчас специалист приходит на село с хорошим
запасом теоретических знаний, но на практике ему
приходится начинать все сначала. Редкий агроном, ра-

ботавший прежде, оставит своему преемнику историю полей.

Трудовой опыт, что фольклор, с ним надо поступать осторожно. Отчего люди так неразумно обращаются с ним? Изобретя новый метод, почему-то спешат позабыть старый. Может быть, в этом есть какой-то особый смысл? Думаю, что нет. Просто обычная людская небрежность, с которой вот уже много лет мы относимся к земле.

Пятьдесят два года назад в нашей стране совершилась революция. Слов нет, многое за эти годы изменилось в жизни народа нашего. И в сельской жизни, конечно. Но в деревне, пожалуй, старое держится особенно крепко. Вот и уживаются здесь транзистор и глиняная плошька, модернизированные орудия труда и сохранившиеся у крестьянина и оберегаемые им деревянные бороны, связанные когда-то без единого гвоздика, капроновая сетка и березовый пестерь, современные понятия о человеческом общежитии и старая домостроевщина.

Почему деревня всегда выступает в роли хранителя «музейной старины»? На роду, что ли, написано?

Но полно философствовать! Деревня менее всего нуждается в этих «почему». Хватит, она их слышала, устала слушать. Не словами, а делом своим надо доказывать верность земле, родному краю. Полюбилась деревня, приглянулась, пришла по сердцу — засучив рукава и работай. Переделывай старое, коли охота есть. Только переделки деревня тоже видела. Вытерпела всякие...

ПРОГРАММА ТАКАЯ

— Так вот, мужики! Программа будет такая...

При слове «программа» колхозники, бригадиры и специалисты не настораживаются, не бросают удив-

лених взглядов на говорящего. Повестка дня вырабатывалась долго, многое обговаривалось заранее.

— В отношении молодежи давайте внесем такую поправку в наш устав:

«Сельхозартель «Заря» гарантирует колхозной молодежи право после окончания учебы в школе выбрать себе любую профессию как сельскохозяйственную, так и несельскохозяйственную.

Одновременно правление колхоза обязуется ежегодно организовывать курсы механизаторов, подбирая для этого подростков, окончивших не менее 8 классов. Дни учебы на курсах оплачиваются по установленному заранее тарифу.

Наиболее способных юношей и девушек направлять в качестве колхозных стипендиатов в техникумы и институты, установив им стипендию на 50 процентов выше государственной.

Широко использовать и метод индивидуального ученичества. Установить, что если опытный тракторист, комбайнер, кузнец, доярка обучит в течение шести месяцев юношу или девушку, в том числе своего сына или дочь, а последние сдадут экзамены квалификационной комиссии и получат права,— выплачивать обучающему от 40 до 60 рублей.

Если молодой колхозник, пройдя ученичество и получив профессию, все же не пожелает оставаться в колхозе, он должен отработать один-два года, после чего беспрепятственно получает необходимые документы и уезжает куда угодно».

— Как мыслите, товарищи, подойдет эта «программа» в нашей обстановке?

Члены правления соглашаются: «Подойдет!», но некоторые из них сомневаются: «А выйдет ли что путного?».

С полчаса шумели. Наконец все согласились — «надо испробовать».

В перерыве я отыскал Сергея Егоровича, утащил его вниз, в кабинет агрономов.

— Давай здесь посидим, покурим.

Мне хотелось узнать его мнение, хотя обо всем, кажется, тысячу раз переговорили. Но сейчас, когда вопрос вынесен на обсуждение актива, когда видишь, как на него реагируют люди, обменяться впечатлениями нелишне.

— Валяй, жми до конца. Не сразу переваривается, но чувствуешь: люди начинают понимать, что к чему.

Перерыв кончился.

— А теперь давайте обсудим вторую часть нашей программы. Она более обширна по своему размаху и целям. Речь пойдет о строительстве, о селении малых деревень и о том, как нам жить дальше. В колхозе 33 деревни. Это не «тридцать три богатыря, все как на подбор». Одни — крупнее, другие — мельче, а некоторые совсем обезлюдили. От самой южной до крайней на севере более 20 километров. Связь между деревнями слабая, большая часть года — бездорожье. Разве молодежь удержать в глухих, отдаленных деревнях, где нет ни клуба, ни библиотеки, ни магазина, ни детских яслей? Старикам, может быть, такое «природы раздолье» и по душе, а молодежи это мало подходит. Надо селить мелкие деревни...

— Верно, верно, — раздаются голоса с мест.

— И это требуется не только для того, чтобы удержать молодежь в колхозе, а также с чисто производственных позиций. Старые, мелкие дворы не механизируешь, нужно строить новые, типовые. Нынешние сушилки, кладовые, примитивные мастерские и кузницы не отвечают требованиям времени. Но мы их строим, перестраиваем опять же на старый лад. А надо коренным образом перестроить все наше хозяйство. О селении мелких деревень речь ведется давно. Но воз и ныне там. Почему? Видно, не с того конца за дело берем-

ся. Нет четкой программы, только споры идут: кто к кому должен переезжать. Каждый кулик свое болото хвалит...

Оглядев собравшихся, я продолжаю:

— Мы изучили эту проблему досконально, заранее обсудили с активом. Были консультации с районным архитектором, с другими специалистами. И вот что выходит, мужики. Наиболее перспективными оказались семь деревень. Еще четыре близко примыкают к ним и со временем сольются в одно целое. Вокруг этих деревень расположены наиболее крупные фермы. Так получилось, что в них находятся почти все школы, клубы, магазины, медицинские учреждения нашего колхоза. Таким образом, из 33 деревень предлагаем оставить одиннадцать. Вот они: Едома, Добрец, Пача, Соколово, Кичино, Соболино, Старое Село, Горка, Покровское, Бирючево, Демидово.

Перечислив названия деревень, я подчеркиваю, что в первую очередь надо выделить шесть бригадных центров и центральную колхозную усадьбу. Их предстоит комплексно застроить за семь—десять лет.

— Чтобы вы могли лучше представить себе, каким будет наш колхоз через десять — пятнадцать лет, давайте посмотрим план-схему бригадного центра — Старого Села и центральной усадьбы — Пачи,— предлагаю я.

Экономист Нина Бобкова быстро прикалывает к стене два ватманских листа.

— Посмотрите, первый лист — план Старого Села. Здесь нанесены дороги, мосты, ручьи, пруды. Зеленые квадратики — это существующие дома и хозяйственные постройки. Красными изображено то, что предстоит построить. Двадцать два дома мы поставим на старых пустырях, где когда-то жили люди. Кстати, не худо бы во всех деревнях подсчитать эти пустыри, узнатъ скольких хозяйств лишилась та или иная деревня. Это ведь жизнь, история наша.

Далее идет новая линия домов.

— Мы назвали эту улицу условно Ново-Сельской, — говорю я. — Здесь пока помечено двадцать восемь домов, но в перспективе может быть и больше. В стороне от села, в восточной части, размещается животноводческий городок, куда потом переселятся фермы из деревень Шапкино, Горки, Калинкино, Полежайки. Здесь будет коровник кирпичный на 200 голов, два телятника, подсобные помещения. ТERRитория будет обнесена забором, озеленена. Сюда прокладывается дорога. На северной стороне по ручью — пруд, зеленая зона, ниже — общественная баня.

Возле школы заложен фруктовый сад, здесь же неподалеку разместится детский городок. Все улицы озеленяются. Прокладывается водопровод, кружочками помечено восемь колонок. В северо-западной части размещаются все хозяйствственные постройки: зерноток, мастерская, навесы, кузница, мельница, здесь же будет второй водоем. Клуб в Старом Селе еще не старый, нужно только благоустроить территорию вокруг него, помещение магазина надо капитально отремонтировать и пристроить столовую. Дорожному отряду Вихарева предстоит первоначально спланировать территорию, сделать дороги, посыпать их гравием, раскорчевать пустыри.

Обо всем этом я докладываю колхозникам. Подвожу итог:

— Эта работа по перестройке бригадного центра и его благоустройству обойдется колхозу в 500—600 тысяч рублей.

— Ого! — раздаются голоса.

— Не волнуйтесь, товарищи. Денег у нас хватит.

Перехожу ко второму листу. Это наша Центральная усадьба. Пача в скором времени должна слиться с Шаймой. Это всем ясно.

— Вот старая улица Пачи, — показываю я. —

Здесь уже нет пустыреи, все застроены. Южный склон пересекает новая улица — Юбилейная, так пожелали ее назвать первые новоселы. Тут построены детский сад и шесть домов. Дальше на восток еще около двадцати домов, а на запад, сразу же за Домом культуры и строящейся школой, пойдут двухэтажные двенадцатиквартирные дома. Ниже по склону, за школой, построим спортгородок и стадион, а за ним будет зеленая зона, пруд. Далее, на железнодорожной станции, где сейчас деревянная платформа, скоро начнем строить вокзал. Документация есть, договор заключен.

— И тоже на наши деньги?

— На наши. Другими источниками колхоз не располагает. — Продолжаю рисовать картину: — На северном склоне — центральная ферма. К существующим трем дворам здесь будет поставлен кирпичный коровник на 200 голов. Пилорама со старого места убирается, и будет построен восточнее от ферм новый лесоцех. А за ним разместится база механизации: мастерская, гараж, склад, бетонные площадки для прицепных машин. В следующем году начнем прокладывать по улицам водопровод. Документация тоже изготовлена, договор со строителями заключен. В районе новой школы, рядом со стадионом, построим двухэтажный универмаг. В первом этаже разместим комбинат бытового обслуживания, у которого будут свои филиалы в бригадных центрах. Как только закончим строительство мостовой в Паче, начнем благоустраивать центральную площадь, забетонируем ее, украсим. Продолжим работы по благоустройству парка Победы, расширим его границы, туда войдет и территория школьного сада. В парк перенесем памятник погибшим воинам-землякам.

Рассказываю, что в Паче и в некоторых ближайших деревнях скоро появится газ. Работа уже ведется, плиты, баллоны закуплены.

— Чтобы отстроить Центральную усадьбу, потребуется не менее 900 тысяч рублей. А вернее, завязывай и весь миллион. Это на первый случай. А потом, на втором этапе — двух миллионов мало.

— Ого! А не загнул ли ты, председатель?

— Нет, сейчас разогнусь...

Чтобы отстроить все семь бригадных центров, потребуется на первых порах свыше пяти с половиной миллионов рублей. В год, если разделить на десять лет, надо будет освоить 550 тысяч рублей. Но это не страшно! Доход наш теперь полтора миллиона с хвостиком. И стоять на месте мы не будем: года через два доведем его до двух миллионов. Уже сейчас колхоз может отпустить на строительство не менее 25 процентов годового дохода.

— Не в деньгах главная трудность, — объясняю я. — Потребуется много рабочей силы, а про стройматериалы и подумать страшно. Но, как говорится, глазам всегда страшно, а руки потихоньку делают... Вопрос переселения колхозу надо взять в свои руки. Одни колхозники могут построиться сами, другим это не под силу, нужна помощь. Все это надо учесть, предусмотреть заранее. Поэтому выдвигаю предложение: давайте создадим переселенческую комиссию, которая будет определять в каждом случае все затраты колхозников, связанные с переселением. Определим заранее, что от 20 до 40 процентов этих затрат колхоз берет на себя. Транспортные перевозки идут целиком за счет колхоза. Остальные средства, если переселенец их не имеет, колхоз будет оформлять как ссуду, которую необходимо погасить в течение пяти—десяти лет.

И еще одно дело следует предусмотреть. У нас в Демидове построена колесная мастерская. Станков там всяких много, половину времени они не загружены. Предлагаю построить там еще столярную мастерскую, сделать пристройку и изготавливать рамы, двери, косяки.

При перевозке старых домов все эти детали и конструкции вот как понадобятся.

Меня поддерживают:

— Дело, пожалуй!

Ободренный поддержкой, выдвигаю последний вопрос:

— У нас уже построено больше десятка коммунальных домов. В дальнейшем такое строительство за счет колхоза будет расширяться. Давайте установим сразу — квартплату с жильцов в коммунальных домах не брать. Эти дома в первую очередь будем давать специалистам и молодежи, то есть молодежи, остающейся в колхозе, возвратившейся из армии или приехавшей из города. И не станем делить: будут ли все они трудиться непосредственно в колхозе или, скажем, в магазине торговать, на почте работать. Все равно они живут и трудятся у нас, на селе.

ВЕЧЕРКОМ НА РЕКЕ

Тихий теплый летний вечер. Деревня погружается в сон. Гаснут огни, спускаются сумерки. Только окна Дома культуры залиты электрическим светом. Из открытых дверей и окон разносится музыка, задорная, звонкая. Молодежь танцует. Мы с парторгом отдыхаем на крыльце конторы, курим.

— Знаешь, пойдем ко мне, — говорит Сергей. — В буфете хранится недопитый «ошкамелок» коньяку, хватит по рюмочке.

— Не плохо бы. Но у меня другая мыслишка. Давай сперва съездим на реку, искупаемся. Пропотел, пока доклад делал.

Взревел мотор «газика». Свет фар выхватил кусок пыльной дороги, сгустив сразу тьму по обочинам. На переезде, впереди, пыхтел паровоз, подталкивая состав «вертушек».

— Вот видишь, и балласт прибыл, значит, желёз-нодорожники надумали строить вокзал.

— Долго раскачивались. Ну и порядочки... Хуже, чем в колхозе.

Паровоз подтолкнул вагоны, освободив проезд. Машина фыркнула мотором, покатилась дальше. Проскочили Четвериково, Добрец. В Едоме свернули влево, к реке. Здесь на берегу, где остановилась машина, стояла когда-то паровая мельница. Теперь, по плану благоустройства Волго-Балта, ее разобрали и перевезли. Рядом остались торчать столбы ветряка.

— Знаешь, Сергей, историю с этим ветряком?

— Нет. А что, занятное что-нибудь?

— Слушай...

Надумали как-то едомцы электричество провести в дома (электрификации тогда еще здесь не было). Ну вот, а Алеха Левашов тут как тут. Мужик он дощий, вечно что-нибудь изобретает, да только ни одной затеи до конца не доводит.

Алеха говорит на собрании:

— Мужики! Колхоз наш миллионер... Пора бы насчет электричества кумекать.

— А как? — интересуются мужики.

Алеха, поломавшись для виду, выкладывает свою идею:

— Ветряк бы соорудить. Даровая сила...

И хотя Алеха заломил шальную цену, собрание постановило: «строить ветряк». Было это перед самым сенокосом. Колхозники подались на луга, а Алеха, склонив бригаду, остался в деревне — строить ветряк. Но строили с прохладцей. Всюду бабы, мужики косами брякают, а Алехина бригада у реки прохлаждается. Топорами потюкают — за удочки примутся. То ли работают, то ли рыбачат...

Вот подходит срок, а ветряк и наполовину не готов. Алеха чертежи переделывает: все ему кажется, что

вышка мала. До того ее доподнимал, что плотники бросили топоры, разбежались. А Алекса — нет, не отсту-
пается. Он вторую бригаду сколотил, да прибавку к зарплате не забыл выпросить.

Проходит и второй срок. Тогда председатель сам назначил последнюю «добавку», строго предупредив:

— Ша. Не кончишь — пеняй на себя.

Наконец сооружение готово. Собрался в воскресный день народ на берегу смотреть чудо-изобретение. Алекса бегает вокруг ветряка, тянет волынку. Ему хочется побольше эффекта произвести. Но вместо эффекта курьез получился. Маховое колесо, заскрипев, крутилось раз-другой, деревянная машина покачнулась, затрещала, а налетевший ветер докончил дело. Рухнул ветряк...

Народ врассыпную! Тут тебе и смех, и грех... Люди смеются над изобретателями. Председатель вовсю костерит Алексу. А тот, отойдя в сторонку, дико озирается, хохочет: «Отменный получился разгром!»

— Ты к чему это? — спросил Сергей Егорович.

— А к тому... не получилось бы и у нас с тобой такого же разгрома. Затея смелая, рисковая. Тебе не страшно, например? Переселение...

— Вон ты о чём.

Сергей весело посмотрел на меня в упор, и на душе у меня немного отлегло.

— Ну ладно. Поговорим об этом после. Давай купаться.

Вечерняя вода теплая, словно парное молоко. С реки в залив потягивает туманом. На противоположном берегу, где-то в зарослях камыша, крякает неугомонная утка.

— Ишь, надрывается, — кричит с воды Сергей.

Он взмахивает сильными руками и плывет дальше, на середину залива.

— Знает, что мы без ружья.

Подул внезапный ветерок. Туман понемногу стал рассеиваться. Вдали засверкали огоньки бакенов. Где-то натужно и раз, и два прогудел пароход. А может быть, баржа-самоходка наткнулась на мель и теперь жалуется на свое одиночество в ночной тиши.

Почему-то подумалось: «У каждого своя стихия».

Мы вылезли из воды и начали одеваться. Кто-то верховой медленно пробирался вдоль берега, мурлыча себе под нос песню. На селе звонко заливались собаки.

Ш Т У Р М

Осень шестьдесят восьмого года выдалась короткой. Рано подули холодные ветры, наскоро, но хлестко от дождило, а потом повалил снег...

Думали, попугает нас осенняя непогодь — мол, поторопливайтесь, хозяева — и успокоится. А она не думала затихать: свалилась бедой на наши головы — на две недели сократила сезон уборки, который у нас, на Севере, и без того короток.

Такая же погода стояла, помнится, и в шестьдесят втором, хлеба пришлось убирать вручную. Но тогда в колхозе «Заря» было больше рабочих рук, теперь же их поубавилось. Правда, техники стало много. Но что с ней поделаешь в такую слякоть? Стоит, сердешная, тоску на людей нагоняет. Хоть снова за косы берись.

А дел — непочатый край: с пятисот гектаров надо поднять лен, убрать картофель, кормовую брюкву, не скосены яровые в Мурашках. Ячмень и овес на осущенных землях вымахали в рост человека, но ранние холода задержали их созревание.

Что делать?

Незадолго до ненастя побывал у нас первый секретарь обкома партии Анатолий Семенович Дрыгин.

— Хорошие хлеба, — порадовался он. — Но, смот-

ри, хозяин, сроки уходят. Убирать надо, не жди погоды.

Действительно, тянуть дальше было некуда. Пришлось не ждать полного созревания яровых, косить их на силос. Срочно отрядили звено Сергея Милославова. Механизаторы поставили колесные тракторы на полу-гусеничный ход, приспособили роторные косилки, начали силосование.

Сергей привез из далекой бригады два списанных зерновых комбайна.

— Зачем они тебе?

— Оборудуем, будем косить недозревшие хлеба. Пустим за комбайнами копновозы — легче будет забирать массу в бурты.

— Задумка дальняя. Давай, Милославов, пробуй.

Сергей Егорович Алексеев, парторг наш, собрал партийно-хозяйственный актив. Приняли самое короткое постановление: «Коммунисты все, как один, — в поле!»

Бригадирам, механикам, агрономам мы дали наказ весь день находиться в поле, среди людей, а около комбайнов — бывать и ночью. Контору колхоза, сельский Совет, другие наши учреждения закрыли — всех служащих отправили на уборку картофеля.

Звено Милославова убрало на силос более пятидесяти гектаров ячменя и овса. Но дальше дело не пошло. Поля раскисли, техника окончательно стала. Звеньевой почернел, зарос щетиной, охрип от ругани, но, как ни бился, пришлось отступить.

Ну что ж, и за пятьдесят гектаров спасибо...

Теперь надо было спасать лен. Из-под снежной хляби женщины выскребали тресту, мужчины вытряхивали снег из бабок, крутили вязанки.

Нет, сыро. Сгниет лен...

Отступились.

А тут ударили морозец. Поднялась нудная поземка.

Легким блестящим покрывалом подернулись поля и луга. Скрылся под снегом ленок.

Вот тебе и миллион восемьсот, которые планировали получить в этом году.

Как все-таки несправедлива судьба! Радовались хорошим видам на урожай. Накупили техники. Все расчитали, приготовились убрать богатый хлебушко. И вот...

Но вдруг с пятого ноября подкатила оттепель. Всю ночь лил дождь, а шестого — день чудесный...

— По коням, ребята!

Начались горячие дни. В городе четыре выходных подряд радио льет бравурную музыку, а наш колхозный радиоузел чуть ли не каждый час повторяет речь штаба: «Всем в поле, на лен!» Для мужчин особое разъяснение, правда, не по радио: «Все четыре дня к бутылкам не прикладываться».

Пошла в бой «Заря».

Колхозники, учителя, школьники, пенсионеры — все встали в строй. И городские, приехавшие было погостить на праздники, тоже включились в дело. Тренируя, взяла их за душу забота крестьянская. Порядок в союзе рабочих и крестьян!

И вот результат: за четыре дня спасли весь лен. А потом взяли косы и навалились всем миром на яровые. Со снежком, с веселым звоном свалили косами на мерзлую землю недозрелый овес. Авось сойдет на корм скоту.

Так завершили мы хозяйственный год. Миллиона восемьсот он нам, конечно, не дал, но полтора миллиона рублей, как в юбилейном, все же получили.

И получили, конечно же, благодаря энтузиазму людей — велика сила в народе, если он сообща за дело берется.

ДУМАТЬ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, НАДО...

— Ты вот что, Сергей, собрал бы партком. Специалистов позови. Подведем итоги «штурма». Обсудим, что сделать, чтоб погода впредь не заставала врасплох.

— А я думал, ты сам сообразишь, председатель. Ведь это скорее по твоей линии.

— По моей? Нет, брат, это не одного правления касается. Всем подумать надо.

У нас с секретарем парткома часто так бывает. Хорошо, что до обид не доходит. Если он первый подаст какую-то идею, меня это немножко колышет, но я стараюсь не подать виду. А когда за мной инициатива, вижу, как хмурится мой Сергей Егорович, но тоже крепится, фасон держит.

— Вот посмотри, что у меня получается в расчетах.

Парторг видит — у председателя не блажь, а мысль дальняя, и тут уж характер в сторону.

Вот и сейчас он пододвигается ближе, внимательно слушает.

— Понимаешь, в колхозе у нас десять комбайнов. При нужде и больше пошлем в поле. В хорошую погоду каждый из них может дать по пятнадцать бункеров. Может?

— Ну, положим, и по восемнадцать дадут. Сам был комбайнером, знаю.

— Ладно, клади по пятнадцать. В одном бункере тонна зерна. За смену по сто пятьдесят тонн выходит. А если иногда убирать хлеб ночью? Чуешь, что получается?

— Чую, председатель. Ну и что?

— А то, что все наши сушилки за сутки пропустить могут тонн сорок, максимум пятьдесят. Соображаешь, куда дело клонится?

— Чего тут не сообразить. Разрыв получается между мощностью зерноуборочной техники и возможностями нашего сушильного хозяйства. Примерно в три раза. А ну-ка... Что же выходит? — оживляется Сергей Егорович. — В погожие дни комбайны стоят, а в плохую погоду рвем их. Всю жизнь учимся, а поумнеть никак не можем.

— Это все лирика, дорогой Сергей Егорович. Нам надо вводить научную организацию труда. А то все ждем, когда кого-нибудь счастливая мысль осенит. Ощупью пробираемся.

Алексеев со стула пересаживается на диван, устраивается поудобнее и решает, видимо, поддеть меня:

— Летом, помню, ты, председатель, ловко расписывал будущее колхоза. Какие планы, какие перспективы! Мечты, фантазии, а вот экономических расчетов что-то не слышно было.

— Всякому овошу свое время. Тогда речь шла о перспективных планах, а теперь пора браться за конкретные дела. Надо иметь точные расчеты и на сушилки, и на склады... И главное, с техникой чтобы все было увязано, ее мощность не должна пропадать даром.

— Мысль интересная, — вновь переменился в настроении Сергей Егорович. Немного помолчал, собираясь с мыслями.— Вот сейчас мы говорим о сушилках, складах, а завтра о фермах речь зайдет.

Тоже ведь на глазок, без расчета делаем. Потом, быть может, менять все придется. Надо обо всем хозяйстве подумать, скоординировать наши планы, чтобы нигде прорыв не грозил. Фермы, бригады, машины, склады, зерносушилки — все должно быть увязано между собой.

— А может, — предлагаю я. — нам с тобой, партгр, в район поехать? Поговорить в производствен-

ном управлении, с инженерами посоветоваться. А потом и в другие хозяйства заглянуть. Интересно, что соседи об этом думают.

РАЗГОВОР В РАЙОНЕ

В Шексну мы приехали поздно вечером. Но в окнах нового трехэтажного здания, недавно выстроенного для райкома и райисполкома, всюду горел свет. Впрочем, «поздно вечером» — понятие относительное. Зимой дни короткие, сумерки наступают рано, и к нашему приезду работа в районном штабе шла еще полным ходом.

Производственное управление сельского хозяйства размещается на втором этаже. Почти всегда здесь людно, особенно в дни совещаний, или когда специалисты, руководители хозяйств приезжают с отчетами, «выбирают» фонды по технике, удобрениям.

Но сегодня в коридоре тишина. Слышно только из открытых дверей хлопанье счетных костяшек да рокот арифмометра.

Начальник управления занимает просторный кабинет. Всюду развешаны диаграммы, а возле стола — два кресла для посетителей.

— Можно к вам, Иван Федорович?

За столом, заваленным бумагами, книгами, сидит пожилой человек, сухощавый, почти лысый, но с живым выразительным лицом.

— Здорово, здорово, орлы! Заходите.

«Орлы» — любимое обращение нашего районного «старшины». Но оно предназначается не для всех. Надо заслужить делами такое «звание».

— Так вы по какому делу?

Мы переглядываемся с Сергеем Егоровичем. Тот кивает: мол, начинай ты.

Мысли кое-какие одолевают...

Федоров весело, звонко хохочет.

Человек он простой, бывалый. Любит и шутку соленую, особенно у рыбакского костра, умеет и сердитую речь загнуть, если обстановка того потребует. Сейчас он хохочет, уставившись в потолок, прикрыв двумя пальцами вздрагивающие веки, словно придерживая их.

— Мысли и меня иногда одолевают, особенно по ночам. — Иван Федорович бросает на нас быстрый взгляд. Смеху как не бывало.

— И по какому поводу мысли ваши?

Мы, председатели, хорошо знаем нашего «старшину» — его надо сперва развеселить, потом уж можно у него что угодно просить.

— Насчет сушилок потолковать приехали и всего прочего.

Федоров собрался было опять расхохотаться, но только покрутил головой — передумал.

— Что запланировано, то получите. Сверх плана не ждите — не дам.

Дверь с шумом распахнулась, и в кабинет не вошел, а скорее вбежал секретарь райкома партии Портнов. Невысокого роста, подвижный, с шевелюрой густых седеющих волос. Он подал нам руку, Федорову склонил: виделись.

— О чём разговор, если не секрет?

Федоров встал из-за стола, начал прохаживаться по кабинету. Передвигался он как-то особенно: не прямо, а какими-то зигзагами, то и дело поворачиваясь и поглядывая на нас сбоку.

— Вот орлам сушилки понадобились. — Он сделал еще несколько шагов и уселся за стол.

— Намаялись нынче с уборкой, — вставил Сергей Егорович.

Портнов, поняв, чего мы добиваемся, задумчиво произнес:

— Да, осень показала, что сушилок нам еще много надо.

— Дело не в том, что много, — сказал я, — надо вообще иметь точный расчет по каждому хозяйству. А то у одних густо, у других пусто.

Портнов резко повернулся в мою сторону.

— Ты же — член бюро райкома, сам знаешь, как идет распределение техники.

— Знаю. Делят, конечно, по справедливости. Всем хозяйствам свою долю выделяют.

— Ну и что, ты с этим не согласен?

— Да, не согласен. Такая дележка ошибочна.

— Почему?

— Потому что принцип погектарной нагрузки на технику устарел, он не дает полного представления о положении дел в том или ином хозяйстве.

У одного колхоза земля легкая для обработки, у другого — трудная. А машины всем поровну даются.

Портнов и Федоров переглянулись.

— Возьмем комбайны. Тут погектарный принцип вовсе ни к чему. В одном хозяйстве берут по двадцать центнеров с гектара, а в другом всего лишь по десять. А техники и тем, и другим дано одинаково.

Секретарь райкома заметно оживился.

— Так, мысль интересная. Продолжай.

Мне ничего не оставалось, как выкладывать начистоту.

— Мысль эта не у одного меня зародилась. Многие председатели недовольны. Надо бы всем собраться, потолковать, поспорить.

— О чем же спорить?

— Скажем, о тех же самых принципах распределения техники. Ведь все в жизни меняется. То, что нынче хорошо, правильно, завтра, глядишь, устарело. Когда-то чуть не открытием казался принцип учета произведенной продукции на ста гектарах. Сравнива-

ли, укоряли друг друга. А теперь устарело все это. Поэтому что неодинаковые у нас гектары, вот в чем дело, оказывается.

Федоров опять заходил по кабинету.

Он заговорщически переглядывался все это время с секретарем райкома. Наконец не удержался:

— Смотри, какие философы в «Заре» объявились! Это они все к тому ведут, чтобы лишние сушилки выклянчить.

Алексеева прорвало:

— Никто не клянчит, мы у себя, может быть, и так обойдемся. Но мысль, по-моему, высказывается верная.

— Верная, говоришь? — Это уже Портнов включился в разговор. — Ну-ка, давай, продолжай.

— А что, — не смутился Сергей Егорович, — могу и продолжить. Я так смотрю. Одним колхозам надо давать побольше почвообрабатывающих машин, навозоразбрасывателей. Другим — кусты раскорчевывать, камни убирать, чтобы они порядок на своей земле навели. А третьим — уборочных машин побольше: землю свою они уже привели в порядок и теперь получают высокие урожаи...

— А у вас что, самые высокие?

— Не самые высокие. Но за последние три года колхоз удвоил сбор зерна. Комбайнов тоже стало больше. Управляемся. А вот сушильное хозяйство у нас явно устарело, отстает.

Федоров опять звонко рассмеялся.

— А ведь уговорят, орлы. Ей-ей, докажут, что им в первую очередь подавай сушилки.

Я подоспел на помощь Алексееву:

— Не только сушилки, а и транспортеры для механизации складов, зерноочистительные машины, погрузчики там всякие.

— Ну, добро, добро, — сдался Федоров. — Сразу из кармана я вам ничего не дам. Мы тут подумаем.

Когда уходили из кабинета, уже за дверью вновь послышалось федоровское любимое:

— Ну и орлы! Вот дают!

БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ ЗАБОТЫ

Техника, техника...

У всех теперь только и разговоров о ней.

Техники на селе стало много, но используем мы ее еще плохо. Сроки службы машин сокращаются.

Падает и выработка на трактор. Почему? Не стало второй смены. Даже на весеннем севе ночная работа теперь редкость.

Времена меняются. Раньше председатель и ночью не спал. Вместе с агрономом, механиком следил, как работают машины. Простоит трактор одну смену — ЧП.

Выйдешь, бывало, ночью за село, взберешься на бугорок и стоишь как зачарованный. Гул, рев вокруг тебя! И свет фар отовсюду. Это работают механизаторы ночной смены.

По гулу учились определять, кто где пашет или какой трактор стоит: «Не слышно голоса».

Теперь ночной пахоты почти нет. Много тому причин. И с кадрами туго, и не в моде вообще становится вторая смена на тракторе. Но главная причина, по моему, — низкое качество ночной работы.

Ночью и вспашка, и культивация все-таки не те. Вот агрономы и не поощряют ночную работу. Они знают, что техники теперь достаточно, можно и за световые часы управиться.

Однако второй сменой бросаться еще рано. Необходимо позаботиться о равномерной круглосуточной загрузке машин на весь год. Но для этого нужен целый комплекс, вполне продуманный набор прицепных и навесных орудий. Кстати, тема эта далеко не изучена в сельском хозяйстве и ждет своих исследователей.

Не знаю, думают ли над этим научные институты, но тема эта, кажется, благодатная и актуальная.

Несколько слов скажу о кадрах. Думаю, что существующая система подготовки сельских специалистов кое в чем устарела. Профессионально-технические училища все еще продолжают готовить главным образом трактористов, комбайнеров, шоферов. Но кадры этих «старых» профессий с успехом можно подготовить теперь и у себя дома. База для этого есть. Гораздо полезнее будет, если училища начнут давать селу мастеров-наладчиков, токарей, газоэлектросварщиков, сантехников, электриков, мастеров машинного доения, слесарей по ремонту, газификаторов. Люди таких профессий сейчас очень нужны колхозам и совхозам, а учить их негде.

Об уходе молодежи из села пишется теперь много. Указываются разные причины. Одной из них является узость в выборе профессии. Правда, нынче в моде стали «философы», которые считают, что отлив сельского населения — явление не только отрицательное, но и положительное. Это, дескать, заставляет местных руководителей больше внедрять технику.

Верно, заставляет.

Но сельским руководителям в пору задуматься и над другим — что делать со стариками. В процентном отношении их становится в деревне все больше и больше. К чести сельских пенсионеров, все они очень трудолюбивы. Но это, говоря языком философов, — единство противоположностей, явление не только положительное, но и отрицательное. То, что они трудятся, — хорошо. Однако их труд накладывает известный отпечаток на характер сельскохозяйственного производства. Технический прогресс, вероятно, проигрывает от этого.

И, наконец, самая наболевшая проблема — плохое техническое обслуживание колхозов и совхозов орга-

низациями «Сельхозтехники». Правда, и это порождает что-то положительное: давно известно, что голь на выдумки хитра. Изобретают, выкручиваются как-то наши сельские умельцы-механизаторы. Но говорить об этом грустно.

Необходимость иметь хорошо оснащенные мастерские в колхозах, совхозах признают теперь все, включая Министерство сельского хозяйства. Но где взять станки? Обычно их дают шефы. Но ведь не у каждого шефа есть они. Те, что побогаче, вначале списывают, а затем уж «дарят» изношенные станки колхозам. Понятно, что на таком станочном оборудовании технический прогресс на селе далеко не шагнет. Почему-то «Сельхозтехника» до сих пор не может торговать станками. Колхозные инженеры сделают заявку «Сельхозтехнике» и сидят, ждут у моря погоды. Иной раз повезет — получат станок, конечно, не новый, а какой-нибудь реставрированный.

Станкостроители никак не хотят считаться с нуждами «Сельхозтехники», колхозных механизаторов. Неужели мы пасынки у них?

Машины, новые станки, запасные части, строительные материалы, удобрения — все это необходимо деревне сегодня. Но больше всего необходимы ей люди. Напрасно иные мудрецы стараются изо всех сил доказать, что в нынешний век бурного развития науки и техники машины, а не люди решают судьбу сельскохозяйственного производства. Говорят нам, что в Америке занято в сельском хозяйстве семь или восемь процентов населения и никаких шефов городских там не знают.

У нас в деревне рабочих рук тоже немного, хотя и живет там более тридцати процентов населения страны. По большей части это старики и старухи. Не гнать же их на все четыре стороны, по американскому образцу.

Наши старики и старухи всю свою жизнь отдали сельскому хозяйству, они кормили страну в тяжелые военные годы, беззаботно трудились на земле и после победы, не искали где-то на стороне легкого хлеба. Сейчас государство дает им пенсии — маловато, правда, но колхозы, как только окрепли, стали помогать престарелым, не оставляют их без внимания.

Так что нечем Америке перед нами жичиться. Как ни говори, а колхозный строй надежнее, человеческое американского фермерства.

Иной обыватель бездумно восхищается высокой культурой и урожайностью американских полей. Ему бы в голковать надо, что в культуре земледелия и русский крестьянин знает толк. А что касается урожайности, то тут еще посмотреть надо, у кого она выше. Посади того же Гарста на вологодскую хлябь — враз прояснится картина.

Наш колхоз по шестнадцать центнеров и более стал собирать зерна. Соседняя «Шексна» — за двадцать перевалила, в колхозе имени Кирова к той же цифре подтягиваются. Правда, земли у кировцев и шекснинцев получше, побогаче наших, и удобрения рядом. Дороги у них хорошие, легче завозить все — не то что нашему колхозу по болотной бездорожи.

Зато «Заря» во льне толк знает: сеет ежегодно на 550 гектарах и по урожайности никому в районе первенства не уступает.

А дороги? Дайте срок, и «Заря» проложит свои дороги. Механизированный отряд Вихарева год от года пополняется, набирает силы, ремонтирует старые, строит новые дороги.

Колхозы «Шексна», имени Кирова и наша «Заря» соревнуются между собой. Обмениваются часто делегациями, ревниво следят друг за другом. Вот съедутся председатели, бригадиры, специалисты и спорят до хрипоты, выясняют, кто лучше поработал. А между

тем приглядываются к хозяйству соседей, перенимают их опыт. Одним словом, здорово получается!

Наш секретарь райкома партии Клавдий Евдокимович Портнов во всех этих делах большой дока. Знает, чем зажечь мужиков, как подзадорить соревнующихся.

Он и формулу придумал: «Заря», «Шексна» и колхоз имени Кирова — маятники районные. Куда они качнутся — туда и район потянут».

Вроде с щутки все началось, а смотри, как дело обернулось. И по молоку, и по мясу, и по зерну три этих колхоза вырвались вперед, стали давать до тридцати процентов всей сельскохозяйственной продукции района.

И Вологодчина может стать землей обетованной! Экономика колхозов окрепла, теперь можно совершить крутой поворот, подняться на новую ступень — осуществить концентрацию, специализацию высокомеханизированных ферм, полную механизацию растениеводства.

Мы, председатели, мечтаем построить новые фермы, селить мелкие деревни, создав благоустроенные поселки, провести мелиорацию, улучшить наши земли, укрупнить поля севаоборота. Вот где можно будет развернуться механизированным звеням, отрядам! И молодежь сможем обучить разным профессиям.

Но пока не все председательские мечты стали явью, пока мы не в силах удержать парней и девчат: многие из них уезжают в город. А со стариками осваивать новые машины трудно — глазеют на «умную» технику, умиляются, а совладать с ней никак не могут.

И лежат во многих хозяйствах деньги мертвым капиталом.

Взять хотя бы моего соседа Тимофея Александровича Иванова, председателя колхоза «Шексна». Более

миллиона рублей свободных денег у него на счету в банке.

Правда, теперь появилось много шустрых «экономистов», которые долбят и в хвост и в грибу таких «скопидомов». К этим критикам охотно пристраиваются все, кого одолевает зуд поскорее потратить общественные деньги. Но в том-то и загвоздка, что нам, председателям, хочется потратить их со смыслом, с толком. На погремушки-безделушки тратиться нет охоты, а стоящее дело задумаешь — некому осваивать эти капиталы на селе.

Взять хотя бы строительство. Прежние плотницкие бригады себя изжили. Нужны колхозам другие строители, вроде тех, что возводят нынче заводы и фабрики. Но их нет в деревне, вот и приходится обращаться к шабашникам. А тем — подавай на лапу по тридцатке в день, о меныщем и говорить не желают...

МАРК ИВАНОВИЧ

Пачевскую кузницу кто-то в шутку прозвал сельским **ОТК**. С некоторых пор у нас стало правилом — без кузнеца трактор в поле не выпускать.

Побывает трактор в капитальном ремонте, его из районной мастерской прямиком гонят к Марку Ивановичу: «Осмотря, Иваныч, хорошо ли подлечили».

Иной механизатор заторопится, уедет в поле, миная «ОТК». А потом пожалеет об этом. Поработает нек, другой, смотрит — забарахлил трактор. Но и тогда сельский кузнец не выскажет обиды, а только наиздательно заметит:

— Хотел мимо ОТК проскочить? Меня, брат, стронкой не объедешь.

Марк Иванович на всю округу кузнец известный. Работает он в Паче не один десяток лет. В молодости

хаживал на заработки, от колхоза одно время совсем было отбился и теперь числился наемным рабочим. Правда, договор с правлением колхоза кузнец заключает только для того, чтобы иметь лучшие виды на пенсию. Во всем остальном Марк Иванович считает себя полноправным колхозником.

Я часто наведывался в кузницу. Здесь и с механизаторами можно встретиться, поговорить. А иной раз собственная нужда гонит: то рессора у легковой машины лопнет, то еще какую-либо штуковину отковать надо. Кузнец любит, когда само начальство к нему идет. Покурит, побеседует. А то и кувалду в руки сунет:

— Ну-ка, вдарь разок-другой. Сможешь?

Работой кузнеца можно залюбоваться. Сам он не широк в плечах, с виду ничем не удался — ни ростом, ни осанкой, а поди ты, как ловко орудует у наковальни. За что ни возьмется — спорится дело. Марк Иванович и медник, и сварщик, и по токарному делу мастер. А освободится от кузницы — топором орудует дома, что тебе заправский плотник.

Сам себе хоромину возвел, не стал строителей напрямить. И такой дом получился — соседям на зависть. На следующий год решил обшить сруб тесом: придумал специальный станок для обработки досок, резцы, калевки всякие понаделал. И щепу драть тоже все едут к нему. Стоит у него станок за кузницей, под навесом. Марк Иванович сам отладит скобу, включит механический привод, опробует приспособление. А потом только скажет:

— Мусор за собой не забудьте убрать.

Вот и весь наказ. Платы за услуги он не возьмет с колхозника никакой. Но когда мужик сам догадается принести поллитровку — выпить кузнец не откажется. Выпить он любит.

Механик Зародов поругивает кузнеца за это:

— Смотри, Марк! Председатель ценит твои золотые руки, но за водку и прогнать может.

Тот только отмахивается:

— Погонит — себе ж навредит. Кто ему рессоры чинить будет?

Зародов делается еще грознее:

— Найдутся люди.

Иногда Марка Ивановича вызывают на правление и «снимают стружку». Правда, ругают не только за собственные провинности, чаще ему за жену достается. Все знают: насколько деловит кузнец, настолько же бездельница его жена Нина. В деревне все ее зовут Марушкой. Целыми днями сидит она на крыльце, песенки попевает.

Не задалась у Марка Ивановича семейная жизнь. Одно удовольствие — работа. Здесь Марк Иванович, что называется, расцветает душой, забывает свои горести. Когда он в кузнице — не звон от наковальни идет, музыка получается.

Но однажды ночью загорелась кузница. Марк Иванович учудил беду первым. Выскочил из дома в одном исподнем и бросился на пожар. Тушил огонь с каким-то исступлением, опалился сам, а пуще покернел лицом с горя: сгорела дотла кузница.

Срочно собрали членов правления.

— Беда, — говорю, — мужики. Марк-то наш, глядите, осиротел. Надо бы поскорее кузницу ему справить.

Нашлись скорые подрядчики. Все механизаторы пришли строить Марково заведение. Ровно за неделю была готова новая кузница, да такая, что сам Марк Иванович не мог скрыть восторга.

— Э-хе! В такой хоромине можно будет задать жару!

ПЕТРОВИЧ

Редеет на селе старая гвардия механизаторов... Подумаешь об этом — грустно становится. Понимаешь, что колхозы как бы расстаются со своим детством — нелегким, тревожным, героическим. Ведь старая гвардия зачинала колхозы...

Уходит старое время, но остаются добрые песни о нем — боевые, задорные, а то и лирические, с грустинкой:

Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати...

Попробуй собери бывалых механизаторов — Хлебникова, Зародова, Белякова, братьев Тихомировых, Лебедева, Беляева, напомни им слова этой песни — увидишь, как увлажняются их глаза и подбреют суровые, обветренные лица.

Иван Петрович Тихомиров, или попросту Петрович, — один из этой когорты. Работает он mechanиком Покровского куста. Куст немалый: объединяет четыре комплексные бригады, одной пашни у них более двух тысяч гектаров, а сколько лугов, пастбищ, лесных и болотистых угодий, о которых тоже забота нынешним mechanизаторам.

Под рукой у Петровича теперь десятка два гусеничных и колесных тракторов новейших марок, самоходные комбайны, автомашины (по две-три в каждой бригаде), около сотни всяких прицепных машин. Четырнадцать деревень надо обхехать, чтобы побывать у всех mechanизаторов, посмотреть, чем они заняты, не нуждается ли кто из трактористов, комбайнеров, шоферов в его помощи.

Бригадиры комплексных бригад, которым вручена теперь вся техника, то и дело, порой даже с мелочью, обращаются к mechanику:

— Петрович, погляди, что с плугом у Беляева. Не пашия, а грядки сплошные.

Механик тут же спешит в поле.

— Петрович, — жалуется в сердцах другой бригадир, — когда выберешь время заглянуть на сушилку? Замаялись ребята с сортировкой. Растрясло всю.

Тихомиров и тут не отказывается.

Ладит он сортировку в Демидове, а из села Покровского уже летит верховой.

— Иван Петрович, у Генки трактор встал. Натяжник полетел.

А где его теперь достанешь, этот самый натяжной винт? Пора горячая, в запасе нет, придется ехать в район.

И Петрович садится на мотоцикл, мчится в мастерские «Сельхозтехники».

Дорога до райцентра хорошая — недавно проложили бетонку. Таращится старый «ИЖ», трясет люльку, в которой у Петровича всегда что-то наложено: гремит и брякает.

Навстречу мчатся лихие «газики», пылят тяжелые «мазы», обдавая мотоциклиста шквальной струей газа и дыма, шипят раскатистые «Волги». Петрович морщится от всей этой напасти, щурится, тугой встречный ветер выгоняет из глаз непрошенную слезу.

... В тридцатые годы, еще мальчишкой, завидев первый трактор, убежал он в МТС, поступил там на курсы. А потом мотался по колхозам, всю округу искоlesил на одном из стареньких пыхтунов — «ХТЗ». Добрые были кони! Десятилетиями тракторы эти латали, лечили. Даже когда их сняли с производства, они все не сдавались — еще долго трудились на колхозных полях. Памятник бы поставить этому беззветному коню первых пятилеток...

По деревням Тихомиров иногда разъезжает тоже на мотоцикле. Но чаще всего для этого служит ему

рыжий меринок. Безотказный, выносливый, лишь бы овсеца было вдоволь.

— Петрович, чего мерин у тебя скис? — любит пошутить главный агроном Алеша Никитин.

— Овсеца просит. Не знаешь, что ли?

— Нету овсеца. Клевера теперь спели. Отведу участочек — навязывай.

Петрович не сдается:

— Некогда навязывать, Алеша. Весь день в бегах.

— И это верно. Тихомиров день-деньской крутится около тракторов в поле, то к одному, то к другому скакает.

Механика всегда отлишишь издали. Он кряжист, сутуловат, крепок в кости.

В часы дружеских бесед или пирушки в кругу старых друзей-механизаторов стоит только кому-либо заговорить о былом, напомнить лихие страдные денечки, Иван Петрович, вмиг подобревший, затянет трубным простуженным голосом:

Мы с чудесным конем
Все поля обойдем,
Соберем и посеем, и вспашем.

Вдруг вскочит, как ужаленный, засуетится — и к своему рыжему меринку.

— Вспашем? Вспашешь тут с вами!

Друзья смеются, отговаривают Петровича, предлагаая выпить еще чарку. Но механика уж ничем не остановить. Рыжий несет его опять в поле, волочит направки через луга, продирается сквозь кустарник на знакомый гул трактора.

Завидит Петрович стоящий без движения трактор, поворачивает меринка.

— Чего, форсунку, что ль, запрессовало?

«Форсунку запрессовало» — это любимая присказка механика. Все ее знают, знают и что положено отвечать на такой вопрос.

— Нет, заменжевало.

Какой смысл имеют эти «запрессовало», «заменжевало» — никто не пытался отгадывать. Мало ли всяких баек у механизаторов. Но так уж все привыкли начинать разговор с механиком, именно с этих слов и тогда, когда тракторист чувствует в чем-либо свою вину, и когда, наоборот, видит, что Петрович и сам пынче с «винцой». Вся разница заключается только, что в первом случае тракторист отвечает на «пароль», чуть понурившись, виновато опустив голову, а во втором — с некоторой бойкостью, с легкой подковыркой, но с полным пониманием сложившейся ситуации.

И в том и в другом случаях механик скинет куртку, засучит рукава и будет исследовать мотор до тех пор, пока тот не затарахтит радостно, заливисто.

— Поехали! — раздается команда.

Тракторист, глядишь, уже сидит за рычагами. А Иван Петрович, густо нахмутив брови, отыскивает глазами своего меринка: «Куда шастнул?».

Рыжий — ученый малый. Загудел трактор — он знает, что работа окончена, и бежит с опушки леса прямиком к хозяину. И не больно охота, но что поделаешь, подставляй свою спину этому неуклюжему седоку — неси его дальше...

Однажды Иван Петрович здорово провинился. Это было в конце весеннего сева. После хлестких и затяжных дождей установилось вдруг вёдро. Все бригады заторопились — надо скорее кончать сев.

В такое время механизаторов не приходится подгонять. Они знают, что сроки уходят: прозеваешь — пенишь на себя!

И вдруг из Покровского куста пришла весть: Петрович загулял. Мы с парторгом сразу на «козла» и понеслись наводить порядок.

В Горке, где живет механик, толком ничего не узнали. Услышали только, что мерин вместе с седлом

отпущен на волю, а Петрович со вчерашнего вечера перекантовался на мотоцикл.

«Ну, стало быть, далеко не уедет». Мы знали, что мотоцикл у Петровича вечно баражлит, зажигание неисправное, — отладить его Ивану все недосуг. Но проскочили по всем деревням, поспрашивали — никто не видел механика.

Осталось Демидово. Не успели въехать в деревню — вдруг, словно из подворотни, выскочил мотоцикл с коляской. Управлял им Иван Петрович. И вдоль улицы такие кренделя выделывал — цирк да и только!

На другой день собралось правление, чтобы обсудить случай с механиком. Сейчас, когда прошло время, признаюсь, что мы тогда поступили с ним слишком круто, явно погорячились. У Ивана Петровича, что называется, больная совесть. И загулял он в посевную, пожалуй, первый раз в жизни. Что-то случилось с ним необычное. Ведь он сам не терпел гуляк-механизаторов.

В посевную кампанию и колхозное начальство тоже как-то «дуреет, может, от неимоверного напряжения, слишком обостренного чувства ответственности за судьбу будущего урожая. Сев — святая святых! Все дни, все часы и минуты на учете, и в эту пору не то чтоб бездельничать, подумать об этом считалось преступлением.

А тут загулял механик. И не кто-нибудь, а Петрович, на котором полколхоза держится...

Обсуждали поступок рьяно. Было сказано Петровичу много резких и оттого не всегда справедливых слов. Высказывались правленцы наперебой, не давая механизатору опомниться и что-либо вымолвить в свое оправдание.

Мне стало жаль его. Смотрю на Сергея Егоровича — тот как-то тоже присмирел, словно испытывает неловкость за происходящее.

Тихомиров сидел понурясь. Не сразу сообразил, что окончилась уже проработка — можно ехать домой. Замешкался в дверях, постоял, как-то неопределенно потоптался.

— Эх, заменживало...

Выдавил слово и уехал.

Я почувствовал неладное. Утром вскочил пораньше и поспешил к дому парторга.

— Поедем, разыщем Петровича.

— А что он, дома не был?

— Откуда я знаю...

Дома Петровича действительно не оказалось, не пришел с вечера. На пороге нас встретила его жена.

— Да что вы, окаянные, с батькой-то сделали? Где он?

— Подожди, Лидия, не шуми. Разыщем твоего Ивана.

Ивана Петровича увидели на опушке леса. Бродит на полянке, в нашу сторону не смотрит. Голова низко склонилась, плечи обмякли, руки, словно чужие, повисли и странно болтаются...

Мы посигналили. Петрович встрепенулся, но головы не поднял, а только медленно побрел с поляны в глубь леса.

Посигналили еще раз, более настойчиво. Петрович остановился, но, когда мы подошли к нему, посмотрел на нас тускло, на приветствие не ответил.

— Обида взяла, Иван Петрович?

Он еще пуще съежился.

— Не то. Обижаюсь на самого себя... Ух как заменживало!.. Виноват, сам во всем виноват.

Нельзя было не поверить в его искренность: Иван Петрович весь тут, как на ладони. Мы еще больше почувствовали, что поступили с ним круто.

— Ну и ты нас прости. Сгоряча наговорили лишнего. Сам понимаешь, время какое.

Петровича словно током одернуло.

— Пред! Серега! Черти полосатые. Да я же... Сутки вот тут брожу. Всю жизнь свою перевернул. Худо у меня получилось. Эх!

Мы затолкали вконец растроганного механика на заднее сиденье и поехали в Горку.

КУЛЬТУРНЫЙ АВРАЛ

В кабинете второго секретаря райкома партии нам, председателям, приходилось бывать не часто. Второй ведает вопросами идеологии. И хотя нас, руководителей-хозяйственников, призывают быть воспитателями коллективов, здесь беседуют на эту тему скорее с учителями, врачами, библиотекарями, клубными работниками и, конечно, с парторгами.

Нас приглашали изредка. Но Яркин, новый секретарь, не стал придерживаться этой традиции. Как-то, встретясь на лестнице, он позвал меня к себе.

— Хочу мыслью одной поделиться.

Анатолий Михайлович Яркин недавно появился в нашем районе. Признаться, сначала он мне не очень поглянулся. «Учитель, что он понимает в наших делах?» — подумалось при первой встрече.

Но это предубеждение быстро улетучилось. Все заметили: за что бы ни брался Яркин, все у него получалось ладно, как бы само собой. Нравилась всем и его манера говорить. Речь неброская, строгая, логичная — никаких длиннот.

«Вот бы все так», — одобрятельно отзывались председатели о речах Яркина.

Клавдий Евдокимович, наш первый секретарь, говорил попроще, зато увлеченно, зажигательно. Но увлеченность часто и мешала ему. Заговорится, иногда забудет, с чего начал, станет повторяться. Все любили

первого секретаря за его простецкую манеру, но в таких случаях переживали за него. Слушаешь, прячешь глаза, чтобы ненароком не выдать себя, не обидеть разочарованным взглядом.

— Бог какая мысль, — сказал Анатолий Михайлович, усаживаясь за стол. — Хорошо бы выступить вашему колхозу с почином. — Он выжидательно посмотрел на меня в упор, видимо, определяя, какое действие произвели его слова, потом предложил: — На счет творческого смотра в районе.

— А это что еще за штука?

— Ну, творческий смотр, надеюсь, дело ясное. Важно тут не просто выступить с отчетным концертом сельской самодеятельности: надо всю жизнь колхоза показать, полное его творчество...

— В каком духе?

— Понимаешь, нужно показать и труд людей, и свой рост, и перспективу. Необходимо организовать выставку, доклад хороший подготовить. Без концерта тоже не обойтись, но надо сделать его интересным, ярким.

Пришлось сказать, что идея в основном ясна, но вокруг нее еще придется «потоптаться», подумать обо всем.

— Вот, вот, — одобрил Яркин, — «потопчитесь», подумайте. Но надо внести предложение на очередном пленуме райкома, чтобы все знали, готовились к смотру. Сможешь?

— Что же, можно внести.

Первыми на смотр приехали в райцентр участники самодеятельности колхоза имени Кирова. Но соседей наших постигла неудача. День был морозный, стужа такая, что в Доме культуры и стены покрылись снегом. Зрителей было мало. Приуныли кировцы.

За ними наш черед.

«Нет, так дело не пойдет!» — решили мы с партор-

гом. И договорились объявить в колхозе «культурный аврал». Обсудили вопрос на правлении, распланировали все и стали готовиться. Художники занялись оформлением. В клубе взялись по-настоящему за художественную самодеятельность. Сельский совет расшевелил учителей, библиотекарей. Правленцы и бригадиры тоже не сидели сложа руки: прежде чем ехать на показ людям, надо у себя дома навести порядок. Закипела работа. Но культурное «кипение» на селе известно какое. Быстро остывает.

Заминка произошла с хором. Молодежь и та из него разбежалась. Собрались тогда руководители всех наших учреждений и мигом постановили — самим надо пример показать. Меня назначили руководителем общеколхозного хора. Эхма, была не была!

Петь пришли и председатель сельсовета Иван Антонович Неробов, и главный инженер колхоза Николай Скорюков вместе с женой, и директор школы, и наш профсоюзный вожак механизатор Виктор Васильевич Вихарев. Но парторг вдруг петь категорически отказался.

— Нет голоса, — говорит. — А так бы с охотой.

Поуговаривали мы, поуговаривали и махнули рукой: «Ладно, пускай парторг не поет».

Комсомол тоже развернулся: Наташа Чуркина, секретарь комитета, взялась за драматический кружок. Геля Кашенкова, художественный руководитель Дома культуры, создала из комсомольцев ансамбль «Ровесник», Люба Тузова — танцевальный кружок. Местный поэт Володя Беляев стал вдруг ходить около клуба задумчивый — всех сторонится, от ребят откладывается. Работать он и раньше был немножко ленив, но теперь хоть стихи сочиняет. И то дело!

Коллективно сочинили также частушки на местные темы. Получился забавный номер «Вологодские ребята». Его потом не раз на «бис» повторяли,

А Геля Кашенкова — талантливая она у нас девушка — песню свою сочинила.

И вот настал день. Едет «Заря» на смотр. Будут в поселке зрители или не будут? На всякий случай мы и своих прихватили. Около ста человек отправили вперед на машинах. А участники художественной самодеятельности понеслись на тройках в расписных санках, с бубенцами-колокольцами.

Ленты алые полощутся над гривами лошадей, а песни звонкие и задорные далеко опережают санный поезд. Замыкают шествие колхозные легковые машины. Но в них нынче не начальство едет. Нет! Везут в них музыкальные инструменты, костюмы, да артисты сидят, которым голоса надо беречь.

В райцентр ввалились вихрем — с песнями, с гиканьем. Некоторые озорники и посвистывать навострились. Кони, распластав хвосты, неслись вскачь.

— Расступись, чесной народ!

Улыбаются встречные прохожие, приветливо машут вслед. Иван Федорович только что вышел из управления. Посмотрел на лошадиную кавалькаду, молодо улыбнулся:

— Дает «Заря» звону. Вот орлы!

Ему, старому кавалеристу и заядлому лошаднику, такое лихое гарцевание явно пришлось по сердцу.

Напрасны были и наши опасения насчет зрителей. Шексна на этот раз поджидала колхозных гостей. Народ густо валил в районный Дом культуры. И если бы печи оказались нетоплены, все равно люди дыханием согрели бы помещение.

Выставка, расположенная в фойе, всем понравилась. А в зале тем временем колхозный актив держал отчет. После короткого доклада выступили почетные колхозники, специалисты, наша молодая гвардия. Диаграммы, плакаты хорошо дополняли рассказы, в которых мы особенно делали упор на то, как у нас ре-

шается молодежная проблема, стареет или молодеет наш колхоз.

Вот что говорилось в одном из плакатов:

Молодежи от 16 до 25 лет в колхозе:

1966 год — 166 человек,

1967 год — 236 человек,

1968 год — 250 человек.

Средний возраст работающих в колхозе — 38 лет.

У наших соседей — сорокалетний возраст.

Мы гордились этими достижениями, хотя знали, что это еще только начало.

Вот уже много лет мы соревнуемся с колхозом «Шекспир». Он, правда, нас пока обгоняет по производству зерна, молока, картофеля. Урожайность у них выше. Но наши «Вологодские ребята» задиристо пропели со сцены частушку, обращенную к шекспинскому главному агроному:

Не хвались зерном, Бухонин,
Чикоем, брякоем,
Все равно «Шекспир» обгоним,
Ох, больше не калякаем.

Зал аплодировал. А «Вологодские ребята» подобрались уже к молочным делам.

Ох, шекспинские доярки,
Говори, не говори.
Молоко у вас грязное,
Ох, поучитесь у «Зари».

Тимофей Александрович, председатель «Шекспира», сидит тут же в зале.

Он весь побагровел, но сдерживается.

А ребята поддают жару. Они и технику у соседей осмотрели, каково ей на зимнем хранении, и в клуб заглянули.

Клуб мы тоже посмотрели,
Постояли у двери...
Ох, ребята, в самом деле
Вам далёко до «Зари»!

Тимофей Александрович огляделся, пуще заерзал на стуле, но видя доброжелательность критики, начал улыбаться: дескать, добро, соседи, подождите, мы вас тоже найдем чем уколоть.

В концерте занято много людей. За кулисами веселая суетня, скорые приготовления. И всем этим управляет директор нашего Дома культуры Римма Николаевна Козырева.

Смотр художественной самодеятельности выливается в настоящий праздник. Жюри тут же подводит итоги, делает свои замечания. Однако окончательные итоги будут известны, когда пройдут творческие отчеты всех колхозов. Но и теперь наши артисты и все колхозники испытывают подъем.

ОРГАНИЗАЦИЯ, ХОЗРАСЧЕТ, СТИМУЛЫ

В нашем председательском деле не всегда скажешь с полной определенностью: вот это сделано хорошо, а это плохо. Обычно самый лучший судья — время. Поживи подольше на селе, поработай председателем с десяток лет, потом оглянись, проверь себя, правильно ли поступаешь. Только — чур! — оглядываться и проверять себя надо честно, строго...

Однажды в колхоз пришла правительенная телеграмма из Москвы: меня вызывали с отчетом в Министерство сельского хозяйства РСФСР. Поездки такого рода не часты в председательской практике, поэтому пришлось поволноваться.

Написав объемистый доклад, я двинулся с ним в Москву. Было это в апреле, когда столица по-весеннему молода и свежа. У нас в полях еще лежит снег, на дорогах лужи и слякоть, а тут — как только выскоцил на перрон Ярославского вокзала — в лицо ударил тугой ветерок, и ноги сразу почувствовали прочную основу. Выбравшись на площадь, поворачиваю в сторону

Каланчевки, шагаю к железнодорожному мосту. Никакого такси председателю не надо, поутру хорошо пройтись налегке. Часы показывают без четверти шесть; знаю, что министры в такую рань не заседают и никого не принимают. Мне остается одно: часок другой погулять по Москве. Читатель поймет мое настроение. Почти семь лет я не бывал в Москве. А с того дня, когда нас, москвичей-тридцатицатилютников, поезд увозил с Ярославского вокзала в Вологду, прошло четырнадцать лет.

...Я прохожу мимо гостиницы «Ленинградской», запрокидываю голову — «Ого, какая колокольня!» Вокруг пустынно, ни возле гостиницы, ни в расходящихся от нее переулках людей почти не видно. Утренняя Москва торжественна и величава. На узких улочках шаги раздаются гулко. Я поднимаюсь вверх по одному из переулков и вскоре попадаю на Садовое кольцо.

Вон там, впереди, Колхозная площадь. Просторная, тихая, в утренней сизой дымке. Редкие машины, шипя, раскатываются по асфальту, легко улетают в даль, теряясь за поворотом. Слева громоздится высотное здание. Это уже Красные ворота. Но я сворачиваю в переулок, к тому скверу, где стоит памятник Лермонтову. Рядом красуется гранитный дом-гигант, поглотивший домик поэта. Мне жаль, что домик спрятан где-то внутри. Хожу около, читаю мемориал.

К одиннадцати часам попадаю в кабинет министра сельского хозяйства. Министр созвал своих заместителей, руководителей отделов и запросто объявил:

— Послушаем председателя северного колхоза... — А потом, обращаясь ко мне, сказал: — Раскажите об организации труда в колхозе, об экономической работе. Как внедряли хозрасчет? Что он вам дал?

Я собирался выступать с большой трибуны, все свои страхи пережил заранее и готов был ко всему.

Но чтобы вот так, за столом, рассказывать о колхозных делах, выкладывать расчеты и прочие премудрости запросто — к этому я не был готов. Во рту у меня пересохло, губы не стали повиноваться, и мысли враз куда-то улетучились — какие уж тут мысли? Вожу глазами по сторонам и молчу как рыба. Министр заметил мое волнение, ободрил:

— Ничего, это бывает.

Я начал говорить о том, как мы объединяли мелкие бригады, делили трактора, передавали сено, солому из бригады в бригаду, сколько споров было из-за этого, как колхозники недовольствовали по поводу уравниловки в оплате труда и т. п. Короче говоря, доказывал, почему нам нужен был хозрасчет.

Кто-то из сидящих в углу спросил:

— Почему понадобилось с введением хозрасчета укрупнить бригады? Это что, случайность, совпадение?

— Нет, не случайность. Мелкая бригада долго прозябала. Ей и технику в комплексе не дашь — распыление одно. А без техники хозрасчета не получится. Это ясно.

— Так, так, — согласился министр. А почему вы против тракторных бригад? Разве они плохо обслуживали полеводческие бригады?

Я почувствовал себя зажатым в угол. На меня теперь глядело десяток глаз — опытных, знающих людей, которым наш брат, председатель, тоже хорошо известен. Они видят насквозь...

С языка резко сорвалось:

— Тракторные бригады, какие были в МТС, сейчас не годятся. Они умеют делать одно и не хотят другое. Животноводство, например, их не интересует. Да и двух хозяев на земле держать не стоило. Надо, чтобы хозяином был бригадир комплексной бригады.

Министр наклонился к столу, что-то записал.

— Продолжайте, — сказал он.

— Некоторые утверждают, что в северных колхозах оптимальные размеры пашни для бригад триста-четыреста гектаров. Думаю, что этот расчет устарел. Он противоречит требованиям концентрации производства. — Я взобрался на любимый «конек» и теперь поехал веселее.

— На четырехстах гектарах немного кормов заготовишь, то есть большой фермы не заведешь. А нужны крупные — на четыреста и более коров. Только такие фермы по-настоящему можно механизировать и сделать рентабельными.

Меня слушали, не перебивали.

— Но укрупнять надо тоже с умом. Мы определяли размеры своих бригад с двояких позиций: экономических и исторических. Старались придерживаться границ старых колхозов, учитывали и опыт, и традиции людей. Получились у нас бригады на восемьсот, девятьсот и даже тысячу гектаров.

— А как управляетя такая бригада? Успевает ли бригадир?

— Успевает. В крупных бригадах мы создали советы. Они достаточно авторитетны, тесно связаны с людьми. В большом колхозе правление как бы часто ни собиралось, не успевало обсуждать все вопросы. Заявлений накапливалось слишком много — десятки, а иногда и сотни. Теперь большая часть их рассматривается советами бригад. Совет бригады постепенно превращается и в первичный планирующий орган. Ведь ему приходится подводить хозяйственныe итоги, намечать ближайшие задачи, составлять графики работ. Совет бригады вместе с агрономом размещает культуры в полях севооборота, комплектует звенья, устанавливает задания фермам.

— А какой методикой вы пользуетесь в хозяйственном расчете?

Вопрос этот касался главного существа моего до-
клада. Я набрал в грудь воздуха и начал рассказы-
вать, как мы обсчитываем валовую продукцию, лими-
ти затрат, по какой системе определяем фактический
и зачетный доход, регулируем межбригадные пере-
дачи и местные услуги, как ведем окончательный рас-
чет колхозников по труду.

— Однако, есть одно «но» в существующей мето-
дике, — сказал я.

Министр вопросительно поглядел в мою сторону.

— Неясно, например, как регулировать фонд рас-
пределения и капитальные вложения.

Не знаю, правильно ли мы делаем, но мы догово-
рились «перерасход» по капитальным вложениям не
делать бременем для фонда зарплаты, чтобы колхоз-
ники были заинтересованы в капитальных вложениях.

— А точнее?

— Например, бригаде надо освоить капитальных
средств сорок тысяч. Она освоила пятьдесят. Если же
свести все затраты воедино, то получится — не выго-
ден этот «перерасход» бригаде: ей меньше средств до-
станется к окончательному распределению. Мы в та-
ких случаях даем дотацию из специального фонда.
И наоборот, если бригада не освоила своих средст-
в, скажем, на строительство, мы эту сумму удерживаем
с нее, то есть не даем распределять. Точно также ре-
гулируем и план поголовья. Заранее обговариваем
«ставки» удержаний или начислений за каждую го-
лову.

— А поголовье тут причем?

Мне показалось, что меня не хотят всерьез понять.

— Очень даже притом. Бригадиры иногда стремят-
ся сдать лишний десяток голов, чтобы поднять доход.
А другие бригады за них отдуваются. Ведь план с
колхоза все равно спросят.

Некоторые из сидящих за столом переглянулись, заулыбались.

Стало быть, от планового поголовья бригадиры увиливают?

— Недогляди — увильтунут. Правда, это сделает тот, кто живет сегодняшним днем, без перспективы. Ну и когда с кормами тugo. Тут поневоле...

— Скажите, а вот вы сами, как смотрите на план по поголовью? Может, вам планировать только продуктивность, вал?

— Если доверять нам полностью, то, конечно, планировать поголовье вроде бы и ни к чему. Дайте задание по молоку, мясу, а там уж мы сами решим, сколько держать скота. Но у себя в колхозе мы строго следим за планом.

Все рассмеялись. Я поспешил поправиться:

— Чтобы один бригадир не хитрил перед другим. Позже они усвоят, что хитрость эта может выйти боком.

— Ясно. А теперь расскажите, как вы у себя используете моральные и материальные стимулы.

Я облегченно вздохнул: о стимулах — это проще.

— Много теперь говорят и пишут о стимулах. Теоретически все это несложно, в жизни иногда бывает труднее.

— У вас что-нибудь такое было? Расскажите. Это интересно.

Невольно подумалось, а не рассказать ли, как мы «стимулировали» ход весеннего сева. Парторг услышал где-то, что денежные премии трактористам теперь выдавать не модно. Нужно по пятидневкам флаги вручать с подарками. Стали мы покупать подарки. Пошлешь кассира в сельский магазин, а там одни майки да трусы, или флаконы дешевого одеколона. Кассир наделает свертки, надпишет их — поезжай, вру чай. Однажды вышло так, что добрецкий тракторист

Леха Лебедев три раза подряд занимал первое место. Первый раз флагшток с подарком ему вручал секретарь парткома, второй — уж не помню кто, а третий подарок довелось везти мне. Скачу на Чинаре в поле, издали размахиваю флагштоком. Леха, завидев меня, останавливает трактор, лезет на капот и, как предупредительный знак, вывешивает на трубу майку с трусами.

Я развернул сверток: «Ба, и у меня то же самое». Пришлось срочно ретироваться. Однако рассказывать это я не решился, чтобы не отнимать время всякими байками. А сказал вот что:

— Стимулы — материальные и моральные — я считаю категориями духовного порядка, которые должны найти верную дорогу к душе человека.

— А зарплата — это что, не стимул?

— Тоже стимул, и может быть, главный. Но работа ради зарплаты, надо согласиться, дело скучное, меркантильное. Уж больно много стало теперь и таких на селе, которым — гони сразу деньги на бочку! А вырастет урожай, не вырастет — это уж пусть заботятся бригадир, специалист, председатель. Вот поэтому зарплата колхозникам — однобокий стимул. Ведь сельский труд особенный, тут можно все хорошо сделать — вспахать, посеять, внести удобрения, но не убрал вовремя, и все пошло прахом. То есть колхозники должны быть заинтересованы в конечном результате, а следовательно и зарплату надо привязать к этому. Кстати, хозрасчет здорово привязывает зарплату сельских тружеников к конечным результатам. Но есть и у нас всякие лазейки. Поэтому мы ищем в слове «стимул» все более глубокий смысл. Сами посудите, разве доброе слово, к месту сказанное, меньше значит, чем трешка или пятерка. У нас в отдаленных деревнях есть немало таких стариков и старушек, которым денег не надо, но расскажи о их делах по местному радио. Едешь иной раз по деревне, а тебе на-

встречу сердобольная бабушка выходит: «Что же ты, родимый, моего старика по радио вчера не похвалил? Он же полгектара льна вытеребил». И я специально записываю это в блокнот, чтобы в следующей передаче не забыть использовать. Таким образом, стимул — это умелое соединение морального с материальным, такое сочетание, когда одно без другого оказывается неполным. «Голая» агитация — плохо, «голая» трешница — еще хуже и вреднее!

О стимулах мы у себя много думали, часто спорили. Не скажу, что всегда удавалось найти правильное решение. Были всякие смешные и грустные истории...

— Долго мы пробовали разные варианты поощрения колхозников, пока, наконец, не уяснили, что стимулы должны воздействовать на развитие каких-то общественных начал, а не разжигать в человеке частнособственнических настроений.

Сказано это было, вероятно, столь хлестко, что на меня все враз поглядели: «Вот, мол, дает! Философ»... И я решил перейти от теории к практике.

— Когда-то нашеправление за хорошую работу выдавало трактористам, дояркам, полеводам трешницы, пятерки. Потом мы отказались от этого и стали вручать вымпелы вместе с подарками. Внешне как будто мы достигали соединения морального с материальным. А на деле? Все это оказалось лишь данью моде, а результат получался один и тот же. Если раньше «обмывались» денежные премии, пропивались все эти трешницы и пятерки, то теперь стали с тем же успехом «обмывать» вымпелы, благо доставались они с «нагрузкой». Правление колхоза понимало, что нужно искать другие формы поощрения. В первую очередь мы их старались найти в недрах хозяйственного расчета, во всем, что представляет общественную значимость. И, кажется, нам кое-что удалось придумать.

Расскажите об этом, — попросили меня.

— Вот, допустим, поработала бригада лучше других. Не обязательно выдавать ей денежную премию. Мы иногда вместо этого решаем выделить ей дополнительные средства на детские ясли, на покупку инвентаря, благоустройство территории, или на ремонт проезжей части улицы, устройство общественных бань, колодцев, на газификацию квартир и т. д. Мне могут сказать: «Старо все это». Согласен, не ново, если глядеть с городской точки зрения. А на селе эти вещи полезные, если к тому же учесть, что подавляющее большинство северных деревень как-то смирилось с бездорожьем, с запустением, с тем, что вокруг домов разросся бурьян, а посреди улиц красуются обильные лужи.

— А еще что делаете?

— В колхозе мы ежегодно проводим конкурсы чистоты, культуры — на лучший дом, лучшее село. Жители активно включаются в работу по озеленению деревень, устройству пешеходных мостиков и тротуаров. А колхоз лучшему селу помогает средствами на благоустройство, лучшему клубу выделяет телевизор, пианино, школе — кинопроекционный аппарат. Иногда и в старую форму можно втиснуть новое содержание.

Чувствуя интерес слушающих, я продолжал:

— У нас теперь широкий размах получили конкурсы на лучший дом. Правление колхоза заказало для этого красивые эмблемы. Если ваша изба украшена, общита тесом, вокруг цветы, сад разбит, огород в порядке, не зарос лопухами, крапивой, заборчик новый покрашен, а внутри дома — обстановка, располагающая к хорошему отдыху или полезному времяпрожождению, то специальная комиссия прибывает на угол эмблему с надписью: «Наш лучший дом — год такой-то». А на торжественном собрании в канун Октябрьского праздника владельцу дома вручается премия — пятьдесят рублей. Заранее обусловленная пре-

мия является как бы восстановлением части затрат, на которые хозяин пошел, украшая дом, усадьбу. Тем самым мы как бы подталкиваем крестьянина к культуре: «Давай, украшай, а мы тебе часть средств восстановим». И здесь не только материальное поощрение культурного хозяина. Поощряется само стремление культурно жить на селе. Красота и культура нашего быта — дело глубоко общественное. От этого как бы происходит цепная реакция: «Сосед украсил дом, получил премию. А я что, разве хуже?» Смотришь, рядом начинают прихорашивать свои дома еще несколько хозяев. И ко всему прочему, мы хорошо понимаем: раз благоустраивается жилье, значит, такой колхозник собирается жить в деревне — не вострит лыжи на сторону.

Не забыл я рассказать и о комсомольских свадьбах, которые колхоз устраивает за счет артельных фондов.

— Мы дарим на них не только материальные подарки, но также стихи, песни местных поэтов и музыкантов. Зимой (летом редко!) устраиваем настоящие праздники в деревнях — с играми, катанием на лошадях, музыкой. Вошли в быт многие народные ритуалы и обряды. Все это дает возможность скрашивать будничную деревенскую жизнь. Теперь уже не скажешь про крестьянина: «До смерти работает, до полусмерти пьет!» Нет, не скажешь.

Министр улыбнулся, довольный, откинулся в кресле. Я почувствовал одобрение своим словам и решил высказаться до конца.

— У нас сейчас ведется много разговоров о закреплении молодежи на селе. Предлагаются мероприятия по сокращению рабочего дня подросткам, снижению норм выработки и прочее. Все это мы потихоньку делаем. Но мне кажется чересчур увлекаться этим не следует, а тем более обольщаться. Считаю такое пере-

иссение городского опыта не совсем продуманным. Возможно, кое-где и нужны ограничения. Но характер сельского труда таков, что у молодого колхозника вполне хватит сил, энергии, знаний, чтобы не уступать в работе старшим. А не лучше ли заботу о молодых проявить иначе? На селе, пожалуй, полезнее позабочиться о жилье для молодого человека, особенно, когда он заводит свою семью. Ведь сколько проблем снимается сразу, если молодая семья получит отдельный дом или квартиру. Квартиру лучше!..

Министр засмеялся.

— Но, к сожалению, квартиру получить молодой семье удается не так уж часто, — должен был я признаться. — Не потому ли молодежь уходит из села обычно в таком возрасте, когда ей надо создавать семью. Мы часто сетуем на молодежь: «Уходит!» Но ей жить негде — это прежде всего. Обратите внимание на такое обстоятельство: новые дома на селе никогда не пустуют. Значит, если молодежь уходит, то мы просто мало строим.

Министр неожиданно посупровел лицом. Наверно, он подумал, что вот сейчас я обращусь к нему с какой-нибудь просьбой. А может и о чем другом подумал... Я поспешил завершить свою мысль:

— За последние годы в нашем колхозе стало правилом: задумает парень жениться — идет в правление и просит, чтобы ему построили дом. И поверьте, нет приятнее миссии, как вручать молодоженам ключи от их будущего очага. Поздравляешь их, а сам радуешься: «Нашего полку не будет».

Окончив говорить, я ужаснулся: «Наплел, кажется, с три короба. Вот надают сейчас по ребрам». Но никто не стал давать мне «по ребрам». Министр объявил перерыв.

СТАРИКИ, СТАРУХИ...

Забавный у меня сын Мишутка. Заскочишь на короткое время в дом — надо поесть что-нибудь поскорее, а он тебе тысячу «почему» подбрасывает. Поперхнешься не раз, прежде чем выдашь ответы.

Но сегодня Мишка не «почемучкает». Он забился в угол и издали наблюдает, как папа уплетает за обе щеки.

Потом выползает из своего укрытия, подходит к столу:

— Пап, а бабуска Матлена умилает.

До меня не сразу доходят его слова. Из кухни появляется жена:

— Ты слышал, что сын сказал?

Спохватываюсь.

— А... Что? Кто это еще умирает?

— Бабуска Матлена.

Я смотрю на жену, та кивает: «Верно говорит». Но ведь Матрена, соседка, что живет от нас через два дома, месяца три как уехала в город к сыну.

— Приехала, оказывается, — сообщает жена. — И никто не видел. Мальчишки бегали, забрели в дом, а она лежит, чуть живая...

— Это как же?

Но расспрашивать некогда. Шапку в охапку — и бегу к старой хибарке. Домик Матрены стоит на отшибе, покосился — таких домов теперь мало в Паче. Давно отпуржило, дороги всюду наезжены, а тут никакой тропы не видно. Только свежие чьи-то следы ведут к крылечку.

Бабка Матрена стара, давно на пенсии. Она и раньше редко выходила из дома. Колхоз подвезет ей, было, дрова, кто-нибудь распилит-расколет, старухе остается убрать в поленницу и дожидаться лютого зимовья. Но нынешней осенью Матрена вдруг объ-

явила, что уезжает к сыну. Дров ей не подвезли.

Вхожу в дом, осматриваюсь в сумерке. Лежит бабка в нетопленной избе, укрывшись одеялом да еще каким-то тряпьем. На столике подле кровати — краюха черствого хлеба и котелок, в котором застыла вода.

— Ах, батюшки. Как же это ты, Матрена?

Из-под одеяла донесся слабый голос:

— Ай, кто там?

Бабка бессильными руками чуть стянула одеяло с лица, освободила глаза и губы, горестно вздохнула:

— Помирать собралась, да смерти что-то нет.

— А город как же, сын?

Старуха зажмурилась, собираясь заплакать. Но слезы, видать, высохли, не плачется.

— Горе мое — сын. Сноха прогнала, а он не заступился.

Меня разбирает зло на этого сына: знаю его, ездит каждую осень картошку убирать. Тихоня какой-то, не как другие. Молча приедет, молча выкопает картошку, молча увезет ее в город.

— В суд на них... Ты же имущество распродала, свезла. Требуй по закону.

— И-и... Бог с ним, с имуществом. На сына в суд не подам.

Слушать эту исповедь горько. Колхоз уже имел дело с такими вот брошенными старушками.

Пошел в контору, распорядился выписать бабке Матрене денег за счет культфонда. Послал кассира купить что-нибудь из продуктов, а бригадиру наказал привезти с фермы сухих дров.

Деревенские люди отзывчивые на беду. Услышали: «Матрена замерзает» — кто с охапкой поленьев, кто с пирогами бежит, кто самовар налаживает. Ожила бабка Матрена.

Вечером мы с парторгом чуть не поругались по этому случаю.

— А не построить ли нам дом для престарёлых? — говорю парторгу. — Скажем, ясли в Добреце подождут, надо срочно сообразить какой-нибудь пансионат.

— Ну, это уж крайности, — возразил парторг. — И то, и другое надо строить.

Мне хочется шуметь, спорить. Но с кем?

— Нет, к черту все эти клубы и ясли! К черту молодежь! Стариков пожалеть надо.

— А молодежь тут при чем?

— При всем при этом...

— Не пойму, — говорит Сергей Егорович.

— А и понимать нечего. Разъехались, стариков бросили...

— Не всех же бросили. Некоторые старики сами не едут.

— Сами?! А в прошлом году, помнишь, две добрецкие старушки приходили в контору, плакали: «Возьмите обратно в колхоз».

— То ж только две.

Парторг, кажется, нарочно меня злит.

— А четвериковскую старушку как хоронили? — распаляюсь я. — Умерла — никто из родственников на похороны не приехал. Помнишь? А как прошлым летом слепую Евдокию из больницы выписали, так прямо и повезли к председателю — давай, председатель, нянчись.

Сергей Егорович почему-то продолжает ухмыляться. Мне хочется побольнее задеть его.

— Ну, хорошо. Вот еще раз привезут слепую в контору — будешь сам подыскивать ей квартиру. С меня довольно. Последний раз все деревни объездил — никто не берет. Ни за какие коврижки! Бабку Сальникову в Берендюхе еле уговорил. А у той самой домишко валится, того и гляди рухнет.

Парторга наконец проняло.

— Так чего же ты хочешь? — в сердцах спросил он.

— Пересмотреть наши строительные планы. С молодежи немного поурезать, а старикам — добавить. А то у нас — школы, клубы, ясли... Все молодежь заманиваем!

Сергей Егорович теперь доведен до полной «кондиции». Он резко бросает:

— Перестань злиться. Разжалобила тебя Матрена — дуешься на весь свет. При чем тут молодежь? И планы нечего пересматривать.

Но потом уже в «мирной» беседе мы оба соглашаемся, что о стариках надо подумать. Их на селе много таких — без дочерей, без сыновей. Укатили их дети в города, некоторые и носа не кажут. Как-то пришло в правление письмо: одна такая «дочка» спрашивает, как поживает ее мамка? Проявила заботу! «Помогите, если чего».

Колхоз и так помогает, просить не надо — и дрова подвезти, и огород вспахать. Но старииков стало столько, что в иной деревне на одну молодую семью приходится по три семьи старииков. Вот и думай, председатель: то ли землю пахать, то ли за стариками ухаживать. А тут еще с весны навезут сынки и дочки своих детишек из городов. И превращается деревня во всесоюзные ясли. Мало того, что последнюю рабочую силу отрывают от колхозного производства, — от ребяччьей шалости бед не оберешься. Как наедут городские пацаны — жди пожаров. Деревенские, те меньше с огнем шалят, они знают его страшную силу.

Ах, старики, старики...

ШОФЕР МИША И ЮРИЙ ДОБРЯКОВ

Раньше в малых колхозах председатель не задумывался, на чем ему ездить. Встанет поутру, оседлает

сивку-бурку, гикнет, огреет плетью — и поехал руководить.

Теперь — другое дело. Колхозы большие, нужно обскакать не один десяток деревень. Тут никакая лошадь не выдержит. Да и седок тоже. К вечеру так укатаешься, что скрип по всем суставам пойдет. Как стали жить лучше, начали обзаводиться председатели машинами. Но появились они не у всех сразу. Завидуешь, бывало, счастливчикам, кои разъезжают в «газиках», «москвичах», а то и на «волгах», словно министры, пылят по дорогам.

Мне с машиной долго не везло. В Дмитриевском колхозе председательствовал пешим. Не одну пару сапог истаскал, пока колхозники не «сообразили» личный транспорт. Пригнали как-то мужики из дальней деревни молодую необъезженную кобылку.

— Вот тебе, председатель, лошадь. Зови ее Искрой.

Долго я с ней бился. А может, она со мной маялась, потому что ездить в седле я тогда не умел. Но вскоре свыкся и с седлом, и с лошадью. До слез было жаль расставаться с умным, послушным животным.

В «Заре», когда принимал колхоз от Андрея Кудрявцева, получил в наследство старенький «газик», доведенный, как говорится, до ручки. Никто к нему не прикасался, кроме, пожалуй, ребятишек, которым не терпелось что-либо поубавить от этой рухляди.

И опять долго пришлось руководить с седла. Но теперь я по полям и весям разъезжал на Чинаре. Эта лошадь служила мне много лет. За день она выдюживала по сотне верст. И всякий раз, сообразуясь с настроением хозяина, то мчалась галопом, то переходила на крупную рысь, но никогда не ходила шагом. Огневая была лошадь!

Наконец я решил перейти с коня на технику. Вызвал механика, двух шоферов и попросил их отремонтировать колхозный драндулет.

— Попробуем, — согласились ребята. Но и после ремонта «козел» упорно отказывался меня возить. Выедешь, бывало, поутру в дальную бригаду на машине, а возвращаешься к вечеру пешком. И не только в поломках дело. Дороги у нас хлипкие, чуть брызнет дождик — глядишь, забуксовало. Управлял машиной молодой веснушчатый шофер Миша. Он, пожалуй, меньше сидел за баранкой, а больше лопатой орудовал. За лето и осень мы, кажется, успевали перекопать с ним все наши дороги. Весной же вообще не отваживались пускаться в далекий путь на этой машине.

Шофер мой обладал удивительным спокойствием и... безразличием к технике.

— Миша, — подсказываю ему, — надо бы смазать машину.

— А чего «козла» мазать? Он и так чумазый...

И, как бы в подтверждение своих слов, проводил ладонью по лбу, поправляя свалившийся чуб. На лице или где-нибудь за ухом у него при этом появлялась новая полоска грязи.

Иногда Миша на полном ходу лихо тормозил, выскакивал из кабины и, сядясь на корточки, со стороны оглядывал свое детище.

— Ты чего? — спрашивал я, когда он снова забирался на шоферское сиденье. Он отвечал не сразу.

— Вспомнил. Вчера мотор снимал. Думаю, привернулся ли?

— Ну и ну, — откровенно сочувствовал я. — Этак и мотор можно потерять.

Но чаще всего я все-таки беспокоился насчет смазки. Зная, что легким замечанием парня не пронять, я старался сперва рассердиться.

— Мишка, черт! Как же ты ездишь? Ведь машину и впрямь не смазывал!

Но и тогда олимпийское спокойствие моего шоfera

не нарушалось. Он молча залезал в кабину, нажимал на стартер и трогал в путь-дорогу. А потом, отъехав несколько километров, назидательно разъяснял начальству:

— Положено ее через четыреста часов смазывать. — И убедившись, что начальство спорить не намерено, добавлял: — Порядок мы блюдем.

Я понимал, что Миша заливает, но нарушать философский настрой парня в дороге не решался. Это приводило к тому, что руль вдруг начинал не слушаться его, а машина почему-то находила самые неподходящие лужи и застревала накрепко. Побившись час-другой, весь выпачканный и злой, я уходил пешком, а шофера отсыпал за трактором. Машину пригоняли домой с помятыми крыльями или вовсе без буфера. И тогда Миша неделями загорал на лужайке возле кузницы, чинил, не торопясь, свою машину.

Однажды все это кончилось. Миша решил продемонстрировать все доблести «козла», доказать председателю, что машина у него в порядке. Он лихо катил нас с агрономом по дорогам, удачно перескочив через луг и поле. Вконец осмелев, решился с ходу форсировать небольшой ручей. «Козел», влетев на середину песчаной отмели, вдруг дико заурчал, расплескивая воду колесами. А потом стал как-то неестественно дергаться, словно в конвульсиях. Пришлось снова посыпать за трактором.

Утром механик «обрал»: развалился задний мост. Машина прочно стала на прикол. А вскоре и Миша ушел в армию... Нового шо夫ера я нашел не сразу. Им стал Юрий Добряков — родом из деревни Кичино.

Давно уже замечено, что кичинские ребята — природные механизаторы. Не знаю, как в других хозяйствах, а в нашем колхозе, когда мы отбираем пар-

ней на курсы механизаторов, всегда учитывали эту особенность. Так уж повелось, что Кичино, Пача, Горка и некоторые другие деревни всегда давали колхозу хорошие кадры для работы с техникой. Напротив, Соколово, Покровское, Соколье никогда не поставляли дельных механизаторов. На что уж дотошный народ в селе Едома — и огурчики-то в любой год вырастят, и сады у них лучше всех цветут, и само село чище, опрятнее других, а вот механизаторов толковых из едомских ребят не получалось.

Юрий Добряков — механизатор широкого профиля. Он и тракторист, и шофер, и комбайнер. Нужда появится, Юрий встанет к любому станку. А то, глядишь, заделается кузнецом, сварщиком. Знает он столярное, слесарное дело. Одним словом, по природе это смекалистый парень, у которого любая работа спорится. Вот только росточком бог его обидел. Но о таких в селе говорят с уважением: «Мал золотник, да дорог».

Авторитет среди колхозных механизаторов у Добрякова завидный. Еще бы! Он издали слышит, чем болен мотор. В технические споры не очень-то вступает, но скажет словцо — как отольет. Делай, как он скажет, — всегда хорошо будет.

К мнению Добрякова прислушивается даже сам механик Зародов. А ведь Алексей Иванович профессором среди старых технарей значится.

Зародов мне как-то сказал:

— Возьми шофером Добрякова, не подведет.

Но Юрий ко мне не пошел, коротко ответив на приглашение:

— В бригаде дел полно.

Сначала мне показалось, что Добряков набивает себе цену, а потом увидел, что он на самом деле необходим в бригаде. В посевную Юрий на своей машине и семена подвезет, и горючее подбросит, а то ре-

монтажом займется, если у новичка трактор забарахлит. И делал он это без наряда, по своей доброй воле — просто не мог утерпеть, если видел, что машина просыпает.

А начинается сенокос или подоспевет силосование — он и тут что-нибудь изобретет. Юрий первый начал внедрять механическую уборку трав, стаскивал и укладывал силосную массу в бурты.

Но особенно преображался он на уборке хлебов. Грузовик свой передавал напарнику, а сам садился на комбайн. На комбайне Юрий, что называется, давал класс! За все годы работы в сельском хозяйстве мне не приходилось такое видеть.

Долго я присматривался к Добрякову, пытался понять, как он косит хлеба, что у него любые неровности поля остаются словно выбритые. Казалось, что жатка у его комбайна эластичная и может добраться до любой полевой вмятины. Только приглядевшись внимательно, я понял, как это у него получается.

Добряков обычно не держится за штурвал — руль у него прижат локтями, а кисти рук свободно управляют гидравликой. Руками он то опускает хедер, то выносит или подтягивает мотовило. Регулируя скорость движения, добивается того, что срезанная масса всегда равномерно поступает на шнек, барабан гудит уверенно, не надрываясь, не «проглатывая» слишком больших порций. Машина не испытывает перегрузок, а это очень важно, когда хлеба плотные, высокие. Если скошенная масса поступает в барабан неровно, мотор напрягается до предела, а тело комбайна, словно живое, начинает нервно содрогаться. С комбайном Добрякова ничего подобного не происходит. Можно часами слушать свободный, ровный рокот его мотора.

Однажды, возвращаясь с районного совещания, мы с парторгом завернули на поле, где работал Добряков. Невольно залюбовались красивым зрелищем. Где-то

за лесом догорал закат, на поле спускались сумерки. Комбайнер включил фары и, не снижая темпа, вел свой корабль по длинному загону. Мы решили дождаться, когда комбайн обойдет круг. Юрий подъехал, остановился, но похвал в свой адрес не стал выслушивать. Наоборот, недовольно проворчал:

— Чего меня караулите? Я с поля не убегу.

Он посмотрел со своего капитанского мостика в сторону деревни, спрятавшейся за темным горизонтом, и сердито махнул рукой:

— Лучше проверяйте работу сушилок. Спят ведь по ночам.

Мы с парторгом молча переглянулись, сели в машину — и, айда по всем сушилкам. Добряков оказался прав: кое-где сушильщики спали, а если и не спали, то работали вяло. Производительность ночной смены была в два раза ниже дневной. Пришлось принимать срочные меры.

После ухода Миши в армию колхоз вскоре получил новую легковушку. Но надо было и старую восстанавливать: специалистов в колхозе прибавилось — только подавай транспорт. Прибыл с учебы Михаил Иванович Чистяков. Его избрали заместителем председателя. Чтобы ухаживать за двумя машинами, нужен был опытный шофер.

Добрякова снова вызвали вправление. На этот раз он согласился, но при одном условии: на время уборки хлебов отпускать его на комбайн. Условие всем подходило — дали такое обещание. Теперь десять месяцев в году председатель стал разъезжать с шофером, остальное время крутили баранку по очереди с парторгом. Михаил Иванович тоже имел права шофера, но за баранку не садился.

Шофер председательского «газика» — не просто водитель машины. Это его вечный попутчик, советчик и даже референт по многим вопросам. Счастье

руководителя хозяйства, если у него есть такой шофер.

Бывая вместе с председателем на бригадных собраниях, полевых «летучках» и просто при всякой беседе с колхозниками, шофер постепенно вникает во все заботы и, конечно, осваивает руководящий опыт. Он видит твои успехи и поражения. Знает, что о тебе думают люди.

Совет шофера председателю никогда не лишний. С его мнением надо всегда считаться и добрым расположением к себе дорожить. Часто председатель видит одно, а шофер замечает другое. Доказывает, например, бригадир, что техники у него не хватает, людей маловато, потому, дескать, и не справляется бригада с делами. Но шофер в удобный момент упрекнет слишком доверчивого председателя:

— Подзагулял бригадир-то. Вот, поди, и разболтались люди. И техника простояла. А ты поверили...

— А ты откуда знаешь?

— Знаю, — таинственно скажет шофер, и мне понятно, что дальше спрашивать не следует: шофер в какой-то мере должен оставаться нейтральным. Но толчок дан — думай, председатель!

Иной раз Добряков как бы невзначай уронит словцо-другое.

— Трактористы в Демидове ругаются...

— Это отчего же?

— Инженера нашего давно не видели.

Проверишь — и впрямь инженер забыл бригаду. Даешь ему нагоняй и спешную командировку...

Шофер иногда здорово выручает председателя. Начнешь, например, ругать тракториста за плохую пахоту, а тот тебе на одно слово десять: и плуг у него плохой, и трактором-то его обидели. Все дружки новые получили, а он на старом...

Пока мы препираемся с трактористом, Добряков молча похаживает вокруг трактора, осматривает плуг, к чему-то примеряется. Наконец, скажет:

— Прицеп-то у тебя, паря, того, в сторону тянет. Ну-ка, давай планку на две дырки передвинем.

Тракторист передвинет — пошел плуг как по маслу.

А в другой раз шофер отдаст руль председателю, сам останется на ферме или сушилке:

— Надо ребятам помочь.

И проживет там день, два, а то и больше. Пока работу не закончит, домой не вернется. Механизаторы уже привыкли к Добрякову, обращаются к нему, как к дежурному механику.

Писатель В. Тендряков вывел в «Кончине» образ председательского шофера Алехи Шаблова, который, слепо любя властного хозяина, сделался врагом его семьи. Шофер, если он ценит и уважает своего начальника, не может быть врагом, наоборот, скорее сделается другом его семьи.

Заранее предвижу улыбку дотошного читателя: «Как же, возит жену по базарам». Не знаю, возможно, где-то и случается такое. Но у нас базары не в моде, а по магазинам в селе не ездят: не заведено, значит.

Другом шофер становится по иной причине. Вместе с председателем он вечно мыкается по дорогам. Застранет в ненастную погоду машина где-нибудь в грязной дыре — кто в большей беде? Шофер за рулем, а председатель чаще всего с лопатой у колес. Иногда поменяются ролями, но суть дела остается прежней. Оба грязные, оба уставшие, одинаково клянут и дожди, и раскисшие дороги, забывая при этом, что дома их поджидают одинаково рассерженные жены. А почему рассерженные? Да потому, что это ведь маята — каждый раз ожидать распроkлятого мужика, до по-

луночи не спать и все поглядывать на окна: не брызнет ли свет фар! Быть женой председателя или женой шофера — тоже не легкая должность.

Вот эта общность судьбы и заставляет председателя по-особому относиться к семье шофера, а шофера — к семье председателя. Невозможно им быть врагами. Но это, как говорится, к слову.

Деловитость Добрякова всегда вызывает уважение, добрую зависть. Он ни минуты не просидит без дела: вечно что-то мастерит, ладит, прихорашивает. Дом у него добротный, опущен тесом, затейливо выкрашен. Юрий сам изготовил и установил резные парадные столбики на крыльце, выпилил фигурные карнизы, пристроил веранду к дому. Рядом сад, в саду пчелы, тоже всем на диво. И что за пчелы такие — в любое лето вдосталь меду наташивают.

Однажды с Добряковым беда приключилась. Убирал в ночную смену ячмень и решил что-то при свете фар подрегулировать у комбайна. Малая неосторожность — и рукавицей попал под ремень главного шкива. Но Добряков не растерялся, смекнул, как выкрутиться из беды. Надавил плечом на ремень, подтолкнул куртку свою в шкив, рассчитывая тем самым заглушить мотор. И не ошибся.

— Почему же не крикнул помощнику, чтобы тот сбросил ручку газа?

— Все равно бы не успеть. Помощник когда-то подбежит. И еще вопрос — заглушит или прибавит с перепугу газу. Парень молодой, растеряться может.

Руку сильно покорежило, но до плеча шкив не добрался, хотя изрядно пожевал куртку. Думали, прощай теперь комбайнерство и шоферить больше не придется. Но за руль машины Добряков сел спустя несколько месяцев, а на следующий год с успехом управлял и комбайном. Рука хорошо слушается. Только на ладони остались глубокие шрамы.

Добряков — человек внимательный, чуткий и отзывчивый на всякие хозяйствственные заботы. Он быстро улавливал думы и планы председателя, прислушивался к спорам механиков, часто беседовал с инженером, агрономом, зоотехником. Зная их дела, заботы, трудности, предложил однажды механизировать старые льносушилки. В колхозе их было три, и они, казалось, уже отжили свой век и годились лишь на металлом. Но Добряков стоял на своем:

— Можно сделать. Надо только подумать хорошенько.

Однажды он попросил отпустить его с машины.

— На недельку только.

Пришлось отпустить. Дней через десять механики сами потащили меня на сушилку.

— Посмотрите, что Добряков выдумал.

Добряков проложил узкоколейку, изготовил авт весы, а по рельсам пустил тележку с опрокидывающимся кузовом — тоже собственного изготовления. Тележка снабжена электромотором и гидравлической установкой.

Теперь зерно не надо всякий раз затаривать. Специальный зернопогрузчик подает его в кузов, тележка движется к автовесам, а потом направляется к засекам и сама там разгружается. На току стало меньше людей, а работа пошла лучше, веселее. Агроном и бригадир первыми кинулись поздравлять своего «спасителя». А Юрий, еще раз осмотрев свое изобретение и убедившись в его надежности, молча направился к председательской машине. Повернув ключ зажигания, как обычно, спросил:

— Куда поедем?

ПРОЩАЙ, «ЗАРЯ!»

У всякого дела есть конец. Пора и мне заканчивать свои «Записки». Всего, что было, все равно, не упомнишь, не расскажешь. Да и не успею. Скоро меня вызовут в райком, а потом в обком и скажут: пора собираться в другую дорогу.

Правда, я еще долго буду упираться, доказывать, просить: «Дайте, мол, еще годик-другой поработать в «Заре», а там как хотите...

Но сейчас, когда дописываю эти строки, я уже знаю, что однажды мне придется выложить на стол колхозную печать и сказать Чистякову, заместителю:

— Бери, Михаил Иванович.

Боевой зам, конечно, постарался ободрить:

— Ничего! Может, и на этот раз отбрыкаешься.

Но я-то понимаю, что уже не отбрыкаться. В райкоме еще можно было спорить, а в обкоме не отговоришься.

И вот — вновь колхозное собрание. Его открывает Михаил Иванович Чистяков. Колхозной печатью он не долго владел: пришлось передавать другому председателю.

Бюро райкома постановило рекомендовать в «Зарю» молодого специалиста Владимира Бухонина.

Я сижу в президиуме, глаза почему-то туманятся, и люди «Зари» проплывают перед взором, как в кино. До боли жаль расставаться с хозяйством, с людьми, вместе с которыми успел пуд соли съесть. Частица сердца останется в этом колхозе. Все, что сделано и не сделано, что построено и только задумано, — все это прикипело, въелось, стало дорогим и близким. А главное — люди!.. Вон они сидят в зале: находились все — и друзья и «недруги» одинаково теперь

дороги! Глядят, жалеют и вроде бы упрекают: «Что же это ты, Михалыч, а?»

Бригадир Дрогалов, сидя в третьем ряду, покрутил вдруг кулаком в воздухе, ударил ладонью по спинке стула, а потом, не попросив слова, полез на трибуну.

— Ты скажи нам, председатель, сам уходишь или тебя от нас забирают?

Что я отвечу?

Павел Антонович Беляев, бригадир с Берендинхи, суетливо ерзает на стуле, что-то пытается сказать, но только поглаживает лысину на голове. Она у него сейчас здорово блестит. «Эк, кипяток, думаю, ведь опять заявление накатает». У него характер — порох: чуть что не по нему — немедленно требует отставки! А мужик дельный, хозяйственный, правда, немного прижимистый.

На территории бригады есть небольшое озерцо, караси в нем водятся. Так боже упаси летом выловить карася! Зимой, когда карасям станет душно подо льдом, он соберет на берегу всю бригаду, в прорубях начерпает рыбы и всю разделит по едокам. Молодь тронуть не разрешает. Потом заставит проруби соломой, чтобы продух был, — и терпи рыбак до следующей зимы.

Я перевожу взгляд с Беляева на Петровича. Тот сидит плотно и капитально хмурится. Рядом Зародов Алексей Иванович — задумчивый, вечно чем-то озабоченный. Кажется, он и сейчас слышит частушку про свою базу.

У Зародова на базе
Плачет техника от грязи.

А вон стоит у двери, подпирает притолоку плечом Федор Павлушкин — колхозный наездник и конюх.

Он сосед мой. Не было еще дня, чтобы он не встретил председателя утром или вечером. Забота его — накормить коня. То овса, то сена получше попросит. А когда его любимица Чинара сломала себе ногу и ее пришлось прирезать, Федор плакал, как мальчишка. И сейчас у него дома, на стене, висит крупная фотография Чинары. Глаза у Федора увлажнились, губы шевелятся, он будто спрашивает: «Овсеца-то будет коням, ай нет?».

«Люди! Люди! Как мне жить без вас? Без ваших бед и радостей». И чтобы как-то скрыть непрошеную слезу, напускаю на себя сердитость. Говорю:

— Ну чего нахмурились? Ведь недалеко ухожу. Шексна совсем рядом, вместе работать будем.

В первом ряду вижу агронома Бухонина, того самого агронома из «Шексны», про которого частушку когда-то пели: «Не хвались зерном Бухонин...» А он не хвалился, но выращивать умел. Три года работал «главным» в соседнем колхозе и в культуре земледелия преуспел. Идут в гору урожаи шекспинские...

Теперь Бухонин будет председателем в «Заре». Понимаю, что надо поддержать его, дать напутствие, что ли...

— Думаю, что молодой председатель дальше пойдет, быстрее!..

Но чувствую, что люди слушают плохо, их эти слова не трогают вроде. Наверно, что-то не так говорю.

Пронеслись, отзвенели годы! И не малые. «Записки председателя» начали складываться давно, чуть ли не с первых лет работы в деревне. Хотя нет, первые годы выпали, о них лишь мельком упоминается в начале «Записок». Выпали, конечно, не случайно. Долго я стыдился тех лет. Тогда мы, неумелые председатели,

не раз выкидывали «коленца». Я, может быть, больше всех выкидывал.

Помню веселое напутствие москвичей:

— Не робей, Дима, чего там. Не боги горшки обжигают!

— Не боги, — хмуро соглашаюсь я.

Кто-то из членов бюро Московского обкома партии, видимо, заметив мою хмурость, спрашивает:

— Ты раньше-то бывал на селе? Знаешь хоть сколько-нибудь сельское хозяйство?

Откуда мне его знать? Из деревни отец забрал нас еще маленьками, а повзрослели — вся жизнь была связана с городом: школа, ремесленное училище, завод. Потом армия, работа в горкоме ВЛКСМ. А комсомол всегда учит не работать. Вот я и не робею. Отвечаю бойко члену бюро:

— Знать не знаю. Но в решении ЦК КПСС сказано, что нас обеспечат библиотечками. Пока доберусь до места, подзубрю немножко.

Ах, зелень несусветная! Подзубрить хотел за дорогу сельское хозяйство!

А его всю жизнь изучай — учению конца не будет...

«Зелень» давала знать о себе и после. Избрали меня председателем в самом захудалом колхозе. Тринадцать их было здесь до меня, я стал четырнадцатым. Еще когда распределяли нас в райкоме, нечаянно услышал из-за приоткрывшейся двери:

— Посылают на село всяких мальчишек...

— Он тридцатитысячник, — отвечал спокойный голос.

— Ну, тогда давайте в «Красное знамя» направим. Тринадцать там было... Не беда, если и четырнадцатого заменим.

Я выбежал из райкома, спрятался в скверике и в кровь искасал губы. А потом почувствовал, что «Крас-

ное знамя» — мой родной колхоз. Почему-то он уже стал мне дорог.

На другой день после избрания поехал с инструктором в Петринево, к секретарю райкома. Иван Васильевич Шестиперов (это ему принадлежал спокойный голос) по-отцовски встретил меня, тепло поздравил.

А потом как бы невзначай спросил:

— Печать принял?

— Какую печать?

«Зелень» пулей вылетела из кабинета и двадцать верст с гаком дозревала пешком. Аж земля под ногами горела. Ввалился в деревню.

— Где старый председатель?

А тот в соседней деревне со своими приятелями прощается — бражничает.

Пока добрался туда, мой «спидометр» еще накрутил пять километров. Наконец разыскал компанию. Налетаю коршуном:

— Отдай печать!

Предшественник на меня колюче поглядывает из-за стола:

— Ничего не выйдет. Ставь полмитрия.

Он еще и юмор не позабыл.

Собутыльники хором поддакивают:

— Ставь! Ставь, московец!

Пришлось ставить, сделав еще дополнительных три километра, потому что в той деревне лавки не оказалось.

Наконец «хозяйство» принял. Идем со старым председателем на скотный двор. Тот, не дойдя шагов десять, вдруг уперся.

— Не пойду.

— Почему?

Скоро выяснилось почему.

Во дворе плавали какие-то бревна, вдоль стен лежали изломанные кормушки. Протопали вдвоем по колено в жиже.

— Густо.

Отдаю первое распоряжение:

— Двор заколотить, коров не впускать!.

«Старый» косо поглядел на меня, дико фыркнул с похмелья и, махнув рукой, ушел куда-то. Побрел и я потихоньку из этой деревни.

А ночью начали вдруг одолевать кошмары. Снится: коровы разбрелись по лесной полянке, сиротливо жуют траву, а из лесу налетают волки, рвут одну, другую...

Вскрикиваю. И... стремглав наматываю все те же пять верст. Пока бежал лесной дорогой, кошмары стали казаться явью. «Все, — думаю, — пропала моя голова. Нахозяйничал».

И какова же была радость, когда, выкатившись на поляну, увидел костер, старика с ружьем у костра и лежащих неподалеку сытых коров, жующих жвачку. Аж ноги подкосились от счастья.

До утра просидел с дедом, который рассказывал мне про всякие лесные были-небылицы, про старую свою охоту. Только к утру он задал вопрос по существу:

— Ну, как хозяйствовать будешь, московец? Долго я ведь не прокараулю.

— Что-нибудь придумаем, дедушка, — пообещал я старику. Но «придумывать» новые скотные дворы пришлось долго...

Для чего все это написано?

Вовсе не для того, чтобы напустить в «Записки» деревенского «колориту». Мне не раз доводилось видеть, как иной специалист приходил в деревню, но, не найдя

точки опоры, уходил, как говорится, несолоно хлебавши.

У меня была соленая наука. Если она кому-то сгодится, поможет найти точку опоры, я буду счастлив. Для этого и писал свои «Записки».

Пача—Шексна.
1962—1970 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Здравствуй, Вологодчина!	3
Андрей Кудрявцев	6
Утро вечера мудренее	10
Лесная сторонка — Демидово	13
Хочется знать	16
С чего начать?	18
Разорвать круг	20
И думать, и действовать!	23
Заварил кашу — доваривай	26
С чем «едят» хозрасчет	27
На кой леший...	28
Первая весна	33
Вперед, Чинара!	34
Головомойка	36
Разлад	38
Иван Антонович Неробов	39
И другим положено...	46
Алеша Никитин	49
И скучно, и грустно...	53
Закипела работа	55

Помогай, председатель!	57
Степан Басов	60
Василий Дрогалов	63
Что же молодым надо?	67
Сергей Егорович	73
Аппетит приходит во время еды	79
Слово к друзьям-журналистам	82
Полно философствовать!	85
Программа такая	86
Вечерком на реке	93
Штурм	96
Думать, председатель, надо	99
Разговор в районе	101
Большие и малые заботы	105
Марк Иванович	110
Петрович	113
Культурный аврал	119
Организация, хозрасчет, стимулы	124
Старики, старухи	135
Шофер Миша и Юрий Добряков	138
Прощай, «Заря»!	149

Кузовлев Дмитрий Михайлович

СОЛЕННАЯ НАУКА

Редактор *В. К. Лиханова*

Оформление художника *Б. И. Шабаева*

Художественный редактор *В. С. Вежливцев*

Технический редактор *Н. Б. Буйновская*

Корректор *М. М. Михайлова*

Сдано в набор 27/XII-1973 г.

Подписано в печать 14/II-1974 г.

**Форм. бум. 70~~×~~90/32 (бумага типографская № 1)
Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,85. Уч.-изд. л. 6,821**

Тираж 15000. ГЕ00161. Заказ № 7704.

Цена 33 коп.

**Северо-Западное книжное издательство,
Архангельск, пр. П. Виноградова, 61.**

**Областная типография,
Вологда, Калинина, 3.**

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

РЕДАКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выходит в свет:

НИКОЛАЙ КУЧМИДА. Выпадет снег.

Герои рассказов и повести Николая Кучмиды — обычные люди: молодой кульработник Лиза, фотограф Людмила Петровна, солдаты Стругов и Лебедев, представители рабочей профессии — электрики Лыткин, Векшин, Митин, Таня, Юрий. Все это люди с разными характерами и судьбами, но их роднит любовь к делу, которому они служат, товарищеская взаимопомощь и выручка в трудную минуту. Автор уделяет внимание внутреннему состоянию героев, их настроению.

«Выпадет снег» — вторая книга Н. Кучмиды. Первая — «Всего хорошего» — вышла в 1969 году в Москве, в библиотечке журнала «Советский воин».

Н. Кучмиды окончил Литературный институт им. Горького. До института учился в суворовском училище, служил рядовым в пехоте, плавал матросом в северных морях, работал электромонтером на Череповецком металлургическом заводе.

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

РЕДАКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выходит в свет:

ОЛЬГА ФОКИНА. Маков день.

Ольга Фокина хорошо известна любителям поэзии. В Москве вышли сборники ее стихов «Сыр-бор», «А за лесом — что?», «Аленушка». Северо-Западное книжное издательство выпустило сборник О. Фокиной «Реченька» и книгу ее стихов в «Библиотеке северной поэзии».

В «Маков день» вошли новые стихи поэтессы, проникнутые любовью к родному Северу. Ольгу Фокину особенно привлекает жизнь северной деревни. Для ее творчества характерно пристальное внимание к народному языку, деревенскому быту, судьбе женщины-крестьянки. Обращается поэтесса в своей книге и к темам Родины, труда, к любовной лирике.

33 коп.